

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Стёпкин Е.Ю. Феофан Прокопович как идеолог
полицейского государства..... 4

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Архипов И.В. Жизнь как объект гражданско-правовой
защиты..... 7

Ключихин В.А. Проблемы безопасности платёжных операций
с использованием банковских карт в России 12

Куликов И.В. Договор трансграничного франчайзинга –
сделка, направленная на защиту коммерчески важных
сведений 15

Санников Д.В. Современная правоприменительная
практика в области защиты вещных прав и законного
владения 19

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Агеенков А.А., Коцеруба И.О., Никушов С.С., Ошкин И.В.
Проблемы раскрытия преступлений, связанных
с незаконным оборотом наркотиков в свете новых вызовов
и угроз 22

Андрейкин А.А. Функционирование территорий
с преференциальными административно-правовыми
режимами в дальневосточном федеральном округе..... 26

Бекренев Л.Л. Проблема неэффективности статьи 200.4
Уголовного кодекса Российской Федерации как элемента
охраны отношений в сфере закупок для государственных
и муниципальных нужд 30

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Тимохов В.П. Криминогенные
проявления депривации 35

Ковалев Н.С. Принцип равенства осужденных перед законом
в международных правовых актах, закрепляющих стандарты
обращения с заключенными 39

Лалко Г.К. Криминологические особенности преступлений
против общественной нравственности..... 44

Окюлов Н.О. Состояние и перспективы кадровой работы
органов внутренних дел Республики Узбекистан 47

Пономарев В.Г. Посягательства на отношения, связанные
с использованием технологии блокчейн: проблемы
определения социальной сущности и основного объекта
преступления..... 52

Фомичев И.А. Понятие и критерии труднодоступных
и малонаселенных местностей 57

Хитев А.П. Работа со следами на месте происшествия,
обнаружение, фиксация и изъятие..... 61

Шахбазов Р.Ф. К вопросу о дефиниции пособника
в уголовном праве России 65

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузаква Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.12.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Шишкин Р.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий 68

Щебляков Е.С. Право: особенности международного опыта противодействия финансированию экстремистской деятельности 74

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ларин Е.А., Расторгуева Н.Е. Особенности становления института авторского права в Аргентине 77

Филиппенко А.А. Северная граница США на фоне истории американо-канадских отношений 80

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Митрофанов А.П. Служебный подлог, совершаемый российскими судьями: незаконность квалификации по статье 292 Уголовного кодекса РФ 84

Голенев В.В. Действительная налоговая обязанность налогоплательщика по налогу на добавленную стоимость в сделке: проблемы определения 91

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Styopkin E.Y. Feofan Prokopovich as the ideologist of the police state..... 4

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Arkhipov I.V. Life as an object of civil protection..... 7

Klochikhin V.A. The problem of the security of payment transactions using Bank cards in Russia 12

Kulikov I.V. Cross-border franchising agreement – as a legal transaction aimed at protecting commercially important information 15

Sannikov D.V. Modern law enforcement practice in the field of protection of property rights and legal possession..... 19

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Ageenkov A.A., Kotseruba I.O., Nikulov S.S., Oshkin I.V. Problems of solving crimes related to drug trafficking in the light of new challenges and threats 22

Andreykin A.A. Functioning of territories with preferential administrative and legal regimes in the far Eastern Federal district..... 26

Bekrenev L.L. The problem of ineffectiveness of article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation as an element of protection of relations in the field of procurement for state and municipal needs..... 30

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P. Criminogenic manifestations of deprivation..... 35

Kovalev N.S. The principle of equality of convicts before the law in the international legal acts of the United Nations, which establish standards for the treatment of prisoners 39

Lapko G.K. Criminological features of crimes against public morality..... 44

Okyulov N.O. The state and prospects of personnel work of the internal Affairs bodies of the Republic of Uzbekistan..... 47

Ponomarev V.G. Attacks on relationships related to the use of blockchain technology: problems of determining the social essence and the main object of the crime 52

Fomichev I.A. Concept and criteria of hard and low-populated locations 57

Khitev A.P. Work with traces at the scene of an accident, detection, fixation and removal..... 61

Shahbazov R.F. On the definition of an accomplice in Russian criminal law 65

Shishkin R.V. Prevention of crimes committed in the sphere of the consumer market using digital technologies 68

Shcheblyakov E.S. Law: Features of international experience in countering the financing of extremist activities 74

OVERSEAS EXPERIENCE

Larin E.A., Rastorgueva N.E. Genesis specificity of copyrighting law in Argentina 77

Filippenko A.A. The U.S. northern border and the history of the U.S.-Canadian relations 80

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

Mitrofanov A.P. Official forgery committed by Russian judges: illegality of qualification under article 292 of the Criminal code of the Russian Federation 84

Golenev V.V. Substantial tax obligation of a value added taxpayer in a transaction: problems of definition 91

Феофан Прокопович как идеолог полицейского государства

Стёпкин Евгений Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России
E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

В статье рассматриваются политические взгляды одного из главных идеологов реформ Петра I. На основе анализа научных работ Ф. Прокоповича обосновывается его вклад в становление теории российского абсолютизма, полицейского (регулярного) государства. Феофан Прокопович являлся типичным идеологом полицейского государства. В его концепции прослеживаются все классические признаки государства данного вида: идея «общего блага», всеобъемлющая регламентация и контроль за жизнью подданных, подчинение церкви государству и другие. Неограниченность власти монарха Феофан обосновывает необходимостью достижения государством общего блага. По его мнению, только высокое и независимое положение царя может обеспечить государственной власти возможность беспрепятственного его достижения. Прокопович выступал за детальную регламентацию различных сторон поведения людей с помощью многочисленных правовых актов. Многие идеи Феофана совпадали с убеждениями самого Петра I и воплощались в жизнь с помощью его многочисленных указов и регламентов. Представляется, Феофан прекрасно понимал, что для реализации подобных идей необходимо учреждение особого государственного органа с широким кругом полномочий. Поэтому он не мог не поддерживать начинаний императора по учреждению в России регулярной полиции.

Ключевые слова: Прокопович, государство, идеи, реформы, монарх, власть.

Как и в странах Западной Европы, легитимация абсолютной монархии в России и ее законодательной монополии выводилась из государственной заботы об общем благе.

С точки зрения Петра I «общая польза» – это способность подданных в зависимости от сословной принадлежности служить государственному интересу.

Во имя общего блага работали все, представители всех категорий населения и профессий, от крепостного крестьянина до царя, которому для этого нужна была неограниченная власть и который выказывал эту заботу на личном примере еще до того, как подобного рода образ действий оказался теоретически обоснован [3, с. 61].

Поскольку осуществление идеи «общего блага» ставило перед государством ничем принципиально не ограниченные задачи, это служило великолепным средством узаконения неограниченных прав монарха, в том числе по упорядочиванию и регламентации социальной жизни страны [2, с. 320].

Можно сказать, что Петр к идее «регулярного» (полицейского) государства пришел самостоятельно, а изучение трудов западноевропейских мыслителей и зарубежного опыта лишь укрепило его в данном мнении и позволило подвести под него теоретическое обоснование.

Наиболее ярким отечественным мыслителем, создавшим идеологический фундамент реформам Петра, был Феофан Прокопович (1681–1736). При Петре I он прошел путь от преподавателя Киево-Могилянской Академии до епископа и вице-президента Святейшего Правительствующего Синода. При этом являлся ближайшим сподвижником царя и «придворным идеологом». Личность Феофана Прокоповича вызывает противоречивые оценки. С одной стороны, он был одним из самых образованных людей своего времени, знал несколько европейских языков, являлся блестящим оратором. С другой стороны, его моральные принципы вызывают сомнения. Для того чтобы, получить образование в католическом учебном заведении, он перешел из православия в униатство, а затем снова принял православие. Данный поступок с точки зрения православия является неприемлемым. Достаточно колоритно личность Феофана охарактеризовал Б.И. Сыромятников: «протестант в душе, человек большой эрудиции, основательно из-

учивший классическую и современную ему историческую и философскую литературу (Бэкона, Декарта, Гроция, Гоббса, Пуффендорфа, Х. Вольфа и др.), Феофан сразу заявил себя ревностным и смелым, хотя и далеко не всегда разборчивым в средствах, бойцом за обновленную Россию. Никто, разумеется, при таких условиях, не мог лучше его выполнить тогда ответственную миссию глшатаая новых государственных начал. И, надо отдать ему справедливость, он совершил это дело мастерски» [6, с. 522].

Наиболее известными произведениями Ф. Прокоповича, отражающими его взгляды на государство, являются «Правда воли монаршей» [4]. «Духовный регламент», «Слово о власти и чести царской» [5, с. 84]. Исследователи отмечают, что первые две работы «были изданы в законодательном порядке, являлись основными государственными актами, подводившими идеологический фундамент под государственную реформу Петра в целом» [7, с. 61]. Во всех этих работах он выступает как сторонник абсолютной монархии, подчинения церкви государству, широкого вмешательства государства в жизнь подданных.

«Правда воли монаршей» была написана по заказу Петра I с целью оправдания его Указа о престолонаследии, согласно которому монарх сам мог определять наследника престола. В этой работе Прокопович весьма оригинально объясняет происхождение государства, сочетая теологическую теорию с теорией общественного договора. Это было попыткой приспособить теорию Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуффендорфа к российским условиям. Так, автор пишет: «злобы человеческие понудили человек в един общества союз и сословие собратися и поставить над собой, ради общей пользы, тишины и безопасности, власть верховную или державную» [4, с. 27]. То есть, изначально, согласно автору, между народом и монархом заключается своего рода договор, по которому народ раз и навсегда передает свою волю монарху. Вместе с тем, производный от воли народа характер державной власти Прокопович пытается «примирить» с идеей ее божественного происхождения. По мнению автора, в момент установления договора и выбора государя «народная воля бывает не без смотрения Божия» [4, с. 28]. Таким образом, выбор народа является «гласом Божиим».

Наряду с этим, Феофан Прокопович неоднократно подчеркивает независимость монарха от народа, ставит волю монарха выше закона. Он пишет, что «всяк самодержавный государь человеческого закона хранить не должен» и «от человека судим быти не может» [4, с. 22]. «Монарх только божию суду подвержен, а не человеческому» [4, с. 22]. Феофан отстаивает неделимость суверенитета, который будучи отчужден у народа, навсегда передается монарху, обладающему всей полнотой власти. При этом народу не предоставляется никакой возможности легального сопротивления и соучастия в ней. Народу автор оставляет лишь обязанность безусловного повиновения

«безпрекословному повелительству самодержца» и долг верности [6, с. 525].

Феофан Прокопович являлся типичным идеологом полицейского государства. В его концепции прослеживаются все классические признаки государства данного типа: идея «общего блага», всеобъемлющая регламентация и контроль за жизнью подданных, подчинение церкви государству и другие.

Неограниченность власти монарха Феофан обосновывает необходимостью достижения государством общего блага. По его мнению, только высокое и независимое положение царя может обеспечить государственной власти возможность беспрепятственного достижения «общаго добра». То есть, власть дана монарху не ради его собственной, а ради общей пользы.

Весьма своеобразно Феофан определяет пределы царской власти: «Может монарх законно повелевать народу не только все, что ко знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни нравится, только бы народу ни вредно и воли Божией ни противно было» [4, с. 36]. Однако, как и другие идеологи полицейского государства, Прокопович считал, что мудрый монарх лучше понимает в чем заключается польза для народа, чем сам народ. Таким образом, пределы власти монарха определялись им достаточно неопределенно.

Феофан считает царя «первым слугой» своего народа. Он подробно определяет его обязанности: «царей должность – содержать подданных своих в беспечалии и промышляти им всякое лучшее наставление, как к благочестию, так и честному жительству. Как Бог помышляет о добре всех тварей, так и царь должен пещися и промышляти о добре всех подданных своих: судити правду..., возбуждати о деле общем нерадящих» [4, с. 38]. Согласно Феофану, контроль власти должен распространяться не только на внешнее поведение людей, но на их духовную жизнь. Заботы монарха должны быть направлены «не только к мирским, но и к духовным, не только к житейским временным, но и к благочестивым к вечности намеренным нуждам» [4, с. 38]. Феофан, несмотря на духовный сан, отстаивал идею полного подчинения церкви государству. Он говорил, что «священство бо иное дело, иной чин есть в народе, а не иное государство» [4, с. 40]. Таким образом, Феофан обосновывает всестороннюю опеку государства над всеми действиями и помыслами подданных.

Прокопович выступал за детальную регламентацию различных сторон поведения людей с помощью многочисленных указов, инструкций. Он писал, что для «благоповедения всего народа» должны быть утверждены подробнейшие «благоприятных обычаев и нравов правила», которые в точности разъяснили бы, «где на пример и как жити, каковую проходит службу, каковые принимать и отставляти обычаи», причем сюда же, по мнению автора, «надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины

и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и проч. и проч.» [6, с. 528]. Человек целиком подпадает под опеку государства, которое пытается завладеть даже волей подданных, предписывая ему «не только без роптания, но и без размышления государственных указов слушать» [6, с. 528].

Общество и личность у Феофана лишались всякой инициативы, но он в этой покорности и видел не только залог «достижения всеобщей и собственной всякого пользы», но и необходимое условие, при котором «блаженную жизнь люди имеют». В качестве возражения против притязаний народа на определенную самостоятельность в отношении государственной власти Феофан приводит слова императора Валентиниана: «Мене избрати императором было в вашей воле, но когда уже избрали есте мене, сие, чего желаете не вашей воле, но в моей воле есть; вам, яко подданным, подобает тихо, смиренно пребывать; мне же... смотрети подобает, что есть на потребу» [6, с. 528].

Таким образом, государство у Прокоповича приобретает все черты идеального полицейского государства.

Многие идеи Феофана совпадали с убеждениями самого Петра I и воплощались в жизнь с помощью его многочисленных указов и регламентов. Представляется, Феофан прекрасно понимал, что для реализации подобных идей необходимо учреждение особого государственного органа с широким кругом полномочий. Полиция была необходима Петру I как инструмент его «регулярного государства». Петровские реформы включали существенные политические, социальные и культурные преобразования, быстрое насильственное изменение многих традиций, обычаев, принятых в допетровской Руси. Подобные задачи не были присущи в таком масштабе государствам Западной Европы. Эти изменения зачастую носили насильственный характер и проводились Петром во многом при помощи полиции [1, с. 4]. Поэтому Ф. Прокопович не мог не поддерживать начинаний императора по учреждению в России регулярной полиции.

Литература

1. Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи. М., 2014.
2. Ефимов С.Е. Петровские преобразования и русское общество в первой половине XVIII ве-

ка // История России: народ и власть. СПб., 2001.

3. Павленко Н.И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I: сб. стат. М., 1973.
4. Прокопович Ф. Правда воли монаршей. М., 1722.
5. Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л., 1961.
6. Сыромятников Б.И. Абсолютная монархия XVIII века в России. М., 1911.
7. Сыромятников Б.И. Регулярное государство Петра I и его идеология. М.-Л., 1943.

FEOFAN PROKOPOVICH AS THE IDEOLOGIST OF THE POLICE STATE

Styopkin E.Y.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In article examines the political views of one of the main ideologists of the reforms of Peter I. On the basis of the analysis of the scientific works of F. Prokopovich, his contribution to the formation of the theory of Russian absolutism, a police (regular) state, is substantiated. Feofan Prokopovich was a typical ideologist of the police state. In his concept, all the classic signs of a state of this type are traced: the idea of "common good", comprehensive regulation and control over the lives of subjects, the subordination of the church to the state, and others. Theophanes justifies the unlimited power of the monarch by the need for the state to achieve the common good. In his opinion, only a high and independent position of the tsar can provide state power with the possibility of its unhindered achievement. Prokopovich advocated a detailed regulation of various aspects of human behavior with the help of numerous legal acts. Many of Theophanes' ideas coincided with the convictions of Peter I himself and were implemented with the help of his numerous decrees and regulations. It seems that Feofan understood perfectly well that for the implementation of such ideas it is necessary to establish a special state body with a wide range of powers. Therefore, he could not help but support the emperor's initiatives to establish a regular police force in Russia.

Keywords: Prokopovich, state, ideas, reforms, monarch, power.

References

1. Borisov A.V., Malygin A. Ya., Mulukaev R.S. Police of the Russian Empire. M., 2014.
2. Efimov S.E. Peter's transformations and Russian society in the first half of the 18th century // History of Russia: people and power. SPb., 2001.
3. Pavlenko N.I. Peter I (to the study of socio-political views) // Russia during the reforms of Peter I: collection of articles. stat. M., 1973.
4. Prokopovich F. The truth of the will of the monarchs. M., 1722.
5. Prokopovich F. Works. M.-L., 1961.
6. Syromyatnikov B.I. Absolute monarchy of the 18th century in Russia. M., 1911.
7. Syromyatnikov B.I. The regular state of Peter I and its ideology. M.-L., 1943.

Жизнь как объект гражданско-правовой защиты

Архипов Игорь Валентинович,

доктор юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: arkhipov_d_i@mail.ru

Автором доказывается, что понятие «объекты гражданско-правовой защиты» является необходимым для логического завершения теоретической конструкции объектов гражданских прав. Категория объектов гражданско-правовой защиты может быть определена как имущественные права и нематериальные блага граждан и юридических лиц, предусмотренные законодательством, а также нематериальные блага, принадлежащие гражданам от рождения. «Право на жизнь» в контексте международно-правовых актов не является субъективным правом человека и гражданина, а должно рассматриваться как правовой принцип – принцип неприкосновенности жизни. У субъекта возникает субъективное право на защиту жизни от любых посягательств, а не право на жизнь. Жизнь человека не требует для ее защиты конституирования в виде «права на жизнь», так как является высшей ценностью и благом. Концептуальные различия гражданско-правовой защиты имущественных и нематериальных благ основываются на том, что имущественные блага могут передаваться от одного субъекта к другому, а нематериальные блага неотделимы от личности. Поэтому на имущественные блага устанавливается право, подлежащее защите. Нематериальные блага подлежат защите непосредственно. Существует только один вид нематериальных отношений – отношения по защите нематериальных (нематериальных) благ. Признание жизни самостоятельным объектом защиты устраняет многие неточности теоретического характера в конструировании цивилистической защиты жизни гражданина.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, объекты охранительных гражданских правоотношений, объекты гражданско-правовой защиты, личные нематериальные отношения, жизнь как объект защиты, право на жизнь, право на защиту жизни и здоровья, принцип неприкосновенности жизни и здоровья.

Личные нематериальные отношения и их объекты остаются одними из наиболее дискуссионных категорий науки гражданского права. Объясняется это не только исторически достаточно поздней легализацией указанных категорий, но и разнородностью охраняемых и защищаемых благ. Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что часть дискуссионных вопросов по проблеме личных нематериальных отношений и «нематериальных» (нематериальных) благ можно было бы снять за счет расширения категориального аппарата гражданского права, в частности, путем введения в научный оборот и обоснования категории «нематериальных объектов гражданско-правовой защиты».

В действующем гражданском законодательстве отсутствует понятие «объекта гражданско-правовой защиты». В свое время автором настоящей статьи была сделана попытка обосновать необходимость научной цивилистической категории «объект защиты» [2, с. 110–120].

В исторической ретроспективе первой возникла конструкция защиты именно социально значимых ценностей, а не защиты прав. Так жизнь и здоровье человека со времен римского права являлись такими социально значимыми объектами, понятными всем и каждому, которые защищались правовыми средствами без возведения их в «ранг» права. С принятием французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и развитием теории прав человека стала господствовать концепция, постулирующая, что для того, чтобы защищать некое благо, оно должно быть конституировано в виде охраняемого законом личного нематериального права. Многими исследователями такой подход не только не подвергается сомнению, но и признается единственно верным [16, 17]. Современные акты международного права в целом подтверждают центральное положение концепции прав человека в системе защиты нематериальных благ [3].

Господствующая концепция защиты личных нематериальных (нематериальных) благ строится на необходимости предварительного конституирования охраняемого блага в качестве личного нематериального права, а само благо рассматривается в качестве объекта указанных отношений.

Законодательство Российской империи к началу XX века уже явно различало имущественные

и личные права. Достаточно посмотреть на название некоторых законодательных актов, например, Закон 12 марта 1914 г. «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям», чтобы убедиться в этом. Однако в литературе вопрос об объектах личных прав оставался спорным. Г.Ф. Шершеневич, например, понимал под ними «собственные силы субъекта», и относил к разряду «прав на собственную личность (права на жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность, умственные способности, честь)» [18, с. 77.]

Отметим, что уже тогда наметилось смешение личных прав и объектов этих прав. Правда, Г.Ф. Шершеневич не признавал «собственные силы» объектом правоотношений, подчеркивая, что «собственные силы, данные человеку природою, представляют возможность осуществления интереса при их помощи, без посредства других лиц, а потому и не могут составить объекта юридических отношений» [18, с. 77–78].

Если учесть, что под «собственными силами» им понимались, наряду с другими объектами, жизнь, здоровье, честь, то становится понятно, почему эти блага не могут быть объектами личных прав, ведь они сами по себе могут существовать без посредства других лиц.

Все более интенсивное развитие законодательства «по пути охраны человеческой личности» в свое время отмечал И.А. Покровский [12, с. 122]. Собственно говоря, тенденции начала XX века в настоящее время стали еще более заметными. Оставляя причины этого за рамками настоящей статьи, отметим лишь, что гражданское законодательство, следуя в общем направлении развития доктрины прав человека, также расширяет пределы охраны и защиты личных неимущественных благ. Причем эти блага в настоящее время признаются не только за гражданами, но и, некоторые из них, за юридическими лицами. Причина вмешательства гражданского права в сферу охраны «человеческой личности» и аналогичных неимущественных благ, принадлежащих юридическим лицам, на наш взгляд, заключается во все более явно проявляющихся и парадоксально сочетающихся тенденциях развития права в эпоху метамодерна [7, с. 1–8.]: 1) связи неимущественных (нематериальных) благ с имущественной сферой субъектов права и 2) нового прочтения гуманистических правовых ценностей.

Международно-правовой термин неотъемлемое «право человека» вовсе не означает субъективного права. В литературе практически не подвергается сомнению корректность термина «право на жизнь». Однако, формулировка ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах позволяет усомниться, что речь идет именно о субъективном «праве на жизнь». Приведем дословно текст п. 1 ст. 6 Пакта: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право

охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [10].

Действительно, если «право на жизнь» – это самостоятельное «неотъемлемое право», то почему же тогда «это право охраняется законом»? Если «право» на какой-то объект охраняется законом, то, очевидно, что «право» в этом логическом построении обозначает явно не право в строгом понимании этого термина. Видимо, поэтому исследователи, определяя сущность «права на жизнь» отмечали не только его естественно-правовую природу, но и базисность для всех остальных прав человека. [9, с. 198–212.]

В настоящее время международное сообщество исходя из базисного значения жизни человека перманентно пытается выявить и согласовать содержание этого «права» [8, с. 48–56.], а фактически включает в него другие права – право на эвтаназию и др.

Все это свидетельствует о том, что доктрина естественных и неотъемлемых «прав человека» должна быть отнесена скорее к политологической, а не строго юридической научной парадигме, так как постулирует базовые ценности современного общества и его производных – государства и права. Такой подход к пониманию сущности конституционных «прав человека» для целей гражданского права достаточно давно сложился в ФРГ, когда Конституционный суд выработал понятие «системы объективных ценностей» в решении [20], хотя и касающемся вопросов диффамации, но имеющем прецедентное значение для всех основополагающих прав человека.

Возвращаясь к формулировке ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах зададимся вопросом: изменится ли что-либо в защите человеческой жизни правовыми средствами, если рассматриваемую норму изменить следующим образом: «Жизнь – это неотъемлемое благо каждого человека. Это благо охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». От такой замены термина «право» на «благо» конкретный человек ничего не потеряет, но таким образом устранятся многие неточности теоретического характера в конструировании цивилистической защиты жизни гражданина.

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека определяют, в том числе, содержание законов. Это означает, что в ординарных законах «права и свободы» могут конкретизироваться правовыми нормами. С другой стороны, в соответствии со ст. 2 Конституции – права и свободы являются высшей ценностью, то есть фактически благами. Поэтому, на наш взгляд, неприкосновенность жизни и других неимущественных благ следует рассматривать как принцип гражданского права, основанный на ст. 2 и ст. 18 Конституции и актах международного права. Такой подход вполне укладывается в концепцию соотношения норм и принципов интегративной теории права [6, с. 87–107.].

На бессмысленность конструкции «субъективных прав» на неотделимые от личности объекты в советской цивилистике обратил внимание В.А. Тархов [15, с. 384]. Развивая тезис о том, что не может быть субъективных прав на неимущественные блага, следует признать, что правовой защите подлежат сами указанные блага в силу существования права на защиту конкретного неимущественного блага, в частности, право на защиту жизни.

Не вполне понятны сомнения Н.Д. Егоров в вопросе о том, почему «нематериальные блага» защищаются непосредственно, а защита имущественных интересов невозможна без обладания соответствующим имущественным правом [4, с. 42–65.]. Представляется, что ответ лежит на поверхности. Неимущественные блага неотделимы от личности и непередаваемы другим лицам, то есть вопрос о наличии субъектно-объектной связи не стоит, эта связь существует перманентно и не требует доказывания. Разрыв этой связи в результате посягательства на жизнь человека означает прекращение существования и субъекта, и объекта. По-другому, через наделение правом конструируется субъектно-объектная связь в имущественных отношениях, в частности, в отношениях собственности. В результате посягательства или притязания субъектно-объектная связь может быть тоже разорвана, но сам объект отношений может не претерпевать негативных последствий посягательства, а просто может быть отчужден другим лицом. Соответственно возникает новая субъектно-объектная связь и два притязания на один и тот же объект. При разрешении этой коллизии и возникает вопрос о признании и одобрении государством действий по поводу объекта того или другого субъекта. Соответственно, в отношениях по поводу объектов имущественного характера, способных к отчуждению, переходу от одного лица к другому, невозможно обойтись без признания правомерными действиями одного из лиц, без наделения одного из них правом. В противном случае, невозможно разрешить спор, при наличии двух или нескольких притязаний на один имущественный объект. Если говорить о праве собственности, то вся конструкция распадается на три вида отношений: по приобретению права собственности, по прекращению права собственности, по защите права собственности. Попытка применить конструкцию защиты имущественного блага напрямую, без наделения субъекта правом на объект, разумеется не может в принципе привести к результату, ведь сначала необходимо определиться с критериями для одобрения того или иного притязания. Видимо, поэтому при виндикации, например, обязательным является доказывание наличия права собственности или другого ограниченного вещного права на объект. В отношениях же по защите неимущественных благ, в частности, жизни такая проблема не возникает, так как жизнь и субъект неразделимы, поэтому и нет разумных оснований вводить понятие «право на жизнь»

Сомнения Н.Д. Егорова становятся еще более непонятными, так как именно ему принадлежит утверждение о том, что личные неимущественные отношения по поводу нематериальных неотчуждаемых благ в природе не существуют. Действительно, если говорить о соответствующих регулятивных отношениях, то они в природе не существуют. Но охранительные личные неимущественные отношения – то есть отношения по защите личных неимущественных благ, наоборот, существуют. Вопрос об объектах этих отношений, представляется, должен быть поставлен в плоскости «объектов гражданско-правовой защиты».

По вопросу о том, что же является объектом защиты в охранительных личных неимущественных отношениях, в литературе высказывались, порой прямо противоположные взгляды. К.Б. Ярошенко не признавала за правом на жизнь и здоровье значения субъективного гражданского права, но считала их личными неимущественными правами, а детально разрабатывала фактически вопросы личного неимущественного права на защиту жизни и здоровья. [19]. Вполне можно согласиться с позицией К.Б. Ярошенко о том, что жизнь является личным неимущественным благом, но защищается, на наш взгляд, гражданско-правовыми способами не личное неимущественное право, а именно жизнь человека как социально признанное высшее благо – личное неимущественное благо.

В дальнейшем право на жизнь в отечественной цивилистике вслед за немецкой правовой традицией все чаще стало рассматриваться как абсолютное право. О.Н. Ермолова, например, признавала, что право на жизнь – это абсолютное право, но полагала, что на некоторые другие «нематериальные блага», в частности, на «блага чести и достоинства, личной неприкосновенности и неприкосновенности частной жизни» не требуется установление абсолютного права, и достаточно защиты самих этих благ в рамках относительных охранительных правоотношений [5, с. 7.].

Более радикально от конструкции «права на жизнь» отходит М.Л. Нохрина, полагающая, что по поводу жизни не возникает соответствующего субъективного права, жизнь лишь охраняется гражданским правом как нематериальное благо, но при этом весьма непоследовательно признает существование абсолютного права на жизнь [11, с. 48–55.]. Несколько ранее она высказывала мысль о непосредственной правовой охране жизни и ряда других объектов как интересов. [1, с. 8.] В концепции М.Л. Нохриной и других авторов нельзя согласиться с тезисами о том, что жизнь – это нематериальное благо. Жизнь человека вполне материальна, так как представляет собой движение материи, отход же от философских представлений о жизни не несет за собой никаких видимых преимуществ в нормировке отношений по защите жизни человека средствами гражданского права.

Вопрос о существовании абсолютного права на жизнь, представляется достаточно спорным. В советской цивилистике конструкция абсолют-

ных прав и правоотношений прижилась благодаря В.К. Райхеру, как средство по устранению наиболее острых углов теории вещных правоотношений [13 с. 273–306.]. Несмотря на серьезную критику концепции абсолютных прав и правоотношений, в настоящее время она имеет много сторонников [14].

Наряду с массой других возражений против конструкции абсолютного права на жизнь, нам видится следующее. Если рассматривать «право на жизнь» зафиксированное актах международного права и в Конституции как признанную ценность и как принцип, то поиски особого абсолютного права становятся излишними, так как посягательство на жизнь одновременно означает посягательство на самого субъекта именно в силу неразрывной субъектно-объектной связи. Соответственно категориями науки гражданского права должны стать: принцип неприкосновенности жизни и жизнь человека как объект гражданско-правовой защиты.

Литература

1. Априанич М.Л. Проблемы гражданско – правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 24 с.
2. Архипов И.В. Объекты гражданских прав и объекты защиты // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Том 7. – № 5А. – С. 110–120.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
4. Егоров Н.Д. Понятие гражданского права // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 42–65.
5. Ермолова О.Н. Нематериальные блага и их защита: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Саратовская гос. академия права. – Саратов, 1998. – 22 с.
6. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – Москва: РГУП, 2018. – 628 с.
7. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Журнал Конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 1–8.
8. Косолапов М.Ф. Право на жизнь: эволюция универсального международного стандарта // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 48–56.
9. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198–212.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 – ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – N 17. – Ст. 291.
11. Нохрина М.Л. Абсолютное субъективное право на жизнь – цивилистический аспект // Правоведение. – 2015. – № 3. – С. 48–55.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (серия «Классика российской цивилистики»). – 4 изд. – М.: Статут, 2003. – 351 с.
13. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Вестник экономического факультета Ленинградского политехнического института. – Ленинград, 1928. – Вып. 1. (XXV). – С. 273–306.
14. Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права [Текст] = Absolute and relative legal rights. General system and problems of the theory of civil law: сравнительно – правовое исследование: монография / Ин – т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юриспруденция, 2015. – 565 с.
15. Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1998. – 330 с.
16. Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. – Москва: АПК и ППРО, 2009. – 214 с.
17. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. Москва: Статут, 2019. 255 с.
18. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 832 с.
19. Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона: Гражд. – правовая защита личных неимуществ. прав граждан. – М.: Юрид. лит., 1990. – 174 с.
20. Bundesverfassungsgericht 7, 198. (Urteil des Ersten Senats vom 15. Januar 1958. – 1 BvR 400/51). URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (Дата обращения: 20.08.2020).

LIFE AS AN OBJECT OF CIVIL PROTECTION

Arkipov I.V.

Russian state University of justice

The author proves that the term “objects of civil protection” is necessary for the logical completion of the theoretical construction of objects of civil rights. The category of objects of civil protection can be defined as property rights and non-property benefits of citizens and legal entities provided for by law, as well as non-property benefits that belong to citizens from birth. The “right to life” in the context of international legal acts is not a subjective human and civil right, but should be considered as a legal principle-the principle of inviolability of life. The subject has a subjective right to protect life from any encroachment, and not the right to life. Human life does not need to be constituted as a “right to life” for its protection, since it is the highest value and good. The conceptual differences between civil protection of property and non-property benefits are based on the fact that property benefits can be transferred from one subject to another, while non-property benefits are inseparable from the individual. Therefore, the right to be protected is established for property benefits. Non-property benefits are directly protected. There is only one type of non-property relations – relations for the protection

of non-property (non-material) goods. Recognition of life as an independent object of protection eliminates many theoretical inaccuracies in the construction of civil protection of a citizen's life.

Keywords: objects of civil rights, the protective objects of civil legal relations, objects of civil protection, equivalents of property, personal non-property relations, life as an object of protection, right to life, the right to protection of life and health, the principle of inviolability of life and health.

References

1. Apranich M.L. Problems of civil law regulation of personal non-property relations that are not related to property: abstract of the dissertation ... cand. of law sciences. – SPb., 2001. – 24 p.
2. Arkhipov I.V. Objects of civil rights and objects of protection // Questions of Russian and international law. – 2017. – Volume 7. – No. 5A. – Pp. 110–120.
3. Universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – 10 Dec.
4. Egorov N.D. The Concept of civil law // Bulletin of civil law. – 2012. – no. 4. – P. 42–65.
5. Ermolova O.N. Immaterial benefits and their protection: author's abstract of the dissertation ... cand. of law sciences: 12.00.03 / Saratov state Academy of law. – Saratov, 1998. – 22 p.
6. Yershov V.V. Legal and individual regulation of public relations: monograph. – Moscow: RSUP, 2018. – 628 p.
7. Zorkin V.D. Metamodern Law: problem statement // Journal of constitutional justice. – 2019. – No. 4. – P. 1–8.
8. Kosolapov M.F. The Right to life: evolution of a universal international standard // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – Vol. 4. – No. 4. – P. 48–56.
9. Matuzov N.I. The Right to life in the light of Russian and international standards // Jurisprudence –1998. – No. 1. – Pp. 198–212.
10. International Covenant on civil and political rights (Adopted On 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. – 1976. – N 17. – St. 291.
11. Nokhrina M.L. Absolute subjective right to life-civilistic aspect // Jurisprudence. – 2015. – No. 3. – Pp. 48–55.
12. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law (series “Classics of Russian civil law”). – 4 ed. – Moscow: Statute, 2003. – 351 p.
13. Reicher V.K. Absolute and relative rights // Bulletin of the faculty of Economics of the Leningrad Polytechnic Institute. – Leningrad, 1928. – Issue 1. (XXV). – P. 273–306.
14. Sinitsyn S.A. Absolute and relative subjective rights. General teaching and problems of the theory of civil law [Text] = Absolute and relative legal rights. General system and problems of the theory of civil law: comparative legal research: monograph / Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Jurisprudence, 2015. – 565 p.
15. Tarkhov V.A. Civil law. Course. General part. – Ufa: Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1998. – 330 p.
16. Tolstoy, V.S. Personal non-property legal relations. – Moscow: APK and PPRO, 2009. – 214 p.
17. Ulbashev A.H. General doctrine of personal rights. Moscow: The Statute, 2019. 255 p.
18. Shershenevich G.F. Izbrannoe. Vol. 5: Textbook of Russian civil law / Intro. Slovo, comp.: P.V. Krashenninikov. – M.: Statute, 2017. – 832 p.
19. Yaroshenko K.B. Life and health under the protection of the law: Civil. – legal protection of personal assets. rights of citizens. – Moscow: Yurid. lit., 1990. – 174 p.
20. Federal constitutional court 7, 198. (Judgment of the First Senate of January 15, 1958–1 BvR 400/51). URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (date accessed: 20.08.2020).

Проблемы безопасности платёжных операций с использованием банковских карт в России

Клочихин Вячеслав Анатольевич,

старший преподаватель кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, Академия управления МВД России
E-mail: v.klochikhin@gmail.com

В статье рассматривается проблема осуществления возврата денежных средств, которые списаны со счетов клиентов-держателей банковских карт в результате мошеннических действий со стороны третьих лиц. Особое внимание уделяется специфике нормативно-правового регулирования процесса разрешения споров между банковскими организациями и клиентами по поводу возврата денежных средств, списанных в результате несанкционированного доступа к банковским картам. Приводится практика европейских стран по вопросам разрешения конфликтов между банками и клиентами в ходе возврата незаконно списанных денежных средств. Рассматриваются возможные последствия применения таких механизмов в отечественной практике. Предлагается один из вариантов противодействия мошенническим действиям в отношении электронных платёжных средств, и раскрываются как положительные так и отрицательные моменты, связанные с его реализацией.

Ключевые слова: банковские карты, электронные платёжные средства, мошеннические действия, несанкционированные транзакции.

Достаточно часто в процессе взаимодействия банков и физических лиц возникают спорные и откровенно конфликтные ситуации, разрешение которых доходит до судебных разбирательств. Одним из таких сложных в урегулировании спорных моментов, связанных в первую очередь со стремительным развитием платёжных отношений с использованием электронных банковских карт, является возврат денежных средств, списанных со счетов плательщиков ошибочно, в результате мошеннических действий или в случаях приобретения некачественных товаров, работ и услуг.

Нельзя не отметить, что данная проблема находится в сфере пристального внимания законодательных органов власти. Так, с вступлением в силу Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», были урегулированы многие вопросы, связанные с необходимостью банков прилагать максимальные усилия по обеспечению сохранности денежных средств, хранящихся на счетах плательщиков, и используемых в качестве электронных средств платежа [1]. Именно этот нормативный акт упорядочил и законодательно закрепил правила осуществления расчетов с использованием безналичных платежей, а также порядок использования электронных средств платежа.

Наибольший вклад в обеспечение безопасности денежных средств клиентов банков, используемых в качестве электронных средств платежа, оказала статья 9 рассматриваемого нами нормативного акта. Именно в этой статье была закреплена обязанность банков по защите своих клиентов от переводов денежных средств, осуществляемых в результате совершения мошеннических действий третьими лицами. Вступление в силу этой статьи оказалось очень своевременным, поскольку к этому моменту объем денежных переводов, совершаемых в результате мошеннических действий с банковскими картами в нашей стране начал возрастать лавинообразно.

В настоящее время процедура возврата денежных средств, списанных с банковских карт в результате совершения мошеннических действий регламентируется Приложением к письму Центрального Банка Российской Федерации от 22 ноября 2010 г. № 154-Т «О рекомендациях по раскрытию информации об основных условиях использования банковской карты и о порядке урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с ее использованием» [2].

Согласно данного документа, в случае обнаружения клиентом банковской организации несо-

гласованного с ним перевода денежных средств с его банковских карт, ему необходимо обратиться в банк, выпустивший электронное платёжное средство. После заявления клиента службой безопасности банковской организации должно быть проведено расследование, по результатам которого либо удовлетворяются требования клиента о возврате незаконно списанных денежных средств с его электронных счетов, либо об отказе в удовлетворении требований клиента. При этом письмом ЦБР установлен рекомендательный срок для проведения расследований, составляющий до 30 дней, в случае расследования операций, произведенных внутри одного банка, и до 45 дней, в случаях привлечения в мошенническую схему оборудования других банков.

Зачастую, в ходе проведения собственного расследования, банки выносят решения об отказе в удовлетворении требований клиентов, ссылаясь на их обязанность обеспечивать защиту своих данных. В этом случае клиенты имеют право обращаться в суд с требованиями о возврате списанных денежных средств. В своих исках клиенты ссылаются на обязанность банков обеспечивать сохранность денежных средств своих клиентов, используя для этого современное оборудование и передовые информационные технологии.

На практике, в таких ситуациях суды выносят решения как в пользу клиентов так и в пользу банков, выпустивших пластиковые карты. Если в первом случае суды ссылаются на то, что банковские организации не смогли обеспечить достаточный уровень защищенности денежных средств своих клиентов, то во втором случае работники судебной системы ссылаются на недобросовестное исполнение клиентами обязанности по сохранению PIN-кода в тайне от третьих лиц.

Однако в реальности ситуации бывают намного более сложные, чем банальная безответственность клиента в отношении конфиденциальной информации о своем электронном платежном средстве. Нередки случаи, когда клиент вынужден сообщить PIN-код к своей карте, а также передать ее третьим лицам под угрозой жизни и здоровью, либо же в результате разбойных нападений. Однако даже в тех случаях, когда клиент банка признается потерпевшим по делу о незаконном переводе денежных средств с пластиковой карты, суды не признают действия банка по осуществлению перевода денежных средств клиента незаконными.

Значительный вклад в противодействие мошенническим операциям с банковскими картами внесло законодательное закрепление обязанности банков информировать своих клиентов о всех операциях, совершаемых с их лицевым счетом. Такая обязанность не является какой-то новинкой в практике банковской деятельности и активно применяется в странах Европейского союза. Однако особенность отечественной реализации данного нововведения стало то, что в ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161 ФЗ

«О национальной платежной системе» не указаны конкретно способы и сроки передачи клиенту такой информации.

Казалось бы, наиболее оперативным способом, который действительно окажет существенную помощь клиентам в пресечении незаконных списаний денежных средств, является СМС-информирование. Однако проблема возникает в том, что для судов наиболее весомым доказательством выполнения банком обязанности по информированию клиента является бумажная форма уведомления. Рассылка уведомлений в бумажном виде и экономически нецелесообразна для банков, и занимает существенно больше времени, что полностью нивелирует весь смысл данной операции в свете обеспечения безопасности денежных средств клиентов.

При этом и клиентам банков необходимо уведомить последние о том, что со счетов незаконно списаны денежные средства без согласия держателя банковской карты. Согласно ч. 11 ст. 9 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161 ФЗ «О национальной платежной системе» клиент обязан проинформировать банк о подобной операции не позднее дня, следующего за днем получения информации о совершенной операции. И в этом случае судами в качестве безусловного доказательства исполнения клиентом своей обязанности также признается только бумажная форма уведомления. Вместе с тем далеко не всегда существует возможность написать бумажное заявление о совершенной несанкционированной операции в течение одного дня, по самым различным причинам, начиная от заболевания, заканчивая нахождением в пути.

Помимо описанных нами сложностей урегулирования спорных ситуаций в отношении незаконно списанных денежных средств с банковских карт клиентов, существует еще одна опасность, о которой активно предупреждают сами банковские организации. Дело в том, что активизация усилий по защите и возврату денежных средств, ошибочно или несанкционированно переведенных с банковских карт клиентов может привести к росту случаев недобросовестного поведения самих держателей банковских карт.

Сейчас уже получили распространение случаи, в ходе которых клиенты заявляют о несанкционированной операции, хотя при этом самостоятельно осуществляют перевод денежных средств. На наш взгляд, в этом случае стоит обратиться к практике стран-участниц Евросоюза, в которых предусматривается ответственность клиента-держателя банковской карты за совершение мошеннических операций, а кроме этого предполагается взимание фиксированного платежа за возврат денежных средств, незаконно списанных со счетов клиента в результате потери или разглашения им своих персональных данных [3].

Однако такая практика, при ее реализации на территории нашей страны, может привести к росту мошеннических действий со стороны бан-

ков, которые будут признавать клиента виновным в несохранении своих индивидуальных данных во всех случаях, когда при совершении несанкционированных операций будет введен правильный PIN-код. А ведь в ряде случаев имеют место мошеннические действия, которые получили название «скимминг», в результате которых злоумышленник получает информацию о PIN-коде банковской карты даже в том случае, если ее владелец приложил все усилия для неразглашения такой информации.

На наш взгляд, для решения таких проблем следует установить буферную зону при совершении любых транзакций с банковскими картами. Смысл этого мероприятия сводится к тому, что в ущерб моментальности совершения платежных операций будет повышена безопасность и сохранность денежных средств клиента. Для этого необходимо в течение определенного времени, к примеру 12 часов, не осуществлять переводы и оплаты товаров работ и услуг. Это время нужно для того, чтобы клиент мог заблокировать совершаемую операцию и отменить списание денежных средств до того момента, когда они поступят на счет злоумышленников.

В этом случае клиенты смогут пресекать мошеннические действия со своими электронными платежными средствами, при этом полностью теряется смысл «дружеского фрода» поскольку при попытке мошенничества со стороны клиента все операции будут просто отменены и фактически все вернется в изначальное состояние, т.е. получить незаконную выгоду от возврата денежных средств недобросовестный клиент уже не сможет.

Кроме этого, таким механизмом будут предотвращены незаконные операции, связанные с переводом денежных средств с украденных банковских карт, или полученных в результате применения физического насилия.

Но и сами банки будут также заинтересованы в применении такого механизма, поскольку в этом случае значительно снизится число случаев, в которых банковским организациям придется возмещать убытки клиентов за счет собственных средств.

Противникам внедрения такого механизма, которые, скорее всего, будут апеллировать к возрастающей длительности осуществления платежных операций, остается заметить, что практически все операции с денежными средствами юридических лиц осуществляются не мгновенно, а в течение нескольких часов, которые необходимы банкам для проверки организаций отправителя и получателя, проверки назначения платежа и даже источников денежных средств. Поэтому остается только сделать выбор в пользу повышения безопасности за счет некоторого ухудшения удобства использования электронных средств платежа.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161 ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
2. Приложение к письму ЦБР от 22 ноября 2010 г. № 154-Т «О рекомендациях по раскрытию информации об основных условиях использования банковской карты и о порядке урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с ее использованием» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2007/64/ЕС от 13 ноября 2007 г. о платежных услугах на внутреннем рынке и о внесении изменений в Директивы 97/7/ЕС, 2002/65/ЕС, 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене Директивы 97/5/ЕС. Директива адресована государствам-членам Европейского Союза и не действует на территории России.

THE PROBLEM OF THE SECURITY OF PAYMENT TRANSACTIONS USING BANK CARDS IN RUSSIA

Klochikhin V.A.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the problem of making a refund of funds that are debited from the accounts of customers-bank card holders as a result of fraudulent actions on the part of third parties. Special attention is paid to the specifics of the regulatory regulation of the process of resolving disputes between banking organizations and customers regarding the return of funds debited as a result of unauthorized access to bank cards. The article describes the practice of European countries in resolving conflicts between banks and customers during the return of illegally debited funds. The possible consequences of the use of such mechanisms in domestic practice are considered. One of the options for countering fraudulent actions in relation to electronic payment means is proposed, and both positive and negative aspects associated with its implementation are disclosed.

Keywords: bank cards, electronic means of payment, fraudulent actions, unauthorized transactions.

References

1. Federal Law No. 161 FZ of June 27, 2011 «On the national payment system» [Electronic resource] // Reference and legal system Consultant-Plus. – url: <http://www.consultant.ru>
2. Appendix to the letter of the Central Bank of Russia dated November 22, 2010 No. 154-T «On recommendations for disclosure of information on the main conditions for using a bank card and on the procedure for resolving conflict situations related to its use» [Electronic resource] // Reference and legal system Consultant-Plus. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Directive 2007/64/EC of the European Parliament and of the Council of 13 November 2007 on payment services in the internal market and amending Directives 97/7/EC, 2002/65/EC, 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 97/5/EC. The Directive is addressed to the member States of the European Union and does not apply on the territory of Russia.

Договор трансграничного франчайзинга – сделка, направленная на защиту коммерчески важных сведений

Куликов Иван Васильевич,

аспирант кафедры международного частного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: vakul2009@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы защиты коммерчески важных сведений при заключении и исполнении договора трансграничного франчайзинга. Автором делается акцент на обязательства франчайзера по передаче необходимых коммерчески важных сведений для заключения трансграничного соглашения, а также обязательства франчайзи по неразглашению таких получаемых сведений. Анализируется международно-правовое регулирование указанных обязательств, в том числе негосударственное регулирование таких отношений. Рассмотрены нормы национального коллизионного – правового регулирования. Рассмотрена проблема выбора применимого права при заключении договора трансграничного франчайзинга. Изучены обязательства по защите коммерчески важных сведений при заключении договора трансграничного франчайзинга за рубежом. Рассмотрено понятие трансграничного франчайзинга как в широком, так и в узком смысле с акцентом на обязательства по защите коммерчески важных сведений.

Ключевые слова: трансграничный франчайзинг, договор коммерческой концессии, секрет производства (ноу-хау), коммерчески важные сведения, *lex mercatoria*, применимое право, договорные обязательства

В условиях информационного века, а также в период яркого проявления глобализации, как правовых систем разных стран, так и всего мира теснейшим образом затрагиваются интересы предпринимателей всего мира, которые выступают сторонами договора трансграничного франчайзинга. Все больше и больше во всем мире образуются новых франчайзинговых схем, которые позволяют более молодым предпринимателям с ускоренным видом совершенствоваться в трансграничной торговле. Ввиду резкого развития франчайзинговых рынков, происходит поэтапная эволюция трансграничных соглашений о франчайзинге, которые, в свою очередь, закрепляются в российской и иностранной практике. При этом выделяются новые особенности заключения таких соглашений, особенно при наличии иностранного элемента.

Интересным является тот факт, что на сегодняшний день особое внимание франчайзингу уделяется и на территории нашего государства, Российской Федерации. Практически повсеместно, в том числе и в социальных сетях, можно заметить рекламу и предложения к вступлению в франчайзинговые отношения. Такая популярность франчайзинговых соглашений, в том числе и трансграничных, обусловлена возможностью резкого увеличения темпа роста предприятия франчайзи и эффективного управления бизнеса при сравнительно малых затратах со стороны франчайзера.

В науке выделяется разносторонний подход к пониманию и определения правовой природы договора трансграничного франчайзинга, что, в свою очередь приводит к порождению массы вопросов, тем самым замедляя появления единого подхода в регулировании таких трансграничных отношений. Не стоит забывать о том, что указанный договор франчайзинга, как таковой является новым для правовой доктрины. Разумеется этот институт подлежит еще большему изучению, особенно, когда речь о наличии иностранного элемента. В связи с этим и возникают явные сложности в появлении надлежащего правового регулирования как на международном уровне, так и на уровне различных государств.

Сама «трансграничность» указанного соглашения проявляется в наличии «иностранного элемента», присутствие которого и является обязательным для появления коллизионного вопроса о выборе применимого права, которое и будет регулировать отношения, вытекающие из Договора. Однако всяческие проблемы в регулировании таких трансграничных отношений не останавлива-

ют предпринимателей, стремящихся к получению прибыли, поэтому такие предприниматели идут на риски, ведь, стоит заметить, риск, как правило, оправдан.

Все большее количество предпринимателей, занимающихся франчайзинговыми моделями построения бизнеса понимают, что для успешного осуществления такой деятельности необходимо осуществлять контроль за передачей и сохранением сведений, которые имеет всяческую коммерческую ценность. Особенно, необходимо позаботиться о средствах правовой защиты при заключении договора трансграничного франчайзинга.

В доктрине имеется точка зрения, что договор трансграничного франчайзинга представляет собой трансграничный коммерческий договор, который заключается между лицами, осуществляющими коммерческую деятельность на территории разных государств, направленный на возмездную передачу комплекса исключительных прав, на оговоренной в договоре территории, предусматривающий особое правовое регулирование, которое, в свою очередь, предполагает выбор применимого к франчайзинговым отношениям права [Куликов И.В. Правовое регулирование трансграничного франчайзинга, маг. дисс. 2018 г. С. 6].

В широком смысле трансграничный франчайзинг выступает формой длительного коммерческого сотрудничества между франчайзером и франчайзи, которые, как правило находятся в юрисдикциях разных государств, направленной на производство и реализацию продукции, торговлю товарами или предоставление услуг под торговой маркой правообладателя на определенной территории иностранного государства на срок и на условиях, определенных франчайзинговым договором, которой реализуется, в том числе, с помощью дополнительных трансграничных гражданско-правовых договоров, сопровождающимся, в том числе договорами, которые регулируют отношения о нераспространении коммерчески важных сведений, закрепленные в договорных положениях.

В Российской Федерации институт трансграничного франчайзинга именуется «коммерческой концессией». По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). (ст. 1027 ГК РФ.)

На практике сторонами трансграничных франчайзинговых отношений понимается, что необходимость передачи секретов производства (ноу-хау), как оформленного объекта интеллектуальной собственности также подкрепляется передачей иными коммерчески важными сведениями,

которые имеют важнейшую ценность для успеха франчайзи.

Разумеется, при заключения трансграничного франчайзингового соглашения возникает коллизионный вопрос – выбор применимого права к соглашению с целью регулирования с отношений, возникающих у сторон такого соглашения. Стоит отметить, что правовые положения о трансграничном франчайзинге основываются не только на положениях национального законодательства, а также нормах международных соглашений, нормах *lex mercatoria*, судебной и арбитражной практике.

Известно, что заключение договора трансграничного франчайзинга между предпринимателями, принадлежащими к различным правовым системам, порождает проблему выбора применимого права, регулирующего трансграничные договорные отношения. В том случае, когда сторонами в соответствии с принципом автономией воли сторон не установлено применимое право, то такое право выбирается с помощью иных коллизионных норм.

Акцентируя внимание на международно-правовом регулировании договорных отношений следует обратить внимание, что оно осуществляется в нескольких направлениях, а именно: установлением правовых основ осуществления международных экономических связей, их правового режима и созданием единообразного правового регулирования трансграничных договоров на основе унификации материально-правовых и коллизионных норм. [Международное частное право / под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2004. С. 369]. Необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день, к сожалению, отсутствует единообразная международно-правовая база, направленная на международно-правовое регулирование трансграничного франчайзинга, а именно отсутствуют специальные международные соглашения, посвященные унификации норм, касающихся исключительно положений о трансграничном франчайзинге или франчайзинге как таковом.

При этом существует важнейший международно-правовой нормативно-правовой акт, который регулирует коллизионный вопрос при выборе права. Речь идет о Регламенте N 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)». В частности, в Регламенте ЕС от 17.06.2008 N 593/2008 Европейского парламента и Совета о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»), предусмотрено правило о том, что в отсутствие соглашения сторон договор франчайзинга регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства франчайзи (п.п. «е» п. 1 ст. 4).

С.В. Климова, также полагает, что у сторон договора международного франчайзинга есть возможность избрать в качестве применимого права не только национальную правовую систему определенного государства, но и международно-

правовые акты в этой области. К числу таких международных актов автор относит: Модельный закон УНИДРУА 2002 г. о раскрытии информации в отношении франшизы, Руководство ВОИС по франчайзингу 1994 г., Руководство УНИДРУА 1998 г. о договорах международного мастер-франчайзинга, Типовой контракт международного франчайзинга, разработанный Международной торговой палатой. И действительно, в качестве применимого права сторонам франчайзинговых правоотношений предоставляется возможность избрать лишь действующее право существующего государства, а также положения международных договоров. [Климова С.В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: автореф. диссертация ... к.ю.н. с 24]

Стоит все же более обратиться к вопросам защиты коммерчески важных сведений при реализации соглашения трансграничного франчайзинга.

В частности, необходимым видется более детальное изучение требует Модельный закон УНИДРУА 2002 г. о раскрытии информации в отношении франшизы. Статьей 3 (Передача документа о раскрытии) указанного закона предусмотрено что Франчайзер обязан предоставить каждому потенциальному франчайзи документ о раскрытии сведений, которому должен быть приложен франчайзинговый договор по крайней мере за 14 дней до подписания потенциальным франчайзи любого соглашения, касающегося франшизы, за исключением соглашений, **касающихся конфиденциальности информации**, доставляемой или передаваемой франчайзером...

Данное положение указывает на обязанность как передачи необходимых коммерчески важных сведений со стороны франчайзера, так и на непосредственную возможность (необходимость) дополнительного заключения соглашения о нераспространении конфиденциальной информации. Кстати, которому также необходимо закрепить подлежащее применению праву, ввиду «трансграничности» соглашения.

В разъяснениях также подчеркивается, что заключение такого дополнительного соглашения о конфиденциальности подтверждает волю сторон на дальнейшее сотрудничество еще на стадии переговоров.

Необходимо отметить, что требования о предоставлении документов о раскрытии информации установлены также и в национальных законодательствах других стран.

Так, в частности в 1978 году Федеральная торговая комиссия США приняла Постановление № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях предпринимательства». В соответствии с положениями указанного документа, до заключения договора трансграничного франчайзинга, франчайзер должен представить потенциальному франчайзи так называемый документ, раскрывающий информацию о франшизе (Franchise Disclosure Document или FDD).

Такая обязанность франчайзера по предоставлению обязательной информации также существует и в законодательстве Франции. В частности, предусмотрено, что не менее за 20 дней до подписания договора, франчайзер обязан передать франчайзи проект договора трансграничного франчайзинга, с приложением в виде документа о раскрытии информации. [Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М., 2008. Т. 2. С. 214–216.]

Согласно ст. 62 Закона Испании «О розничной торговле», франчайзер за 21 день до подписания договора или до причитающихся сумм, связанных с подписанием договора должен сообщить будущему франчайзи информацию о франшизе

В публикациях ВОИС касательно договоров по международному франчайзингу отмечается «...**Обязательство соблюдать конфиденциальность и требования соглашения о нераскрытии информации**, в соответствующих случаях...» при передаче документа о раскрытии информации.

Возвращаясь к национальному регулированию важное положение в изучаемой тематике занимает положение, ст. 1032 ГК РФ, а именно абз. 6, которым предусмотрено, что в обязанности пользователя по договору коммерческой концессии (франчайзи по договору франчайзинга) входит не разглашать секреты производства (ноу – хау) правообладателя и **другую полученную конфиденциальную информацию**.

Таким образом обязанность по сохранению коммерчески важных сведений присутствует, как и на национальном уровне регулирования так и на международном, но негосударственном уровне. Отмечается, что институт передачи коммерчески важных сведений является одним из базисных при осуществлении взаимоотношений в рамках договора трансграничного франчайзинга.

Литература

1. Куликов И.В. Правовое регулирование трансграничного франчайзинга, маг. дисс. 2018 г. С. 6
2. Международное частное право / под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2004. С. 369.
3. Климова С.В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: автореф. диссертация ... к.ю.н. с 24
4. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М., 2008. Т. 2. С. 214–216.

CROSS-BORDER FRANCHISING AGREEMENT – AS A LEGAL TRANSACTION AIMED AT PROTECTING COMMERCIALY IMPORTANT INFORMATION

Kulikov I.V.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article deals with the protection of commercially important information when concluding and executing a cross-border franchising contract. The author takes an aspect on the franchisor's obliga-

tions to transfer the necessary commercially important information for concluding a cross-border agreement, as well as the franchisee's obligations not to disclose such information received. The international legal regulation of these obligations, including non-state regulation of such relations, is analyzed. The norms of national conflict-of-laws regulation are considered. The problem of choosing the applicable law when concluding a contract for cross-border franchising is considered. The obligations of the protection of commercially important information stated in foreign laws are considered. The concept of cross-border franchising is considered both in a broad and narrow sense with a focus on obligations to protect commercially important information.

Keywords: cross-border franchising, commercial concession contract, secret of production (know-how), commercially important information, lex mercatoria, applicable law, contractual obligations.

References

1. Kulikov I.V. Legal regulation of cross-border franchising agreement, MSc. Diss., p. 6
2. Private international law/ Dmitrieva G.K. M. Prospect, 2004. p. 369
3. Klimova S.V. Legal regime of franchising in national and international traffic, avtorev, diss. on PhD p. 24
4. Civil and trade law of foreign countries. Book in 2 vol. E.A. Vasilyev, A.S. Komarov. M., 2008 vol 2, p. 214–216

Современная правоприменительная практика в области защиты вещных прав и законного владения

Санников Денис Викторович,

адвокат, адвокатский кабинет, г. Пермь

E-mail: denis.sannikov@rambler.ru

В современной правоприменительной практике в области защиты вещных прав и законного владения одним из самых основных экономических прав каждого человека является право собственности, как юридической формы закрепления имущества за определенным лицом. Такое право прописано в Протоколе № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Более того, это право является нормой – гарантией защиты прав собственников имущества, предусмотренное статьями Конституции РФ (например, ст. 8, 17, 35 Конституции Российской Федерации). Пленум ВС РФ и Пленум ВАС РФ в свое время дал разъяснения относительно законодательства в области защиты вещных прав и законного владения с целью получения единообразия в принятии решений арбитражными судами и судами общей юрисдикции. В статье рассмотрены некоторые данные разъяснения с примерами из правоприменительной практики.

Ключевые слова: право собственности, защита вещных прав и законного владения, правоприменительная практика, Конституция РФ, судебная практика.

Защита гарантии права собственности, закрепленная законодательно, служит необходимым условием стабильного развития капиталистических отношений и демократических изменений социума. В современной правоприменительной практике в области защиты вещных прав и законного владения важной социально-экономической гарантией каждого человека является право собственности, вместе с тем, оно является также юридической формой закрепления имущества за тем или иным лицом.

Правоприменительная практика в области защиты прав собственности показывает, что правом на уважение вещных прав и законного владения может воспользоваться любое физическое или юридическое лицо согласно Протоколу № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Рассматриваемая норма является гарантией защиты прав собственников имущества, предусмотренная статьями Конституции РФ:

- Ст. 17 – в России признаны и гарантированы права и свободы человека аналогично принципам и нормами международного права [1].
- Ст. 35 – право частной собственности находится под защитой государства. Каждый вправе владеть имуществом на правах своей собственности, пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению. Лишиться этого права человек может только по решению суда. В случае отчуждения имущества в пользу государства оно должно быть заранее и равноценно возмещено собственнику [2].
- Ст. 8 – в РФ все виды собственности находятся под защитой государства.

Рассматриваемые права гражданина должны осуществляться на основании Конституции РФ и международного права, находя отражение в судебной практике и гражданско-правовых нормах РФ. Пленум ВС РФ и Пленум ВАС РФ опубликовал объяснения некоторых законов в области защиты вещных прав и законного владения с целью получения одинаковой практики в принятии решений арбитражными судами (далее по тексту – судами) и судами общей юрисдикции [3]. В статье рассмотрены несколько разъяснений с примерами из правоприменительной практики.

1. Истребование имущества из незаконного чужого владения.

Споры о возврате собственности, возникшие, как результат договорных отношений или отношений, возникших вследствие недействительной сделки, должны быть разрешены в соответствии

с гражданско-правовыми нормами, регулирующие подобные отношения. В случаях, когда между участниками спора нет договора или есть отношения, возникшие в результате недействительной сделки, вопрос возврата имущества настоящему собственнику решается на основании статей 301 и 302 ГК РФ. По правилам этих же статей, а не гл. 59 ГК РФ следует рассматривать требование возврата имущества собственнику из незаконного владения другого лица.

Собственник вправе потребовать свое имущество у другого лица, решение этого вопроса происходит путем подачи искового заявления в суд. Однако здесь есть некоторые нюансы:

- ст. 301 ГК РФ говорит о том, что по данному требованию не может быть вынесено решение в пользу истца в ситуации, когда оспариваемое имущество было передано ответчиком другому лицу на временное пользование.
- Аб. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ или ч. 2 ст. 46 АПК РФ говорит о том, что судья может привлечь лицо, которому было передано имущество во временное распоряжение в качестве соответчика.
- Ч. 1 ст. 41 ГПК РФ или ч. 1 и 2 ст. 47 АПК говорит о том, что если имущество было отчуждено или передано ответчиком другому лицу в постоянное владение, возможна смена ответчика ненадлежащего надлежащим. В такой ситуации первый ответчик становится третьим лицом на стороне ответчика и не заявляет своих требований относительно оспариваемого имущества (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ).

2. Споры относительно прав на недвижимое имущество.

В условиях, когда сделка совершена в правильной форме и требует обязательной государственной регистрации, но одна из сторон занимает уклоняющуюся позицию и не приступает к регистрации, в этом случае суд может вынести постановление о регистрации сделки по исковому требованию другой стороны на основании п. 3 ст. 165 ГК РФ.

3. Споры относительно самовольных построек

При подаче иска о сносе самовольной постройки ответчиком согласно аб. 2 п. 2 ст. 222 ГК РФ является то лицо, которое и осуществляет самовольное строительство, а при наличии подрядчиков ответчиком будет являться лицо, по заказу которого осуществляется стройка. В случае, когда постройка, возведенная самовольно, находится во владении лица, которым при этом не производится самовольное возведение постройки, ответчиком по иску о сносе такой постройки будет являться человек, который мог бы стать собственником, если бы данная постройка не была самовольной. В случае, когда собственником самовольной постройки является не владелец земельного участка, а третье лицо, то данное лицо должно быть привлечено как соответчик по иску (аб. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ или ч. 2 ст. 46 АПК РФ). Ответчик, который не производит строительства, может подать иск о возмещении убытков в отношении лица, которое и осуществляет спорную постройку.

В современной правоприменительной практике наблюдается тенденция расширения понятия «имущество». Право человека на владение имуществом, гарантом которого выступает Конституция РФ (ч. 3 ст. 35) распространяется как на имущество, имеющееся у гражданина в собственности в настоящее время, так и охватывает собственность, полученную в будущем. Конституционный Суд РФ считает, что понятия «имущество», «собственность», содержащиеся в Конституции РФ могут в каких-то случаях отличаться от подходов к этим понятиям в ГК РФ. В правоприменительной практике иногда происходит процесс корректировки однородных отраслевых норм. Такие понятия, отраженные в Конституции РФ, как право частной собственности можно назвать смежными с отраслевыми, в виду того, что содержание этого понятия может не совпадать в разных отраслевых нормах. Данные представления лежат в основе правоприменительной практики Конституционного Суда РФ. Согласно постановлению обозначенного суда от 13.12.2001 понятие «имущество», используемое в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ включает в себя право собственности и другие вещные права. Прекратить право собственности может только суд на основании, предусмотренных ч. 2 ст. 235 ГК РФ.

Важной задачей судопроизводства является защита вещных прав и законного владения, тем самым защита гарантий собственников, поэтому очень важно, чтобы суды на основании законодательства РФ принимали решения единообразно, помочь им в этом могут опубликованные разъяснения, к примеру, Пленума ВС РФ и ВАС РФ.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b3cdfcf41099657639e96a77b00849cacec38ca/
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 г. Москва «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/05/21/prava-dok.html>.
4. Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодатель-

ства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_31/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-zakonodatelstva-o-veshchnykh/

5. Микрина В.Г. История возникновения и особенности развития трудовых прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2019 (129). – № 2. – С. 205–207.

MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS AND LEGAL POSSESSION

Sannikov D.V.

Law office, Perm

In modern law enforcement practice in the field of protection of property rights and legal possession, one of the most basic economic rights of every person is the right of ownership, as a legal form of securing property for a certain person. This right is spelled out in Protocol No. 1 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Moreover, this right is the norm – a guarantee of protection of the rights of owners of property provided by the articles of the Constitution (e.g., article 8, 17 and 35 of the Constitution of the Russian Federation). The Plenum of VS Russian Federation and the Plenum of the Russian Federation at the time gave explanations on the legislation in the field of protection of property rights and legitimate possession of with the purpose of obtaining uniformity in the decisions by arbitration courts and courts of General jurisdiction. The article discusses some of these explanations with examples from law enforcement practice.

Keywords: property rights, protection of property rights and legal possession, law enforcement practice, the Constitution of the Russian Federation, judicial practice.

References

1. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Article 17. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/
2. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Article 17. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b3cdfcf41099657639e96a77b00849cacec38ca/
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010 № 10/22 Moscow “on certain issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other proprietary rights”. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rg.ru/2010/05/21/prava-dok.html>.
4. Practice of applying the legislation on property rights and land legislation. [Electronic resource]. – Mode of access: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_31/sudebnaia-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam/praktika-primeneniia-zakonodatelstva-o-veshchnykh/
5. Mikrina V.G. History of the origin and features of the development of human labor rights // Eurasian legal journal. – 2019 (129). – № 2. – Pp. 205–207.

Проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в свете новых вызовов и угроз

Агеенков Александр Александрович,

кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: santiago82@mail.ru

Коцера Игорь Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: igor82801@g mail.com

Никушов Сергей Сергеевич,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: snik609@mail.ru

Ошкин Иван Викторович,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: oshkin.ivan@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия преступлениям, связанным с бесконтактным оборотом наркотических средств, изучается проблематика возникающая у сотрудников оперативных подразделений при выявлении и раскрытии преступлений по рассматриваемому направлению оперативно-служебной деятельности, проведен анализ статистических сведений, исследуются теоретические и прикладные аспекты противодействия преступлениям связанным с незаконным оборотом наркотиков, изучается уголовно-правовые вопросы связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также использование сети Интернет и криптовалюты при совершении преступлений, приводятся конкретные примеры из судебной практики уголовных дел возбужденных по составам предусматривающих ответственность за незаконный оборот наркотиков, находят отражение отдельные вопросы личности преступника совершающего наркопреступления, рассматриваются возможные способы совершения преступлений связанные со сбытом наркотических средств, особое внимание уделяется проблематике бесконтактного сбыта наркотических веществ.

Ключевые слова: бесконтактный оборот наркотиков, информационно-коммуникационные технологии, криптовалюта, интернет-площадка.

Как и во всем мировом сообществе в Российской Федерации совершается значительная модификация наркоситуации, стимулированная многочисленными условиями, к примеру, такими как возникновение новейших разновидностей элементов, но помимо этого, развиваются и способы потребления различных наркотических веществ.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, является сложным уголовно-правовым термином и объединяет в себе достаточно объемную группу преступлений. Определение «незаконный оборот наркотиков» (далее – НОН) часто применяется в нормативно-правовых актах, научно-учебной литературе и данное понятие закреплено в ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1], который указывает, что оборот наркотических средств, психотропных веществ – разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации. НОН, соответственно – оборот, реализованный вопреки определенным требованиям и правилам легального оборота.

Исходя из этого, преступления, предусмотренные ст.ст. 228–233 УК РФ представляют из себя действия:

- 1) предполагающие только оборот наркотиков (ст.ст. 228–228.4 УК РФ);
- 2) представляющие собой элемент оборота наркотиков (ст.ст. 229, 229.1, 231, 233 УК РФ).

В основе своей это составляющие приобретения и производства наркотических средств, а непосредственно сами дальнейшие действия, которые связаны с оборотом наркотиков (например хранение, перевозка или сбыт) не в ходят в составы преступлений;

- 3) являющиеся присущим обороту наркотиков и позволяющие ему с помощью вовлечения населения в потребление наркотиков (ст.ст. 230, 232 УК РФ).

Данные ГИАЦ МВД России гласят, что за последние 4 года уменьшается количество престу-

плений в сфере незаконного оборота наркотиков. За 2016 год выявлено 201165 преступлений из которых 144104 тяжкие и особо тяжкие и 85799 совершены в крупном и особо крупном размере, за 2017 год- 208681 преступлений (+3,7%) из которых 150243 (+4,3%) тяжкие и особо тяжкие и 85799 (-0,1%) совершены в крупном и особо крупном размере, за 2018 год- 200306 преступлений (-4%) из которых 148445 (-1,2%) тяжкие и особо тяжкие и 75096 (-12,4%) совершены в крупном и особо крупном размере, за 2019 год- 190197 преступлений (-5%) из которых 143227 (-3,5%) тяжкие и особо тяжкие и 6628 (-11,7%) совершены в крупном и особо крупном размере.

Указанные выше статистические данные указывают на то, что уровень преступности в рассматриваемой сфере хоть и падает, но количество преступлений остается большим, что предполагает потребность в совершении, как действующего уголовного законодательства, так и правоохранительной системы в целом, а также необходимость устранения негативных элементов, которые влияют на распространение наркотикотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом.

Преступления в сфере НОН представляют собой разновидность преступлений против здоровья населения и предусмотрены рядом статей УК РФ (ст.ст. 228–233 УК РФ). Их можно разделить на три неравновесные группы:

1. Статья 228 УК РФ – хранение и употребление без цели сбыта.
2. Статья 228.1 УК РФ – производство и сбыт.
3. Иные наркопреступления (статьи 228.2–233 УК РФ) – организация притонов, незаконный оборот наркотико-содержащих медицинских препаратов и т.п.

Если обратиться к официальной статистике, то можно заметить, что в общей массе преступлений, предусмотренные ст. ст. 228. 1, 228 УК РФ составляют свыше 95% преступлений в сфере НОН средств. При этом иные преступления в сфере НОН составляют менее 5%. В связи с этим, основной упор в данном исследовании направлен на изучение, выявление и раскрытие именно двух вышеуказанных составов преступлений. Но при этом нельзя забывать и про иные составы наркопреступлений (ст.ст. 228.2–233 УК РФ), так как они немаловажны и у сотрудников правоохранительных органов периодически возникают сложности при квалификации деяний, связанных с НОН.

Между собой же данные составы преступлений (ст. 228 и ст. 228. 1 УК РФ) имеют разграничение в том, что ст. 228 УК РФ, не предусматривает совершение преступления с целью сбыта, а говоря более точно, исключает его, чего нет в ст. 228.1 УК РФ. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 228. 1 УК РФ предусматривает «незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо

их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

Так, например, гражданин Н, обнаружил около железнодорожных путей на земле пластмассовый сосуд, в котором находилась субстанция в виде порошка светло-бежевого цвета. Данное вещество содержало пирролидиновалерофенон и оказалось наркотическим средством – производным N-метилэфедрона, общей массой 0,75 грамм. В связи с тем, что гражданин Н имел наркотическую зависимость, он сообразил, что это и есть наркотическое вещество. После чего для дальнейшего употребления гражданин Н оставил это вещество себе и стал его незаконно хранить в кармане собственной куртки. Позднее, находясь на территории Ленинского района г. Тамбова, гражданин Н был задержан сотрудниками полиции. Ленинский районный суд г. Тамбова признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1, ст. 228 УК РФ[2].

В другом случае, гражданин Д в мобильном приложении «Telegram» увидел рекламу, в которой было написано «если хочешь много зарабатывать, пиши сюда» после чего он перешёл по указанной ссылке и начал переписку с неизвестным ему лицом, в ходе переписки данное лицо предложило гражданину Д заниматься сбытом наркотиков за определенную плату. Такие условия устроили гражданина Д, и он ответил согласием, что свидетельствует о возникновении у гражданина Д преступного умысла, направленного на совершение незаконного сбыта наркотических средств и его вступлении в предварительный преступный сговор с вышеупомянутым неизвестным ему лицом. Для достижения преступной цели, неустановленное лицо распределило роли, согласно которым, оно должно будет предоставлять уже расфасованное по полиэтиленовым пакетам наркотическое вещество, весом по 1 грамму. А во исполнение своей роли гражданин Д должен раскладывать указанные пакеты на территории г. Рязани и присылать их фото и геопозицию неустановленному лицу при помощи мобильного приложения «Telegram», за что ему будет полагаться денежное вознаграждение.

В приведённых примерах из судебной практики прослеживается четкое разграничение между ст. 228. 1 УК РФ и ст. 228 УК РФ. В первом приведенном примере, у гр. Г. наличие умысла отсутствует. Он не планировал сбывать наркотические средства с целью извлечения из этого выгоды, а собирался использовать их в личных целях. Касаясь гр. А, то в его действиях отчетливо прослеживается преступный умысел, направленный на сбыт наркотических средств. В связи с чем, действия гр. Г квалифицированы в соответствии со ст. 228 УК РФ, а действия гр. А в соответствии со ст. 228. 1 УК РФ.

Согласно официальной статистике МВД России, одной из направленностей последнего времени считается стимуляция незаконного производства синтетических наркотиков на территории Российской Федерации, что обуславливается их

доступностью в плане стоимости и методу получения (в основном, в местах общественного досуга и через сеть Интернет). Спецификой «новых наркотиков» считается их обширный ассортимент.

Таким образом, в настоящий период главную часть наркорынка составляют наркотические вещества каннабиоидной и синтетической группы. Классические же разновидности, к примеру, героин, постепенно сдают свои позиции. Если «синтетики» в 2019 г. изъято на 2,5 т больше, нежели в 2016, то героина – на 0,5 тонны меньше прошлого года.

Важно учесть, что НОН как вид преступной деятельности имеет высокий уровень латентности. В отличие от других преступлений, в составах преступлений, связанных с НОН, отсутствует потерпевший. Сбытчик наркотика или наркоман не заинтересованы о распространении информации о сделке, так как это влечёт за собой уголовную ответственность для обоих. В связи с чем, в последние годы всё чаще начинают использовать систему бесконтактного сбыта – «закладки», данные, о местонахождении которых, сообщаются покупателю после поступления денежных средств на счёт сбытчиков.

Согласно статистике МВД России, за 2019 г. было совершено 24677 преступлений, образующих состав статьи 228.1 УК РФ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (что составляет 21% от всех зарегистрированных по ст. 228. 1 УК РФ), но приведённая статистика вовсе не является исчерпывающей, а практика свидетельствует о том, что подавляющее большинство преступлений, образующих составы, предусмотренные ст. 228 УК РФ и ст. 228.1 УК РФ совершаются именно бесконтактным способом, основанным на использовании технологий и вызывающем у сотрудников большое количество трудностей, связанных с доказыванием вины наркосбытчиков и выяснением их непосредственных связей.

С целью сбыта наркотических средств и психотропных веществ, злоумышленники активно используют в своей «деятельности» современные технические средства и информационно-коммуникационные технологии, например телефонная связь по протоколу IP, сеть «INTERNET» (скрытые сайты и домены, созданные специально под торговлю наркотическими средствами), системы электронных платежей (Bitcoin, Qiwi, WebMoney и др.). Также наркодиллеры в своей преступной деятельности активно применяют современные зашифрованные каналы связи. К ним относятся широко применяемые интернет-мессенджеры такие как «JABBER», «TELEGRAM» «VIBER», «WHATSAPP», и интернет-магазин – «GYDRA».

Также хотелось бы отметить и сторону наказания граждан за совершение наркопреступлений. В 2019 г. из 2 млн 024 тыс. 337 совершенных преступлений 190 тыс. 197 связанных с НОН, что составляет 9,4% от общего числа совершенных преступлений, но стоит отметить, что в настоящее

время за совершенные преступления, связанные с НОН, в исправительных учреждениях отбывают наказание около 136 тысяч человек. Что составляет 25% от общего числа заключённых, и их количество растёт [4].

Приговоры к лишению свободы выносятся лишь в отношении 40% осуждённых за наркопреступления. Оставшихся приговаривают к условным срокам, также можно отметить, что увеличивается применение альтернативных мер наказаний, а именно исправительных работ, обязательных работ и штрафов. Привлечённые к уголовной ответственности с основным приговором по статьям 228–233 УК РФ за 2015–2019 гг.

Заметим, что с 2015 идет снижение. В 2019 – минимум осуждённых с и минимум приговорённых к лишению свободы.

Принимая во внимание, какими бывают преступления, и какие за их совершение следуют наказания, мы можем их сопоставить между собой.

За совершение сбыта, зачастую в отношении виновных лиц, выносятся приговоры, связанные с реальными сроками заключения, но все-таки половина всех приговорённых к лишению свободы являются потребителями. В связи с тем, что в суде их вина не была доказана, они были осуждены по статье 228 УК РФ.

Так, в настоящее время в Российской Федерации по сравнению с 2015 годом сократилось количество реально и условно осуждённых за НОН. Невзирая на достигнутые итоги, дальнейшая реализация общегосударственной антинаркотической политики требует наиболее глубокого также системного подхода к проблемам улучшения законодательства. До нынешнего периода нерешённым остаётся несколько основных вопросов по формированию нормативно-правовой основы, сосредоточенной на кардинальном сокращении спроса на наркотические вещества. Не до конца создана требуемая концепция противодействия наркопреступности и наркомании, которая могла бы сочетать в себе сбалансированный комплекс реабилитационных, медицинских, профилактических, правоохранительных и контрольных мер.

Литература

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 12.01.1998, N 2, ст. 219.
2. Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани 1–43/2020 от 17 февраля 2020 г. По делу 1–43/2020// [Электронный ресурс]<http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/48565632/extended>.
3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Рязани 1–31/2020 от 13 января 2020 г. По делу 1–31/2020// [Электронный ресурс]<http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/>
4. Портал правовой статистики -<http://crimestat.ru> (дата обращения 14.11.2020 г.)

PROBLEMS OF SOLVING CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING IN THE LIGHT OF NEW CHALLENGES AND THREATS

Ageenkov A.A., Kotseruba I.O., Nikulov S.S., Oshkin I.V.

Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with topical issues of countering crimes related to non-contact drug trafficking, examines the problems that arise for employees of operational divisions when detecting and solving crimes in the area of operational and official activities under consideration, analyzes statistical data, examines theoretical and applied aspects of countering crimes related to drug trafficking, and studies criminal law issues related to drug trafficking, and the use of the Internet and cryptocurrencies in offenses, examples from court practice of criminal cases instituted on the composition providing for liability for illegal drug trafficking, reflected on certain aspects of the offender committing drug crimes, and discusses the possible ways

of committing crimes related to the sale of narcotic drugs, special attention is paid to the problems of contactless sale of narcotic substances.

Keywords: contactless drug trafficking, information and communication technologies, cryptocurrency, Internet platform.

References

1. On narcotic drugs and psychotropic substances: the Federal law of the Russian Federation from January 8, 1998 № 3-FZ // "Sobranie Zakonodatelstva RF", 12.01.1998, N 2, p. 219.
2. The sentence of October district court of Ryazan 1–43/2020 Feb 17 2020. In the case of 1–43/2020// [Electronic resource]<http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/48565632/extended>.
3. Verdict of the Railway district court of Ryazan 1–31 / 2020 of January 13, 2020. In the case of 1–31/2020// [Electronic resource]<http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/>
4. The portal of legal statistics <http://crimestat.ru> (accessed 14.11.2020 G.)

Функционирование территорий с преференциальными административно-правовыми режимами в дальневосточном федеральном округе

Андрейкин Александр Анатольевич,
аспирант, кафедра государственно-правовых дисциплин,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: aleksandr.a.1980@mail.ru

В современных условиях одним из важных путей ускорения регионального развития является создание и функционирование на Дальнем Востоке экономических зон различных типов и форм, которые стали неотъемлемым инфраструктурным элементом данного региона. Создание новых площадок с административно-правовыми, экономическими, налоговыми, таможенными, организационными и иными преференциями для улучшения экономического взаимодействия, раскрывает геополитическое и геостратегическое значение Дальневосточного федерального округа. Однако, как показывает мировая практика, не всегда территории с льготными правовыми режимами были успешными и эффективными с точки зрения целей их создания. Также, во избежание возникновения различного рода рисков и угроз данные преференции должны предоставляться при соблюдении соответствующих условий и ограничений. В статье рассматриваются особенности и возможные проблемы функционирования территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе, а также пути их решения.

Ключевые слова: правовое регулирование, преференциальные административно-правовые режимы, территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт «Владивосток».

В ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308, в субъектах Дальневосточного федерального округа созданы и активно функционируют административно-правовые режимы стимулирования экономического развития, которые направлены на повышение инвестиционной привлекательности региона, создание условий обеспечения высокого уровня жизни населения, ускорение социально-экономического развития. Наиболее значимыми проектами в этой сфере являются создание территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), свободного порта Владивосток, специального административного района на территории острова Русский.

Указом Президента РФ от 03.11.2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов» (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849), в состав Дальневосточного федерального округа дополнительно включены два субъекта: Республика Бурятия и Забайкальский край. Указанное обстоятельство свидетельствует об актуальности вопросов развития Дальнего Востока, и связано с необходимостью распространения преференций развития Дальнего Востока на указанные регионы.

На основе анализа точек зрения, сформулированных в науке административного права, можно выделить следующие подходы к определению понятия «административно-правовой режим».

1. Административно-правовой режим – это дополнительные способы «обеспечения правового порядка специальными или тематическими законами, преимущественно запрещающими и обязывающими нормами, установлением зонирования, режимных правил жизнедеятельности, закреплением особого статуса объекта (носителя режима)» [3, с. 13].

2. Административно-правовой режим – это «особый правовой режим деятельности физических и юридических лиц в сфере исполнительной власти, который устанавливается федеральным законодательством и обусловлен обстоятельствами чрезвычайного характера или особенностями вида деятельности» [4, с. 21].

В настоящее время, наряду с использованием ограничений, запретов, применением мер принуждения и юридической ответственности, стали широко использоваться меры преференций, при-

вилегий, гарантий, защиты, охраны, стимулирования, поддержки и т.д.

Сущность административно-правовых режимов ТОСЭР, свободного порта, и иных, состоит не в ограничениях субъектов права, а в предоставлении им различных преференций: дополнительных прав, освобождения от некоторых обязанностей, государственных гарантий, предоставлении разнообразных благоприятных возможностей реализации субъектами своих прав и интересов.

Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», установлено, что ТОСЭР – это часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

«Особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на части территории субъекта РФ» указывает на принадлежность ТОСЭР к специфической категории особых экономических зон.

Мировая практика показывает, что, хотя зоны были эффективными в решении задач экономического роста и развития, они не были одинаково успешными, и многие зоны потерпели неудачу. Более того, с момента начала развития зон в развивающихся странах были высказаны опасения по поводу воздействия зон на занятость (с точки зрения уровня заработной платы и льгот, прав работников и условий труда), окружающую среду и связанные с этим социальные факторы [6].

При создании ТОСЭР, прежде всего, активизируется внутри- и внешнеэкономическая деятельность, увеличиваются поставки товаров происходит трансформация структуры экономики того территориального образования, в котором создается ТОСЭР, что наиболее актуально для Дальнего Востока.

В табл. 1 приведен перечень ТОСЭР с их названием, местонахождением и количеством видов деятельности.

Одним из необходимых условий функционирования ТОСЭР является предоставление государством ряда административных преференций. Они могут быть предоставлены, в частности, путем упрощения регистрации предприятий и таможенных процедур, в виде предоставления льготного визового режима для иностранных специалистов и работников, упрощения порядка пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных.

Таблица 1. ТОСЭР, функционирующие в Дальневосточном федеральном округе

№	Название ТОСЭР (район, город)	Регион	Дата создания	Количество видов деятельности
1	Хабаровск	Хабаровский край	25.06.2015	53
2	Комсомольск	Хабаровский край	25.06.2015	53
3	Надеждинская	Приморский край	25.06.2015	53
4	Чукотка (ранее ТОР «Беринговский»)	Чукотский автономный округ	21.08.2015	48
5	Михайловский	Приморский край	21.08.2015	43
6	Индустриальный парк Кангалассы	Республика Саха (Якутия)	21.08.2015	51
7	Белогорск	Амурская область	21.08.2015	43
8	Приамурская	Амурская область	21.08.2015	55
9	Камчатка	Камчатский край	28.08.2015	50
10	Свободный порт Владивосток	Включает 5 регионов (22 муниципальных образований)	12.10.2015	Все, кроме запрещенных
11	Большой камень	Приморский край	28.01.2016	51
12	Южная Якутия	Республика Саха (Якутия)	28.12.2016	33
13	Южная	Сахалинская область	17.03.2016	23
14	Горный Воздух	Сахалинская область	17.03.2016	16
15	Амуро-Хинганская	Еврейская автономная область	27.08.2016	13
16	Нефтехимический	Приморский край	07.03.2017	33
17	Николаевск	Хабаровский край	19.04.2017	7
18	Свободный	Амурская область	03.06.2017	20
19	Курилы	Сахалинская область	23.08.2017	6
20	Бурятия	Республика Бурятия	14.06.2019	6
21	Забайкалье	Забайкальский край (располагается в 22 сельских районах края, городе Чите и поселке Агинском)	31.07.2019	24

Выделяют следующие основные административные преференции свободного порта Владивосток:

1) иностранные работники привлекаются к трудовой деятельности, не учитывая квоты, так как их доля определяется наблюдательным советом;

2) предусмотрена ускоренная процедура в отношении возмещения НДС в течение 10 дней в случае наличия договора поручительства с управляющей компанией;

3) сроки проведения контрольных проверок составляют менее 15 дней;

4) сроки получения документации, разрешающей капитальное строительство, составляют менее 40 дней.

Среди административных преференций обозначена также возможность получения в аренду земельного участка без проведения торгов.

Вместе с тем, эти преференции должны предоставляться при соблюдении соответствующих условий и ограничений.

Реализация административно-правовых режимов требует высокого технико-юридического качества законодательства о них. Это означает, что должна обеспечиваться исключительная точность и определенность: используемых в актах разного рода терминов и дефиниций, сроков введения, действия и прекращения административно-правовых режимов; определенность видов информации. Это также означает необходимость законодательной фиксации сбалансированных полномочий, участвующих во введении и реализации административно-правовых режимов органов публичной (государственной и муниципальной) власти и должностных лиц. С четким определением пределов возможного усмотрения; использования правового инструментария, необходимого и достаточного для эффективной реализации административно-правовых режимов. [7, с. 15]

Учитывая геополитическое положение Дальневосточного федерального округа, его значимость и важность, следует обратить внимание на факторы, которые могут повлечь проявление вызовов и угроз экономической и иной безопасности в условиях создания и функционирования преференциальных административно-правовых режимов в дальневосточных субъектах Российской Федерации.

Среди таковых могут быть:

1. Притязания иностранных государств и транснациональных корпораций на стратегические ресурсы Дальнего Востока;
2. Усиление экономического и демографического влияния иностранных государств на районы с низким уровнем социально-экономического развития;
3. Трансграничная преступность, связанная с незаконной миграцией, контрабандой, незаконной добычей и реализацией водных биологических ресурсов.

Кроме того, территории с преференциальными режимами в силу особых юрисдикций, являются

достаточно привлекательными для криминальных структур, в целях отмывания преступных доходов и финансирования незаконной деятельности.

Таким образом, необходимость решения социально-экономических проблем Дальневосточного региона, потребовала введения принципиально новых административно-правовых режимов, таких как режим территорий опережающего социально-экономического развития, режим свободного порта «Владивосток», основанных не на запретах, а на привилегиях, льготах и преимуществах, т.н. преференциальных режимов.

Вместе с тем, недостаточная внутренняя готовность региона к эффективному участию в широкомасштабных экономических процессах, влекут возникновение противоречий между интересами социально-экономического развития региона и необходимостью противодействия угрозам коррупционного, миграционного, экономического характера.

Новая реальность, несомненно, оказывает непосредственное влияние на деятельность всех органов власти в Дальневосточном федеральном округе.

Активное региональное развитие, и как следствие, возникновение и развитие новых общественных отношений, требующих правового регулирования, вовлечение новых субъектов международных правоотношений, порождает противоречия между потребностью обеспечения безопасности и правопорядка и интересами социально-экономического развития региона.

Данное обстоятельство требует соответствующего постоянного анализа, развития и корректировки правового обеспечения деятельности органов власти в Дальневосточном регионе.

В данный момент, все эти факторы требуют проведения тщательного анализа существующей нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность субъектов правоотношений в условиях функционирования преференциальных административно-правовых режимов в Дальневосточном федеральном округе, выявления существующих проблем правового регулирования и определения путей совершенствования механизма правового регулирования.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск № 299(6571).
2. Федеральный закон Российской Федерации «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 г. N 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 29 (часть I) ст. 4338.
3. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в перечень феде-

ральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» от 03.11.2018 г. № 632 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» ГАРАНТ-Классик.

4. Бахрах Д.Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2002. 324 с.
5. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы: монография. М., 2000. 263 с.
6. Special economic zones: performance, lessons learned and implications for zone development. The World Bank Group, Washington DC [сайт]. URL: <https://documents.worldbank.org/curated/pt/343901468330977533/pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
7. Болтанова Е.С. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография (отв. ред. проф. А.Ф. Ноздрачев). – М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма «Контракт», 2017. – 528 с.

FUNCTIONING OF TERRITORIES WITH PREFERENTIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Andreykin A.A.

Pacific National University

In modern conditions, one of the important ways to accelerate regional development is the creation and functioning of economic zones of various types and forms in the Far East, which have become an integral infrastructural element of this region. The creation of new sites with administrative-legal, economic, tax, customs, organizational and other preferences to improve economic interaction re-

veals the geopolitical and geostrategic significance of the Far Eastern Federal District. However, as world practice shows, territories with preferential legal regimes were not always successful and effective in terms of the goals of their creation. Also, in order to avoid the occurrence of various kinds of risks and threats, these preferences should be provided subject to the relevant conditions and restrictions. The article examines the features and possible problems of the functioning of the territories of advanced development in the Far Eastern Federal District, as well as the ways of their solution.

Keywords: legal regulation, preferential administrative legal regimes, territories of advanced socio-economic development, free port of Vladivostok.

References

1. Federal Law of the Russian Federation “On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation” dated December 29, 2014 No. 473-FZ // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue No. 299 (6571).
2. Federal Law of the Russian Federation “On the Free Port of Vladivostok” dated July 13, 2015 No. 212-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation No. 29 dated July 20, 2015 (Part I) Art. 4338.
3. Decree of the President of the Russian Federation “On amendments to the list of federal districts approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2000 No. 849” dated 03.11.2018 No. 632 // Information and legal support “Garant” GARANT-Classic.
4. Bakhrah D.N. Administrative law of Russia. Textbook for universities. – М.: NORMA, 2002.324 p.
5. Rushailo V.B. Administrative and legal regimes: monograph. М., 2000.263 p.
6. Special economic zones: performance, lessons learned and implications for zone development. The World Bank Group, Washington DC [site]. URL: <https://documents.worldbank.org/curated/pt/343901468330977533/pdf> (date accessed: 15.06.2019).
7. Boltanova E.S. Administrative and legal regimes in public administration in the Russian Federation: theory and modern practice: monograph (editor-in-chief, Professor A.F. Nozdrachev). – М.: “Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Law Firm “Kontrakt”, 2017. – 528 p.

Проблема неэффективности статьи 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации как элемента охраны отношений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

Бекренев Леонид Леонидович,

аспирант Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации,
E-mail: becrenev.leonid@yandex.ru

Автором анализируются причины отсутствия применения норм статьи 200.4. Уголовного кодекса Российской Федерации «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» в правоприменительной практике. Автор приходит к мнению, что действующая редакция нормы не отвечает официально заявленным целям ее введения, имеет серьезные дефекты юридической техники и нуждается в доработке.

Автор обращает внимание на проблему определения субъектного состава преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, а также анализирует содержание преступного деяния, указанного в составе нормы статьи 200.4 УК РФ.

В статье приведены официальные данные из ежегодных отчетов органов государственной власти Российской Федерации, а также статистика, опубликованная на сайте средств массовой информации и составленная на основе сведений, предоставленных государственными органами.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, государственный контракт, должностное лицо, служебное положение, злоупотребление полномочиями, криминализация, декриминализация

С момента внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), результатом которых стало введение специальных норм ответственности за преступления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, прошло больше двух с половиной лет [1]. Призванные устранить ряд проблем правовой охраны отношений в контрактной системе положения статьи 200.4. УК РФ о злоупотреблении в сфере закупок не нашли за этот период реального применения в судебной практике.

Согласно данным агентства правовой информации за 2019 год по статье 200.4 УК РФ не постановлено ни одного приговора. Такая же статистика наблюдается за дебютный год действия уголовно-правовой нормы (2018) [2]. В сводном аналитическом отчете, размещенном на официальном портале форума «Госконтракт», отражено, что за 2019 подразделениями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС РФ) возбуждено 28 684 дел об административных правонарушениях, связанных с нарушениями законодательства о контрактной системе [3].

Таким образом, как показывает статистика, охрана отношений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд в случаях нарушений положений законодательства о контрактной системе в основном требует использования механизмов привлечения к ответственности, предусмотренных КоАП РФ, а не специальными нормами уголовного законодательства.

Проблемы правоприменения статьи 200.4 УК РФ не остались без внимания высшей судебной инстанции. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в июне 2020 года внес изменения в собственное постановление от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В текст нормативного документа был добавлен пункт 12.1, содержание которого регламентирует особенности привлечения к ответственности по статье 200.4 УК РФ. [4]

Согласно замечаниям ВС РФ судам при рассмотрении дел о преступлениях по статье 200.4 УК РФ следует установить мотив противоправного деяния, особое значение при этом имеет наличие корыстной или иной личной заинтересованности в действиях или бездействиях преступника [5].

Исходя из анализа новых положений постановления, можно сделать вывод, что Пленум не считает проблемным определение содержания корыст-

ной заинтересованности в таких преступлениях. А об иной личной заинтересованности, по мнению ВС РФ, может свидетельствовать ряд различных факторов неимущественного характера. Таковыми могут являться желание заручиться поддержкой в решении того или иного вопроса, имеющего значение для субъекта преступления. Например, вопрос трудоустройства, продвижения по службе или получения новой должности, причем как для себя, так и для родственников. Среди неимущественных факторов, свидетельствующих о наличии иной личной заинтересованности субъекта преступления, Пленум называет желание посредством совершения преступного деяния получить поощрение, государственные или иные награды и т.д.

Более того, Пленум указал, что одной только ссылки на признак личной заинтересованности недостаточно, судам надлежит исследовать все фактические обстоятельства дела и привести в приговоре доказательства личной заинтересованности лица, совершившего преступление.

С одной стороны, Пленум стремился привнести ясность в пространное содержание категории «иная личная заинтересованность». С другой стороны, учитывая тот факт, что статья 200.4 УК РФ указывает в качестве субъекта преступления лицо, которое не является должностным и не выполняет управленческие функции в коммерческой и иной организации, заметно смещение акцента высшего судебного органа на такие факторы, свидетельствующих о иной личной заинтересованности, как продвижение по службе, занятие новой должности и получение иных поощрений.

При этом, возможна ситуация, когда лицо, не занимающее руководящую должность или не выполняющее управленческие функции, может быть подвергнуто психологическому давлению со стороны руководства, например, угрозам увольнения или иной санкции, в случае, если такое лицо не совершит преступного деяния. В такой ситуации, представляется, что совершение преступления так же будет мотивировано личной заинтересованностью, которая в свою очередь будет обуславливаться негативными факторами: боязнь потерять работу, возможность наложения дисциплинарных мер. При этом указанные факторы, по нашему мнению, не исключают преступность деяния в порядке положений Главы 8 УК РФ [6].

При изложенных обстоятельствах такое различие в правоприменительной практике приведет к тому, что одинаковое наказание могут получить как лицо, совершившее преступление из мотива получить награду, так и лицо, совершившее преступление из мотива избежать санкций со стороны руководства, что мало коррелирует с принципом справедливости уголовного наказания.

Стоит отметить, что Пленум ограничился только анализом элементов субъективной стороны, оставив без внимания проблему определения круга лиц, которых можно отнести к субъекту преступления. Учитывая тот факт, что Пленумом вносились изменения в постановление, посвященное

злоупотреблению должностными полномочиями (285 статья УК РФ) и их превышению (286 статья УК РФ), можно предположить, что в рамках определения понятия должностного лица высший судебный орган исходит из легальной дефиниции, представленной в статье 285 УК РФ. При этом такое понимание должностного лица распространяется исключительно на главу 22 УК РФ. Как указано в статье 5 УК РФ, уголовный закон по аналогии не применяется. Учитывая, что Пленум регулирует своим постановлением деятельность нижестоящих судов, сохраняется возможность различного толкования понятия должностного лица органами предварительного следствия. При таких обстоятельствах субъект вышеназванного преступления остается несколько «размытым», что, возможно, является одной из причин неприменения нормы 200.4 УК РФ на практике.

Изначально причинами внесения изменений в УК РФ в рамках введения дополнительных специальных норм ответственности за злоупотребления в сфере закупок, являлось устранение коллизии, при которой ряд лиц (участников контрактной системы) не попадал в круг субъектов преступлений, составы которых раскрывались в особенной части УК РФ [7]. То есть, законодатель целенаправленно вводил новые нормы для возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся должностными лицами. При этом, как показала судебная практика, указанное нововведение пока себя не оправдало.

Настоящая проблема беспокоит и адвокатское сообщество. На очередном вебинаре, проводимом Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, заведующая кафедрами уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН Л. Букалорова, разъясняя особенности исследуемых новелл уголовного законодательства, отметила, что при формулировке составов анализируемых преступлений законодатель пошел по пути объединения положений статей 201, 204, 285, 290, 291 УК РФ, исключив при этом принадлежность субъекта к должностным лицам. По мнению Л. Букалоровой, это свидетельствует о том, что теоретически к ответственности может быть привлечен чрезвычайно широкий круг лиц. При этом лектор обратила внимание на положения профильного федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44), а именно на содержание статей 38, 39, согласно которым руководитель контрактной службы обладает признаками должностного лица, а контрактный управляющий прямо указан в качестве такового [8].

Таким образом, подобные сложности в определении субъекта преступления, предусмотренного статьей 200.4 УК РФ, могут сказаться на правоприменительной практике.

Однако неопределенность субъектного состава не единственная проблема действующей редак-

ции статьи 200.4 УК РФ. Как справедливо отмечают ряд авторов (Катанов А.В., Румянцева Р.Д. [9], Магрицкая Н.Ф. [10]), правовая категория «злоупотребление», вынесенная в название статьи, имеет иной правовой смысл по сравнению с правовой категорией «нарушение законодательства», которой описывается деяние в уголовно-правовой норме. То есть под злоупотреблением в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд законодатель понимает нарушение законодательства о контрактной системе.

При этом категория злоупотребления в понимании ранее названного постановления Пленума подразумевает под собой использование законных полномочий вопреки интересам службы и/или с целью причинения вреда гражданам и организациям. Зачастую злоупотребление основывается на использовании предоставленных законом прав с противоправной целью и формируется посредством ряда формально допустимых с точки зрения закона действий. Сам факт злоупотребления может быть установлен иногда только с наступлением общественно-опасных последствий или после производства специальных действий, например, анализа экономической эффективности и обоснованности принятого решения.

Таким образом, лицо может не совершать формального нарушения законодательства о контрактной системе, однако в совокупности использование законных прав может быть направлено на ущемление или нарушение законных прав и интересов других лиц. В таком случае при прямом толковании статьи 200.4 УК РФ имеется коллизия, когда не образуется состава преступления, так как отсутствует преступное деяние, а именно – нарушение законодательства о контрактной системе.

Полагаем, что данный фактор также негативно влияет на возможность правоприменения статьи 200.4 УК РФ и вынуждает правоохранительные органы обращаться к иным составам при квалификации преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Анализируя неэффективность исследуемой уголовно-правовой нормы, нельзя не отметить, что ее введение в уголовное законодательства обуславливалось стремлением законодателя криминализировать противоправные деяния в специализированных отношениях, существующих внутри контрактной системы, например, при определении цены государственного или муниципального контракта, заключении или исполнении государственного или муниципального контракта. Однако, как показывает отчет Счетной палаты РФ, для решения существующих проблем в обозначенных отношениях контрактной системы недостаточно только криминализации противоправных деяний. Необходимо создание достаточной регулятивной базы, например, законов и подзаконных актов, которыми бы определялся общий порядок формирования начальных (максимальных) цен (НМЦ) контрактов и договоров, устанавливались отраслевые порядки (как это определено в сфере обращения лекар-

ственных препаратов, пассажирских перевозок, градостроительной деятельности), перечислялись информационные ресурсы, содержащие достоверные источники референтных цен. Как отмечает Счетная палата РФ, по результатам анализа наблюдается общее снижение заинтересованности поставщиков в участии в государственных и муниципальных закупках, 76% от общего числа закупок (в рамках закона № 44) приходится на контракты, заключенные по результатам торгов с единственным участником, и несостоявшиеся закупки [11]. Все это свидетельствует с одной стороны о низком уровне реальной конкуренции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, с другой – о непривлекательности контрактной системы для поставщиков.

По нашему мнению, при таких обстоятельствах наличие в уголовном законе неприменяемой на практике специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушения в контрактной системе, служит дополнительным отрицательным фактором, который не способствует повышению популярности контрактной системы у потенциальных поставщиков.

В связи с изложенным следует заключить, что нормам статьи 200.4 УК РФ требуется значительная доработка в рамках определения субъекта преступления и уточнения признаков объективной стороны. Более того, с учетом того, что анализируемая статья не отвечает заявленным целям ее введения и не находит своего отражения в правоприменительной практике, а также при наличии действенных административно- и гражданско-правовых механизмов борьбы с нарушениями в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, логичной видится перспектива постановки вопроса о возможности декриминализации деяния, обозначенного в статье 200.4 УК РФ.

Литература

1. Федеральный закон от 23.04.2018 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета – № 88–25.04.2018;
2. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Агентство правовой информации // Сайт «Статистика агентства правовой информации» [Электронный ресурс] URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (Дата обращения: 15.12.2020);
3. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 года (по данным ЕИС, представленным Федеральным казначейством, а также инфор-

мации, представленной Федеральной антимонопольной службой). Интернет-портал (форум) «Госконтракт» // Сайт [Электронный ресурс] URL: <https://goskontract.ru/fls/4428/svodnyy-analiticheskiy-otchet-2019.pdf> (Дата обращения: 15.12.2020) – С. 41.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета – 2020 – № 138;
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета – 2020 – № 207;
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ – 17.06.1996 – № 25 – ст. 295;
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/576201F91A86D1BD4325824E003C18BC/%24FILE/410960-7_12032018_410960-7.PDF? OpenElement (Дата обращения: 15.12.2020)
8. Адвокатам рассказали о теоретических и правоприменительных проблемах ст. 200.4 и 200.5 УК // Официальный сайт органа Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Адвокатская газета» [Электронный ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-o-teoreticheskikh-i-pravoprimeritelnykh-problemax-st-200-4-i-200-5-uk/> (Дата обращения: 15.12.2020)
9. Катанов Александр Владимирович, Румянцева Резеда Рамилевна. Актуальные вопросы применения и расследования преступлений, предусмотренных статьей 200. 4 уголовного кодекса РФ // Государственная служба и кадры – 2019 – № 4 – С.153
10. А. В. Магрицкая. Проблемные вопросы правоприменения статьи 200. 4 уголовного кодекса Российской федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2020 – № 2–2 – С. 148
11. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год». А.А. Каульбарс // Счетная палата Российской Федерации // Сервер органов государственной власти России [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (Дата обращения: 15.12.2020)

THE PROBLEM OF INEFFECTIVENESS OF ARTICLE 200.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN ELEMENT OF PROTECTION OF RELATIONS IN THE FIELD OF PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Bekrenev L.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The author analyzes the reasons for the lack of application of the norms of Article 200.4. Of the Criminal Code of the Russian Federation “Abuse in the procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs” in law enforcement practice. The author comes to the conclusion that the current version of the norm does not meet the officially declared goals of its introduction, has serious defects in legal technique and needs improvement.

The author draws attention to the problem of determining the subject matter of crimes in the field of procurement for state and municipal needs, and also analyzes the content of the criminal act specified in the norm of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The article provides official data from the annual reports of the state authorities of the Russian Federation, as well as statistics published on the website of the media and compiled on the basis of information provided by state authorities.

Keywords: criminal law, criminal liability, procurement of goods, works, services for state and municipal needs, state contract, official, official position, abuse of power, criminalization, decriminalization.

References

1. Federal Law of 23.04.2018 No. 99-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta – No. 88–25.04.2018;
2. Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Information Agency // Website “Statistics of the Legal Information Agency” [Electronic resource] URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (Date of access: 15.12.2020);
3. Consolidated analytical report on the results of monitoring procurements, goods, services to meet state and municipal needs in accordance with Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs “at the end of 2019 (according to the EIS data provided by the Federal Treasury, as well as information provided by the Federal Antimonopoly Service). Internet portal (forum) “Goskontract” // Website [Electronic resource] URL: <https://goskontract.ru/fls/4428/svodnyy-analiticheskiy-otchet-2019.pdf> (Date of access: 15.12.2020) – P. 41
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 11, 2020 No. 7 “On Amending Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases” // Rossiyskaya Gazeta – 2020 – No. 138;
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 No. 19 “On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office” // Rossiyskaya Gazeta – 2020 – No. 207;
6. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation – 17.06.1996 – No. 25 – Art. 295;
7. Explanatory note to the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Automated system of legislative support. [Electronic resource] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/576201F91A86D1BD4325824E003C18BC/%24FILE/410960-7_12032018_410960-7.PDF? OpenElement (Date of access: 15.12.2020)
8. The lawyers were told about the theoretical and law enforcement problems of Art. 200.4 and 200.5 of the Criminal Code // Official website of the body of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation “Advokatskaya Gazeta” [Electronic resource] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam->

rasskazali-o-teoreticheskikh-i-pravoprimeritelnykh-problem-st-200-4-i-200-5-uk / (Date of treatment: 15.12.2020)

9. Katanov Alexander Vladimirovich, Rummyantseva Reseda Rami-levna. Topical issues of the application and investigation of crimes provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Civil Service and Personnel – 2019 – No. 4 – C.153
10. A. V. Magritskaya. Problematic issues of law enforcement of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences – 2020 – No. 2–2 – P. 148
11. Report on the results of the expert and analytical event “Monitoring the development of the system of public and corporate procurement in the Russian Federation in 2019”. A.A. Kaulbars // Accounts Chamber of the Russian Federation // Server of state authorities of Russia [Electronic resource] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (Date of access: 15.12.2020).

Криминогенные проявления депривации

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и административного права Мурманского государственного арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В данной статье проводится анализ процесса формирования криминогенных свойств личности, развивающихся вследствие депривации, с позиции теории Samuel A. Stouffer. Констатируется взаимосвязь между субъективной и объективной депривацией в подростковом возрасте и совершением уголовных преступлений во взрослом возрасте. Проведенное исследование позволило определить объективную основу более частого привлечения к уголовной ответственности – низкий социально-экономический статус личности. Одной из ведущих детерминант преступного поведения выступает субъективная и объективная депривация. Авторы отмечают, что субъективная депривация чаще наблюдается в менее привилегированных слоях населения. Наличие объективной депривации теснее связано с преступностью, чем опыт только субъективной депривации. Сочетание субъективной и объективной депривации связано с более высоким риском совершения правонарушения для всех людей, независимо от класса. Полученные результаты позволяют оптимизировать способы предупреждения преступности, определять контингент склонных к совершению преступлений лиц, помогают в выявлении правонарушителей и усовершенствовании стратегии социальной работы в целом.

Ключевые слова: преступность, объективная депривация, субъективная депривация, криминогенные явления, детерминанты преступного поведения, личность преступника, личностные деформации, предупреждение преступности.

Мы отмечаем, что в последнее время криминология стала обращать более пристальное внимание на изучение возможных перспектив проявления преступного поведения. Такие маркеры чаще всего стараются найти на индивидуальном уровне [1, с. 1091–1129]. Исследователи отмечают, что часть молодежи, которая не строит больших планов на будущее, чаще сообщает о совершении различных деликтов. Собственно, сами правонарушители связь между провозглашенными будущими перспективами и правонарушением объяснить не могут, т.к. не осознают влияние «сейчас» на «потом» [2]. Отсюда и отсутствие страха, связанного с опытом заблокированных жизненных возможностей отрицательным поведением. Указанные механизмы хорошо известны из существующей совокупности криминологических теорий.

В то же время необходимо отметить существование методологической проблемы связи категорической уверенности в отсутствии положительной жизненной перспективы с уровнем преступности. Криминологи в этом отношении отмечали, что восприятие индивидуальной перспективы может быть изменено государством и обществом в худшую сторону. Поэтому необходимо различать то, как люди понимают свое будущее до начала преступной деятельности, и то, как они его понимают после реакции общества на проявленное делинквентное поведение.

Большинство исследований в этой области было проведено в рамках психосоциальных объяснительных моделей, в то время как роль структурных факторов в формировании будущих перспектив поведения в значительной степени игнорировалась. Базовый вклад в указанном направлении внес Robert King Merton, разработавший теорию напряжения [3]. Он акцентировал внимание на склонности людей из разных социальных слоев разделять одни и те же жизненные цели, но различиях способностей достигать этих целей. Весьма интересной в контексте заявленного исследования представляется теория относительной депривации, основной позицией которой выступает измерение субъективной оценки людьми своего экономического положения или другие аспекты социального сравнения. Основоположником этой криминологической теории по праву называют Samuel A. Stouffer [4, с. 7–24] несмотря на то, что ее базисные основы были разработаны в рамках социологической науки.

Дальнейшие криминологические исследования относительной депривации выявили, что люди оценивают себя по сравнению с другими и не всегда приходят к одним и тем же выводам в результате такого сравнения [5, с. 47–87; 6, с. 113–138].

По этой причине сторонники указанной теории считают относительную депривацию более важной при прогнозировании поведения людей по сравнению с более объективными показателями депривации, как бедность или неравенство.

Основываясь на указанных теориях, мы поставили цель – проанализировать важность будущих перспектив личности для риска быть осужденным за преступление. Гипотезой исследования явилось предположение о том, что анализ криминогенного конфликта между предполагаемыми и реальными целями должен быть сосредоточен как на субъективном восприятии индивидами своих будущих перспектив, так и на их объективных возможностях для достижения поставленных целей. Следовательно, можно сказать, что люди, находящиеся в ситуации неадекватной оценки жизненных перспектив (недооценка или переоценка), испытывают, соответственно, субъективную и объективную депривацию [7, с. 315–337].

Эмпирический материал исследования почерпнут из анкет студентов, обучающихся в вузах г. Мурманска, а также лиц, осужденных к лишению свободы и находящихся в пенитенциарных учреждениях УФСИН по Мурманской области. Мы обосновали предположение о наличии общественного консенсуса относительно ценности будущих целей – работы и материального благосостояния, которое разделяет большинство населения, независимо от условий их детства. Также провели анализ различий возможностей реального достижения этих целей в зависимости от условий детства. Несоответствие между целями и средствами, как принято в криминологической науке, мы обозначили термином «депривация». Субъективная депривация, соответственно, представляет собой менее оптимистичную ориентацию на будущее. Наши исследования показали, что существует четкая взаимосвязь между школьными результатами и шансами в будущей жизни, что подтверждают работы зарубежных криминологов [8, с. 107–123].

На следующем этапе мы определили, насколько в выборке будут представлены те, кто субъективно испытывает депривацию, т.е. те, кто проявляет менее оптимистичную самооценку будущих перспектив, и те, чьи средства достижения своих целей минимальны в результате объективных условий. Исследование проводилось по различным группам преступлений [9, с. 48–62]. Применение двумерных и многомерных (логистическая регрессия) методов позволило обнаружить то, что риск субъективной и объективной депривации распределяется в зависимости от социального происхождения. Риск испытать только субъективную депривацию более высок для лиц, упоминавших нахождение в детском доме, неполную семью, низкую профессиональную квалификацию родителей.

Риск быть осужденным в возрасте от 15 до 30 лет был значительно выше среди тех, кто испытал выраженный конфликт между целями и средствами в возрасте 12–13 лет, т.е. в пубер-

татном периоде. Уровень осуждений среди женщин был намного ниже. Однако тот факт, что было осуждено относительно небольшое число женщин означает, что их результаты менее однозначны, чем результаты мужчин, что абсолютно верно, когда внимание уделяется осуждению за определенные виды преступлений [10].

Учитывая, что конфликт между целями и средствами измерялся в молодом возрасте, необходимо отметить, что повышенный риск осуждения среди тех, кто испытал этот конфликт, отмечен именно в подростковом возрасте. Так, среди мужчин из группы малообеспеченных семей 15,7% были осуждены в возрасте 16–20 лет и 10,1% – после 20 лет. По данным Susanne Alm & Felipe Estrada, подобная пропорция наблюдается среди тех, кто испытал как субъективную, так и объективную депривацию – 38,2% для осуждения в молодости и 15,4% в зрелом возрасте [11, с. 1280–1293]. Такую же закономерность мы обнаружили и у женщин. Однако доля осужденных женщин, у которых первая судимость наступает в зрелом возрасте, больше.

Результаты, касающиеся осуждений за различные виды преступлений, показывают, что значение субъективной и объективной депривации не ограничивается конкретными типами преступлений, а выступает как общая закономерность [12, с. 212–224]. Среди мужчин частота приговоров, связанных с лишением свободы, оказалась значительно выше в группах, испытавших субъективную или объективную депривацию.

Изучено влияние социального фона и будущих перспектив при условии одновременного включения в анализ. Можно отметить, что все корреляции остаются значимыми, что означает – все исследованные факторы имеют независимое влияние на риск будущего осуждения за совершение преступления. Таким образом, каждая из исследованных групп подвергается большему риску осуждения, чем контрольная группа, но чем менее привилегированное положение группы, тем выше уровень вероятности совершения преступления.

Анализ экономического фактора дал информацию относительно того, что получатели социальной помощи, как представители группы наименее обеспеченных лиц, подвергаются значительно большему риску быть осужденными за преступление [13]. Отмечена закономерность более тесной связи объективной депривации с будущими преступлениями, чем субъективное восприятие людьми негативных перспектив на будущее. В свою очередь, испытывающие субъективную депривацию подвергаются значительно большему риску быть осужденными за преступление, если не имеют возможности заявить о своем высоком социальном происхождении. Наиболее высокий уровень избыточного риска наблюдается у тех, кто испытал как субъективную, так и объективную депривацию.

Интересно то, что конфликт между целями и предполагаемыми средствами создает значительный дополнительный риск преступности в бу-

дущем среди тех, кто принадлежит к низшему социальному классу (семьи рабочих). Среди тех, кто имеет низкую успеваемость и считает свои перспективы худшими, чем у других, социальный класс не имеет значения для риска быть осужденным за преступление. А если человек испытывает как субъективную, так и объективную депривацию, взросление в более привилегированных условиях не обеспечивает безусловной защиты от вовлечения в преступление.

В результате, основные выводы работы мы можем сформулировать следующим образом:

- молодые люди, испытывающие конфликт между целями и средствами и выросшие в социально-экономически привилегированных семьях, не подвергаются более высокому риску быть осужденными за совершение преступления;
- субъективная депривация связана с преступностью преимущественно среди молодых людей из низшего класса. В этих группах риск быть осужденным был почти вдвое выше, чем среди тех, кто не испытывал ни субъективных, ни объективных лишений;
- мы не смогли достаточно точно определить, что именно защищает социально-экономически привилегированную молодежь, сообщившую о негативных перспективах на будущее, от чрезмерного риска совершения преступления;
- на статистическом уровне определено, что высокий уровень социально-экономических ресурсов может иметь смягчающий эффект;
- наличие объективной депривации теснее связано с преступностью, чем опыт только субъективной депривации, независимо от класса;
- только для тех молодых людей, у которых как субъективно, так и объективно плохие перспективы на будущее, классовая принадлежность не влияет на участие в преступной деятельности в будущем. Среди этих молодых людей уровень избыточного риска является значительным, независимо от класса.

Литература

1. Brezina, Timothy, Erdal Tekin, and Volkan Topalli. 2009. «'Might Not Be A Tomorrow': A Multimethods Approach to Anticipated Early Death and Youth Crime.» *Criminology* 47(4): 1091–1129. doi:10.1111/j.1745–9125.2009.00170.x. [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar]
2. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 640 с.
3. Merton, Robert K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe: Free Press. [Google Scholar]
4. Pettigrew, T. F. (2015). Samuel Stouffer and relative deprivation. *Social Psychology Quarterly*, Vol. 78(1), 7–24.
5. Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30, 47–87.

6. Agnew, R. (1995). The contribution of social psychological strain theory to the explanation of crime and delinquency. In Freda Adler and William S. Laufer (Eds.), *The legacy of anomie theory* (pp. 113–138). New Brunswick, NJ: Transaction.
7. Agnew, Robert and Diane H. Jones. 1988. «Adapting to Deprivation: An Examination of Inflated Educational Expectations.» *The Sociological Quarterly* 29(2):315–337. doi:10.1111/j.1533–8525.1988.tb01256.x. [Taylor & Francis Online], [Web of Science ®], [Google Scholar]
8. Bäckman, Olof and Anders Nilsson. 2011. «Pathways to Social Exclusion – A Life-Course Study.» *European Sociological Review* 27(1):107–123. doi:10.1093/esr/jcp064. [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar]
9. Труш В. М., Гомонов Н.Д. Методологические и психологические аспекты исследования криминогенности личности преступника: Монография – Мурманск: Рекламный центр «Тритон ДеЛюкс», 2016. С. 38–62.
10. Беличева С.А. Основы превентивной психологии – М.: Соц. здоровье России, 1993. – 198 с.
11. Alm, Susanne & Estrada, Felipe (2018) Future Prospects, Deprivation, and Criminality – A Longitudinal Birth Cohort Study. *Deviant behavior*, Vol. 39, no 10, p. 1280–1293.
12. Nikolai D. Gomonov; Vladimir M. Trush. Determination of criminogenic contamination of the personality of convict from the perspective of Gunter Ammon's humanstructurology conception // *Genero & Direito. Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito* Centro de Ciências Jurídicas -Universidade Federal da Paraíba V. 09-Nº 03-Ano 2020–Special Edition ISSN | 2179–7137 | p. 212–224.
13. Ковалев В.В. Социально-психиатрический аспект проблемы девиантного поведения у детей и подростков / В.В. Ковалев. – М.: Высш. шк., 1981. – 185 с.

CRIMINOGENIC MANIFESTATIONS OF DEPRIVATION

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.

Murmansk State Arctic University; Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

This article analyzes the process of formation of criminogenic personality traits developing as a result of deprivation from the standpoint of Samuel A. Stouffer's theory. The relationship between subjective and objective deprivation in adolescence and the commission of criminal offenses in adulthood has been established. The study made it possible to determine the objective basis for more frequent criminal prosecution – the low socio-economic status of the individual. One of the leading determinants of criminal behavior is subjective and objective deprivation. The authors note that subjective deprivation is more often observed in less privileged segments of the population. The presence of objective deprivation is more closely related to crime than the experience of only subjective deprivation. The combination of subjective and objective deprivation is associated with a higher risk of committing an offense for all people, regardless of class. The results obtained make it possible to optimize the methods of preventing crime, to determine the contingent of persons prone to committing crimes, help in identifying offenders and improving the strategy of social work in general.

Keywords: criminality, objective deprivation, subjective deprivation, criminogenic phenomena, determinants of criminal behavior, the identity of the offender, personal deformations, crime prevention.

References

1. Brezina, Timothy, Erdal Tekin, and Volkan Topalli. 2009. "Might Not Be A Tomorrow": A Multimethods Approach to Anticipated Early Death and Youth Crime. *Criminology* 47 (4): 1091–1129. doi: 10.1111 / j.1745–9125.2009.00170.x. [Crossref], [Web of Science @], [Google Scholar]
2. Mukhina V.S. Phenomenology of development and being of personality – M.: Mosk. psychol.-social. in-t; Voronezh: MODEK, 1999. – 640 p.
3. Merton, Robert K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe: Free Press. [Google Scholar]
4. Pettigrew, T. F. (2015). Samuel Stouffer and relative deprivation. *Social Psychology Quarterly*, Vol. 78 (1), 7–24.
5. Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30, 47–87.
6. Agnew, R. (1995). The contribution of social psychological strain theory to the explanation of crime and delinquency. In Freda Adler and William S. Laufer (Eds.), *The legacy of anomie theory* (pp. 113–138). New Brunswick, NJ: Transaction.
7. Agnew, Robert and Diane H. Jones. 1988. "Adapting to Deprivation: An Examination of Inflated Educational Expectations." *The Sociological Quarterly* 29 (2): 315–337. doi: 10.1111 / j.1533–8525.1988.tb01256.x. [Taylor & Francis Online], [Web of Science @], [Google Scholar]
8. Bäckman, Olof and Anders Nilsson. 2011. "Pathways to Social Exclusion – A Life-Course Study." *European Sociological Review* 27 (1): 107–123. doi: 10.1093 / esr / jcp064. [Crossref], [Web of Science @], [Google Scholar]
9. Trush V.M., Gomonov N.D. Methodological and psychological aspects of the study of the criminality of a criminal's personality: Monograph – Murmansk: Advertising center "Triton DeLuxe", 2016. pp. 38–62.
10. Belicheva S.A. Basics of preventive psychology – M.: Soc. health of Russia, 1993. – 198 p.
11. Alm, Susanne & Estrada, Felipe (2018) Future Prospects, Deprivation, and Criminality – A Longitudinal Birth Cohort Study. *Deviant behavior*, Vol. 39, no.10, p. 1280–1293.
12. Nikolai D. Gomonov; Vladimir M. Trush. Determination of criminogenic contamination of the personality of convict from the perspective of Gunter Ammon's humanstructurology conception // *Genero & Direito. Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito* Centro de Ciências Jurídicas -Universidade Federal da ParaíbaV. 09-Nº 03-Ano 2020 – Special Edition ISSN | 2179–7137 | p. 212–224.
13. Kovalev V.V. Social and psychiatric aspect of the problem of deviant behavior in children and adolescents / V.V. Kovalev. – M.: Higher. shk., 1981. – 185 p.

Принцип равенства осужденных перед законом в международных правовых актах, закрепляющих стандарты обращения с заключенными

Ковалев Николай Сергеевич,

преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», майор внутренней службы
E-mail: dddes2017@mail.ru

Объектом представленного в статье исследования выступает закрепление принцип равенства осужденных перед законом, закрепленный в специальных международных правовых актах, по вопросам предупреждения преступности и обращения с заключенными. Предметом выступают нормы специальных международных документов, в которых, исследуемый, принцип нашел отражение. Проведен анализ содержания положений о равенстве заключенных перед законом в специальных международных правовых актах, на основе которого автором сделаны выводы, которые раскрывают значение данного принципа для пенитенциарных систем государств мира. В виду различных интерпретаций рассматриваемого принципа в специальных международных документах по вопросам предупреждения преступности и обращения с заключенными, автором выделяются ключевые признаки, которые должны быть отражены в принципе равенства осужденных перед законом.

Ключевые слова: принцип равенства; осужденный; обращение с заключенными; Международные стандарты; Правила Манделы; Европейская конвенция.

В науке уголовно-исполнительного права не прослеживается единое мнение о том, что следует понимать под принципом равенства осужденных перед законом (далее – принцип равенства). На современном этапе развития науки уголовно-исполнительного права сложно проследить единство во мнениях ученых по вопросу об определении понятия принципа равенства. Различия мнений о существенных признаках понятия, при котором некоторые из них вообще могут не учитываться, не сформированное единство во взглядах на место данного принципа в системе принципов уголовно-исполнительного законодательства, все это свидетельствует о необходимости обращения к истокам формирования данного принципа.

Некоторые ученые считают, что уголовно-исполнительный принцип равенства перед законом **является общеправовым принципом**, основан на положениях Всеобщей Декларации прав человека и отражает провозглашенные основным законом России положения о равенстве перед законом [1, с. 20; 4, с. 22; 11, с. 22; 13, с. 72].

Как утверждал профессор В.Д. Иванов, принцип равенства основывается на конституционных положениях, при которых, все равны перед законом и судом. Государство, по его мнению, гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от признаков, по которым можно провести дискриминацию. Автор уточняет, что данный принцип конкретизируется в УИК РФ, и подразумевает, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ, с изъятиями и ограничениями установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством [12, с. 12].

Следует согласиться с тем, что источником, принципа равенства, закрепленного в статье 8 УИК РФ, является, как Конституция РФ, так и международные правовые акты. Однако, исследование данного принципа в международном законодательстве учеными в область самостоятельного исследования не включалось. В целях более подробного исследования содержания принципа равенства в международных документах, в виду большого их количества, необходима их юридическая классификация.

Вопросами классификации международных правовых актов занимались многие известные ученые, в частности В.А. Уткин, П.Г. Пономарев, Е.А. Сизая, П.Е. Конегер и другие [8; 9; 10; 14]. Международные правовые акты учеными условно подразделяются на: *универсальные* (адресованы

ко всем гражданам) и *специальные* (закрепляющие стандарты обращения с заключенными).

Исследование принципа равенства в международном законодательстве целесообразно рассматривать в международных стандартах специального значения, непосредственно содержащие стандарты обращения с заключенными к наказаниям, связанным с лишением свободы и альтернативным лишению свободы видам наказаний. При этом, рассмотрение международных стандартов в качестве общемирового и регионального уровня, ввиду большого количества последних, представляется ограничить международными документами Совета Европы.

Одним из первых международных правовых актов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в области защиты прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, были Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (далее – Правила). Идея создания подобного международного документа была предложена еще в период деятельности Международной уголовной и пенитенциарной комиссии в 1926 году. Процесс подготовки Правил затянулся и был одобрен лишь в 1934 Лигой Наций, а принят только в 1955 году Генеральной Ассамблеей ООН. Данный международный правовой акт представлял собой один из наиболее развернутых документов международного характера по обращению с лицами, находящимися в изоляции. Правила состояли из 95 статей и структурно делились на два раздела.

Равенство перед законом, закреплено в ч. 1 ст. 2 Правил и являлось основным принципом. Сущность его заключалась в том, что все положения Правил следует применять беспристрастно, недопустима дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Несмотря на признанный во всем мире авторитет данного международного документа в области пенитенциарной деятельности, на протяжении более чем полувека, принимались попытки к более современной его трактовке. В 2015 году были внесены изменения в Правила, значимость которых, свидетельствует о фактически полном пересмотре текста Правил [5, с. 157].

Несмотря на увеличение и изменение приоритетного международного документа в отношении заключенных, сущность и содержание принципа равенства осталась неизменной. По-прежнему его действие распространяется на всех заключенных, в отношении которых судом назначено наказание в виде лишения свободы. Содержание данного принципа заключается в том, что недопустима дискриминация заключенных, по каким бы то ни было признакам. Данный аспект имеет большое значение и влияние в контексте разработки законов, политики и практики, связанных с работой пенитенциарных учреждений различных государств.

Закрепленный в Правилах принцип беспристрастности и недопущения дискриминации, в какой бы то ни было форме, был положен в основу ряда других международных документов специального значения, закрепляющих стандарты обращения с различными категориями заключенных. В частности:

Пекинские правила 1985 г. (правило 2.1). Правило содержит положение о беспристрастности правосудия в отношении несовершеннолетних преступниках, без каких бы то ни было различий в отношении, например, расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения;

Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г. (ст. 4). Содержание данной нормы заключается в том, что положения данных правил должны применяться беспристрастно, без какой бы то ни было дискриминации;

Токийские правила 1990 г. (правило 2.2). Сущность его заключается в том, недопущении дискриминации заключенных по признаку расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного статуса.

Бангкокские правила 2010 г. (Правило 1). В нем провозглашается, что при применении Правил учитываются особые потребности женщин-заключенных. Учет таких потребностей в целях обеспечения реального равенства мужчин и женщин не считается дискриминацией.

Принципы общепризнанных международных стандартов легли в основу разработки и принятия международных документов, закрепляющих основные принципы обращения с заключенными.

Первым из них был «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению, в какой бы то ни было форме» 1988 г. (далее – Свод принципов). В нем не просто закреплена норма (принцип 5), предписывающая недопущение дискриминации, а делается акцент на том, что в применяемых к заключенным, на основании закона, мерах должны быть учтены возраст, состояние здоровья, наличие беременности или малолетних детей. Принятие таких мер не считается дискриминацией остальных осужденных.

Стремление мирового сообщества к гуманизации уголовного правосудия и защите прав человека, сопряженное с различного рода препятствиями, которые мешают полному осуществлению указанных выше международных правовых актов, привело к необходимости закрепления ясной формулировки основных принципов обращения с заключенными. Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН, были приняты «Основные принципы обращения с заключенными». Данный международный документ состоит из 11 положений, которые именуются принципами. Как отмечал

В.А. Уткин: «Этот лаконичный документ (всего 11 пунктов) опирается на основные положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, «...» все заключенные должны пользоваться правами человека и основными свободами» [5, с. 157].

Основным принципом обращения с заключенными (ст. 2) закреплено положение о том, что не допускается никакой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или по другому признаку. Следует также добавить, что изложенные в данном международном документе принципы должны применяться беспристрастно (ст. 11).

С середины 20 века на европейском континенте началась тенденция к разработке международных стандартов в области признания и защиты, основных прав и свобод человека. Стандарты региональных международных документов не противоречат стандартам международных документов, разработанных под эгидой ООН, а, напротив, имеют преемственность и согласованность. Их разработке и принятию способствовали унификация общих международных стандартов с учетом исторического наследия и схожести в традициях, культуре и уровне развития государств, входящих в Совет Европы [6, с. 42; 7, с. 29; 15, с. 201–202].

Одним из наиболее важных международных документов, принятых на региональном уровне Советом Европы, принято считать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1953 г. (далее – Европейская конвенция). Европейская конвенция признается совершенным и эффективным международным документом. В ней конкретизированы и дополнены, провозглашенные Всеобщей Декларации прав человека, основные права и свободы человека, установлены эффективные средства их правовой защиты [1, с. 56–57; 3, с. 22].

Принцип равенства не нашел закрепления в Европейской конвенции в той формулировке, в которой закреплен во Всеобщей декларации прав человека. Однако, это не значит, что его значение вовсе не было учтено государствами участниками при подписании Европейской конвенции. Следует полагать, что в интерпретированном виде он закреплен в Разделе I в ст. 14 «Запрещение дискриминации» и заключается в том, что каждому человеку должны быть обеспечены установленные Европейской конвенцией права и свободы, без каких-либо дискриминационных признаков. После полувекового действия Европейской Конвенции 4 ноября 2000 года в Риме был подписан Протоколе № 12, в котором в ст. 1 «Общее запрещение дискриминации», указывалось, что каждому человеку должны быть обеспечены любые права, установленные законом, также без каких-либо дискриминационных признаков. Провозглашенный Европейской конвенцией принцип о недопущении дискриминации, видимо, следует рассматривать в качестве тождественного принципу равенства.

Выступая в качестве неотъемлемого вектора на пути к демократизации и правовому началу каждого европейского государства вот уже более семидесяти лет, Европейская конвенция является гарантом прав и свобод человека и гражданина. Провозглашенный Европейской конвенцией принцип беспристрастности и недопущения дискриминации, в какой бы то ни было форме, был положен в основу ряда других региональных документов специального значения, закрепляющих стандарты обращения с различными категориями заключенных. Так, в ст. 13 Европейских пенитенциарных правил провозглашено, что данные правила применяются беспристрастно, без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религиозных, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного статуса, рождения или иного статуса.

Следует отметить, что во всех вышеуказанных международных документах, делается акцент на необходимости и значимости реализации стандартов и принципов в национальных правовых системах, а также в принятии эффективных мер для расширения регионального сотрудничества государств, в области борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Признанные всем мировым сообществом международные правовые акты специального характера по вопросам борьбы с преступностью и обращения с заключенными являются фундаментальной основой, для национального законодательства, по вопросам обращения с осужденными.

2. Представленный, в ст. 8 УИК РФ принцип равенства осужденных перед законом, находит свое отражение в специальных международных правовых актах, закрепляющих стандарты обращения с осужденными, как к лишению свободы, так и с осужденными к альтернативным наказаниям. Однако, в специальных международных правовых актах, данный принцип закреплен более детально, и, в несколько иной интерпретационной форме.

3. Ориентируюсь на положения специальных международных правовых актов, закрепляющих стандарты обращения с заключенными, в основе содержания принципа равенства осужденных перед законом должны быть предусмотрены следующие ключевые элементы:

- недопущение дифференциации правового положения по дискриминационным признакам (расы, национальности социального положения, религии и т.д.);
- предоставление дополнительных возможностей наиболее незащищенным категориям осужденных (дети, женщины, инвалиды и т.д.) не является дискриминацией остальных осужденных по этим признакам.

Литература

1. Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник. – 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2014. – 376 с.
2. Захарова Н.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод как основа современных демократических стандартов прав человека // В сборнике: 30 лет демократического транзита в России: опыт, проблемы, перспективы. Материалы всероссийской научной конференции. Ответственный редактор С.А. Величко. – 2015. – С. 55–60.
3. Зинченко Е.Ю., Зинченко О.В. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права, – 2017. – 3. – С. 22–26.
4. Кашуба Ю.А., Хижняк В.И. Принципы уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание, 2003. – 2. – С. 20–28.
5. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Ю.М. Антонян, С.Л. Бабаян, С.В. Бошно и др.; под общ. Ред. Г.А. Корниенко; под науч. Ред. А.В. Быкова; Научно-исслед. институт Федеральной службы исполнения наказаний; Моск. Гос. Юрид. университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Криминолог. Библиотека; журнал «Российский криминологический взгляд». – М.: ФКУ НИИ ФСИН России; Криминологическая библиотека, 2017. – 512 с.
6. Назаров С.В. Международные стандарты и российское законодательство о правовом положении осужденных: учебное пособие / С.В. Назаров. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 172 с.
7. Перрон Ю.В. Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний: учебное пособие / Ю.В. Перрон; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018. – 246 с.
8. Пономарев П.Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. – Рязань: Изд-во РВШ МВД РФ 1994. – 59 с.
9. Сизая Е.А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики: монография // под ред. Малкова, В.П. и Кириллова, М.А. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2008–384 с.
10. Уголовно-исполнительное право России. Учебник / под ред. Конегера П.Е., Рыбака М.С. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. – 624 с.
11. Уголовно-исполнительное право. Учебник / под ред. проф. И.В. Шмарова. – М.: Издательство БЕК, 1996. – 418 с.

12. Уголовно-исполнительное право. Учебник / под ред. д.ю.н., проф., академика АГН В.Д. Иванова – М.: Издательство ПРИОР, 2000. – 192 с.
13. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.С. Михлин. – М.: Высшее образование, 2008. – 431 с.
14. Уткин В.А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – 88 с.
15. Чикин Д.В. Характеристика Европейских пенитенциарных правил: структура и содержание // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты», 2013. – 3. – С. 198–205.

THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CONVICTS BEFORE THE LAW IN THE INTERNATIONAL LEGAL ACTS OF THE UNITED NATIONS, WHICH ESTABLISH STANDARDS FOR THE TREATMENT OF PRISONERS

Kovalev N.S.

Kuzbass Institute of the Federal penitentiary service of Russia

The object of the research presented in the article is the consolidation of the principle of equality of convicts before the law, enshrined in special international legal acts, on the prevention of crime and the treatment of prisoners. The subject is the norms of special international documents, in which the principle under study is reflected. The author analyzes the content of the provisions on the equality of prisoners before the law in special international legal acts, on the basis of which the author draws conclusions that reveal the significance of this principle for the penitentiary systems of the world's States. In view of the different interpretations of the principle under consideration in special international documents on the prevention of crime and the treatment of prisoners, the author highlights the key features that should be reflected in the principle of equality of convicts before the law.

Keywords: principle of equality; convicted person; treatment of prisoners; International standards; Mandela Rules; European Convention.

References

1. Brilliantov A.V., Kurganov S.I. Criminal and Executive law of the Russian Federation: textbook. – 2nd ed. / ed. – Moscow: Prospect, 2014. – 376 p.
2. Zakharova N.A. European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms as the basis of modern democratic standards of human rights // In the collection: 30 years of democratic transit in Russia: experience, problems, prospects. Materials of the all-Russian scientific conference. Responsible editor S.A. Velichko. – 2015. – P. 55–60.
3. Zinchenko E. Yu., Zinchenko O.V. European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms: constitutional and legal mechanism of implementation in the Russian Federation // International journal of constitutional and state law, – 2017. – 3. – P. 22–26.
4. Kashuba Yu.a., Khizhnyak V.I. Principles of criminal Executive policy in relation to minors // Man: crime and punishment, 2003. – 2. – P. 20–28.
5. Course of penal enforcement law. In 3 t. T. 1. General part: textbook / Yu.M. Antonyan, S.L. Babayan, S.V. Boshno, etc.; under total Ed. G.A. Kornienko; under scientific. Ed. A.V. Bykov; Nauchno-issled. Institute of the Federal penitentiary service; Moscow State University. The faculty of law. University. After O.E. Kutafin (MSAL); the Criminologist. Library; journal "Russian criminological view". – Moscow: fku research Institute of the Federal penitentiary service of Russia; Criminological library, 2017. – 512 p.

6. Nazarov S.V. International standards and Russian legislation on the legal status of convicts: a textbook / S.V. Nazarov. – St. Petersburg: ANO VO “SYUA”, 2019. – 172 p.
7. Perron Yu.V. International standards of treatment of prisoners in the execution of criminal punishments: a textbook / Yu.V. Perron; Feder. security service. punishments, Vologda. Institute of law and Economics. – Vologda: VIPE of the Federal penitentiary service of Russia, 2018. – 246 p.
8. Ponomarev P.G. International legal standards for the treatment of prisoners and national options for their implementation. – Ryazan: Publishing house of the Ministry of internal Affairs of the Russian FEDERATION 1994. – 59 p.
9. Sizaya E.A. Principles of criminal Executive law: questions of theory and practice: monograph // ed. Malkov, V. P., and Kirillova, M. A. – Cheboksary: CHKI OWNER, 2008. – 384 p
10. Criminal Executive law of Russia. Textbook / ed. Conigera P.E., Rybak M.S. – Saratov: AI PI er Media, 2010. – 624 p.
11. Criminal Executive law. Textbook / edited by prof. I.V. Shmarov. – M.: Bek publishing House, 1996. – 418 p.
12. Criminal Executive law. Textbook / edited by doctor of law, Professor, academician of the AGN V.D. Ivanov-M.: prior publishing House, 2000. – 192 p.
13. Criminal Executive law: textbook for universities – 2nd ed., reprint. Moscow: Higher education, 2008. – 431 p.
14. Utkin V.A. International standards of treatment of convicts and problems of their implementation. – Tomsk: publishing house of NTL, 1998. – 88 p.
15. Chikin D.V. Characteristics of European penitentiary rules: structure and content // Vsetnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'noi laboratorii “Vzaimodeystvie penitentiary system with civil society institutions: istoriko-pravovye I teoretiko-Metodologicheskie aspekty”, 2013. – 3. – P. 198–205.

Криминологические особенности преступлений против общественной нравственности

Лапко Георгий Константинович,

к.м.н., доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ
E-mail: detail2010@yandex.ru

Рассмотрены понятие, криминологические особенности и меры профилактики преступлений против общественной нравственности. Общественной нравственностью, как объектом уголовно-правовой охраны, является совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества и поддерживающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования. Преступления против общественной нравственности является составной частью общей преступности, поэтому она обладает, как свойствами всей преступности, так и своими особенностями, присущими только ей качествами.

Преступления против общественной нравственности характеризуются высочайшей общественной опасностью и латентностью, обусловленными характером совершаемых преступлений; серьезной деформацией личности преступника; особенностями личности женщин, вовлекаемых в совершение преступлений. Сделан вывод о том, что всё это необходимо учитывать при планировании и проведении профилактической деятельности по предупреждению преступлений против общественной нравственности.

Ключевые слова: причины, условия, латентность, преступность, общественная нравственность, профилактика.

Преступлениями против общественной нравственности являются общественно опасные противоправные деяния, посягающие на общественную нравственность, и наносящие существенный вред, как отдельному человеку, так и многим людям, а также нравственным устоям общества [1, с. 136].

Предваряя рассмотрение преступности, направленной против общественной нравственности, необходимо определить содержание дефиниции «общественная нравственность». По мнению В.М. Емельянова общественной нравственностью является принятая, имеющую место в определенных исторических условиях, на определенной территории сообществом людей совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм и правил поведения, представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе, несоблюдение которых, по общему мнению, недопустимо, т.к. влечет необратимые последствия для существования данного общества [2, с. 22]. Под общественной нравственностью как объектом уголовно-правовой охраны следует понимать совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и поддерживающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования.

Преступность в сфере общественной нравственности является составной частью общей преступности, поэтому, исходя из положения диалектики о соотношении общего к частному, она обладает, как свойствами всей преступности, так и своими особенностями, присущими только ей качествами. С.Т. Искатова выделяет следующие группы причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере общественной нравственности: экономические, социально-психологические, культурно-нравственные, правовые и политические [3, с. 172].

Одной из важнейших причин наиболее распространенного вида преступлений против общественной нравственности (вовлечение в занятие проституцией (ст. 270 УК РФ), организацию или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст. 271 УК РФ) и незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 273 УК РФ) является возможность вовлечения в противоправные занятия женщин. Что, в свою очередь, обусловлено неблагоприятным материальным положением части женского населения, а особенно несовершеннолетних. Так, С.А. Антонян отмечает, что в основном коммерческие услуги сексуального характера оказывают ли-

ца, которые испытывают неуверенность, тревогу, беспокойство по поводу своей социальной определённости и своего социального статуса в связи с невозможностью обеспечить себя материально, соответствовать определённым социальным ожиданиям, в том числе собственным [4, с. 14].

Рассматривая детерминанты преступлений против общественной нравственности, мы считаем необходимым дополнить их перечень техническими условиями, необходимыми для совершения преступлений. Так, совершенно очевидно, что выросшее в последнее десятилетие незаконное распространение порнографических материалов или предметов, ответственность за которое предусмотрена ст. 273 УК РФ, не было бы возможно в принципе без широкого распространения сети Интернет и возможности свободного доступа к ней, как лиц, виновных в совершении этого преступления, так и пользователей запрещенного контента.

Значительную долю в общей структуре преступлений против общественной нравственности составляют: вовлечение в занятие проституцией (ст. 270 УК РФ), организация или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст. 271 УК РФ), а также незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 273 УК РФ)

Статистические данные не показывают полной картины реальной преступности в этой сфере, поскольку значительная их часть остается латентной. Так, большое количество совершенных преступлений, связанных с проституцией, не выявляется, а выявленные – не раскрываются. Как показывает практика, по выявленным преступлениям весь круг виновных лиц к уголовной ответственности не привлекается, что приводит к еще большей латентности данной категории преступлений [5, с. 54].

Говоря о личности, совершающей преступления против общественной нравственности, следует согласиться с Э.В. Зауторовой, считающей, что для них характерна наивысшая степень моральной деформации. Их мотивационная и эмоционально-волевая сфера характеризуется эгоцентризмом, постоянным конфликтом, оправданием своих действий и поступков, ярко выраженной антисоциальной установкой.

Кроме личности преступника особо следует обратить внимание на личности детей, вовлекаемых в преступления против общественной нравственности. Практический интерес в этом плане представляет тот факт, что вопреки общему мнению, эти дети совершенно не обязательно воспитываются в неблагополучных семьях. Во многих случаях это, скорее наоборот, дети из материально-обеспеченных семей, имеющие в своем распоряжении современные гаджеты и неконтролируемый доступ к интернету.

Общепринято, что профилактику любой преступности следует проводить с обязательным учётом её причин и условий. Не составляют исключения и преступления против общественной

нравственности, в профилактике которых следует особо учитывать их групповые и индивидуальные особенности, а также личность преступника и лиц, вовлекаемых им в совершение преступления.

Общесоциальный уровень предупреждения преступлений против общественной нравственности важен с точки зрения формирования новых социальных отношений, структурирования новых концепций развития общества, повышения уровня сознания и культуры, развития межличностных отношений. В этой связи очень важно, чтобы в любые общенациональные программы и проекты закладывались нравственно-духовные принципы, что, в конечном счете, должно привести к формированию мотивации соблюдения всеми гражданами норм общественной морали. На общесоциальном уровне предупреждения преступлений против общественной нравственности предполагается разрешение крупных социальных, экономических и иных проблем жизнедеятельности общества, а также проведение воспитательной и идеологической стратегий в социуме.

Кроме указанного на этом уровне предупреждения преступлений против общественной нравственности, по нашему мнению, должны быть актуализированы проблемы воспитания молодёжи и коррекции её морально-нравственного воспитания. В этой связи следует согласиться со специалистами, указывающими, что достойная и отвечающая современным вызовам молодежная политика в данном направлении до настоящего времени не выстроена.

Следующий, уровень предупреждения преступности – специальное предупреждение, которое, как известно, представляет собой деятельность, специально направленную на устранение причин и условий совершения преступлений. Особенностью предупреждения преступлений против общественной нравственности на этом уровне, по нашему мнению, является то, что меры предупреждения преступлений являются чрезвычайно разнообразными и многоплановыми. Это связано с разнообразием составов, причин и условий совершения конкретных видов преступлений.

Поскольку большинство преступлений против общественной нравственности связано с проституцией и порнографией, представляется целесообразным рассмотреть особенности специального предупреждения на их примере. Так, учитывая рассмотренные выше психосоциальные особенности женщин, в деятельности направленной на специальное предупреждение преступлений против нравственности, обязательно должны учитываться особенности их социального и психологического статуса женщин, являющихся объектами профилактического воздействия.

Говоря о профилактике преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, необходимо выделить два аспекта. Первый – действенных мер по специальному предупреждению преступлений этой группы, к сожалению, до настоящего времени не выработано. В этой связи представляется

необходимым использование зарубежного опыта, заключающегося в подготовке специалистов, целенаправленно выявляющих группы и факторы риска и участвующих в предупреждении и пресечении таких преступлений. Второй – следует не только активизировать такую специальную деятельность по пресечению этого вида преступлений, как блокирование порно-сайтов, так и недопущение к ознакомлению с ними лиц несовершеннолетнего возраста.

Индивидуальный уровень профилактики преступлений против общественной нравственности так же имеет свои особенности, связанные, как правило, с личностью преступника, которая, как указывалось выше, характеризуется наивысшей степенью моральной деформации, что диктует необходимость особых подходов в организации и проведении с ними профилактической работы [6, с. 49].

Кроме того, в профилактической работе следует учитывать особенности личности детей, вовлекаемых в преступления против общественной нравственности. Наибольшую трудность в этом плане представляет факт того, что вопреки общему мнению, эти дети не обязательно воспитываются в неблагополучных семьях. Во многих случаях это, скорее наоборот, дети из материально-обеспеченных семей, имеющие в своем распоряжении современные гаджеты и неконтролируемый доступ к интернету. И это значительно затрудняет выявление потенциальных жертв педофилов и, соответственно предупреждение преступлений против общественной нравственности.

Подводя итог рассмотрению криминологических особенностей преступлений против общественной нравственности и мер их профилактики, следует отметить, что они обладают, как общими свойствами всей преступности, так и своими индивидуальными характеристиками. Важнейшими из которых являются: высочайшая общественная опасность и латентность, обусловленная характером совершаемых преступлений; серьёзная (а иногда и неисправимая) деформация личности преступника; особенностями личности (и особенно несовершеннолетних) женщин, вовлекаемых в совершение преступлений. Всё это необходимо учитывать при планировании и проведении профилактической деятельности по предупреждению преступлений против общественной нравственности.

Литература

1. Баглай Ю.В., Овразжко В.О. Проблема защиты несовершеннолетних, вовлечённых в преступления против общественной нравственности // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 13 (31). С 135–137
2. Емельянов В.М. Общественная нравственность как объект правонарушения: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2011.

3. Искатова С.Т. Предупреждение преступлений против общественной нравственности // В сборнике: Лучшая научная статья 2017. Сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. 2017. С. 170–177
4. Антонян С.А. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / С.А. Антонян – Вестник БашГУ. 2018. № 2. С. 12–15.
5. Асташина Т.В. К вопросу о противодействии преступлениям, посягающим на общественную нравственность // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 2 (42). С. 53–59
6. Заурова Э.В. Особенности коррекционной работы с осужденными за преступления против населения и общественной нравственности // В сборнике: Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе. Сборник научных трудов. Вологда, 2018. С. 48–52

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY

Lapko G.K.

Crimean Law Institute (branch), University Prosecutor of the Russian Federation

The concept, criminological features and measures of prevention of crimes against public morality are considered. Public morality, as an object of criminal law protection, is a set of public relations that regulate the safe living conditions of society and maintain a level of protection of society that is sufficient for its normal functioning. Crimes against public morality are an integral part of the general crime, so it has both the properties of all crime, and its own special, inherent only to it qualities.

Crimes against public morality are characterized by the highest public danger and latency, due to the nature of the crimes committed; serious deformation of the criminal's personality; features of the personality of women involved in the commission of crimes. It is concluded that all this should be taken into account when planning and conducting preventive activities to prevent crimes against public morality.

Keywords: causes, conditions, latency, crime, public morality, prevention.

References

1. Baglay Yu. V., Ovrazhko V.O. The problem of protection of minors involved in crimes against public morality // Scientific electronic journal Meridian. 2019. No. 13 (31). Pp.135–137.
2. Emelyanov V.M. Public morality as an object of offense: textbook. stipend. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.
3. Iskatova S.T. Prevention of crimes against public morality // In the collection: The best scientific article 2017. Collection of articles of the winners of the VI International Scientific and Practical Competition. 2017. Pp.170–177.
4. Antonyan, S.A. Violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the personality / by S.A. Antonyan – Bulletin of the Bashkir state University. 2018. No. 2. P. 12–15.
5. Astashina T.V. To the issue of combating crimes against public morality // Bulletin of all-Russian Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. 2019. No. 2 (42). Pp.53–59.
6. Zaurorova E.V. Features of correctional work with convicted persons for crimes against the population and public morality // In the collection: Current issues of the criminal executive system at the present stage. collection of scientific papers. Vologda, 2018. Pp.48–52.

Состояние и перспективы кадровой работы органов внутренних дел Республики Узбекистан

Окюлов Нуьмон Омонбоевич,

адъюнкт Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: urchicoy@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию текущего состояния и перспективам кадровой работы органов внутренних дел Республики Узбекистан, в связи с чем проанализированы нормативно-правовые документы, принятые в ходе реформ органов внутренних дел Республики Узбекистан, приведены последовательные этапы взаимосвязанных и определенных действий при отборе кандидатов на службу, раскрыта суть реформ в органах внутренних дел, в частности, касающейся подготовки, а также специальной профессиональной подготовки кадров в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, обозначены особенности несения службы, ротации, наставничество, правовая и социальная защита сотрудников органов внутренних дел. Также, автором выделены основные направления и современные тенденции развития системы управления кадрами в органах внутренних дел Республики Узбекистан и раскрыта деятельность по совершенствованию системы управления кадрами в целом.

Ключевые слова: Кадровая работа, реформы, кадровые подразделения, образовательные учреждения МВД, подготовка сотрудников, ротация, наставничество, комплектование, служба в ОВД, нормы права.

Реализация мероприятий, направленных на укрепление правопорядка и профилактики правонарушений в государстве, эффективная организация деятельности служб и подразделений органов внутренних дел и профилактики правонарушений, напрямую зависит от профессионализма сотрудников. Поэтому вопрос обеспечения их квалифицированными кадрами для достижения эффективности органов внутренних дел – один из самых актуальных вопросов, стоящих сегодня перед Министерством внутренних дел Республики Узбекистан. В связи с этим целесообразно уделить особое внимание отбору кандидатов на службу в органы внутренних дел Республики Узбекистан.

Из научной теории известно, что отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел состоит из совокупности взаимосвязанных и определенных действий, составляющих содержание следующих последовательных этапов:

- определение требований к профессиональным и личным качествам кандидатов;
- подбор наиболее подходящих кандидатов в органы внутренних дел с точки зрения требований к профессиональным и личным качествам кандидатов;
- изучение и оценка способностей и личных качеств конкретных кандидатов на службу в органы внутренних дел;
- сравнение (сопоставление) способностей и личных качеств конкретных кандидатов на службу в органы внутренних дел с требованиями к профессиональным и личностным качествам кандидатов [1, с. 27–28].

Анализ норм права позволяет следующим образом обозначить рассматриваемую нами проблему состояния и перспектив кадровой работы органов внутренних дел Республики Узбекистан. Согласно статье 31 Закона Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» от 16 сентября 2016 года, подготовка и переподготовка специалистов для системы осуществляется образовательными учреждениями Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, а также другими образовательными учреждениями [2]. Важную роль в обеспечении этого процесса сыграло Постановление Президента Республики Узбекистан от 16 августа 2017 года № ПП-3216 «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел» [3].

Постановление возложило на Академию МВД Республики Узбекистан задачи по качественной организации работы по подготовке, переподготов-

ке и повышению квалификации сотрудников органов внутренних дел и коренной модернизации системы подготовки кадров.

Как свидетельствует изучение практических аспектов состояния и перспектив кадровой работы органов внутренних дел Республики Узбекистан, данным учебным заведением организован новый порядок в системе подготовки офицеров. Теперь прием на очную форму обучения осуществляется посредством специального профессионального отбора и индивидуального собеседования, без тестирования. Срок подготовки офицеров с высшим образованием установлен на период в 3 года [4, с. 140].

В настоящее время введена форма заочного обучения для сотрудников органов внутренних дел, имеющих как минимум трехлетний стаж работы в органах внутренних дел, с четырехлетним периодом обучения для лиц без высшего образования и трехлетним для лиц с высшим образованием на платной основе. Высшее образование в Академии по одноэтапной системе обучения приравнено к магистратуре.

Сегодня Академия увеличила ежегодную квоту приема на дневную форму обучения до 600 человек, а для заочного обучения она была установлена в количестве 200 сотрудников органов внутренних дел. Теперь профессорско-преподавательский состав Академии может быть назначен за счет аттестованных должностей лицами, имеющими не менее десяти лет научного, педагогического или практического опыта работы в соответствующей области.

На базе высших курсов подготовки сержантского состава Академии был создан факультет профессиональной подготовки, основными направлениями деятельности которого определены – специальная профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации сержантов и офицеров органов внутренних дел.

В ходе реформ в системе подготовки были установлены такие правила, как:

- специальная профессиональная подготовка для назначения на офицерские должности лиц, окончивших гражданские вузы, осуществляется на факультете профессиональной подготовки Академии по утвержденной министром внутренних дел шестимесячной программе, по окончании которой присваивается специальное звание «лейтенант» и вручается диплом соответствующего образца;
  - подготовка лиц со средним специальным или высшим образованием для назначения на должности сержантского состава осуществляется на факультете профессиональной подготовки Академии по утвержденной Министром внутренних дел пятимесячной программе, по окончании которой выпускникам присваиваются специальное звание «младший сержант» и вручается диплом специального образца;
- Прием на факультет профессиональной подготовки Академии осуществляется на конкурсной

основе в квотах до 600 человек, установленной министром внутренних дел с учетом современных потребностей органов внутренних дел. Слушатели факультета обеспечиваются денежным довольствием, форменным обмундированием, вещевым имуществом и бесплатным питанием в установленном порядке.

В системе подготовки кадров с высшим образованием по 6 направлениям (следственная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, деятельность по профилактике правонарушений, криминалистическая деятельность, деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, психологическое обеспечение служебной деятельности) срок подготовки кадров в очной форме обучения составляет 3 года; в форме заочного обучения по 1 направлению (профилактика и раскрытие преступлений) срок подготовки составляет 3 года для сотрудников с высшим образованием, 4 года для сотрудников без высшего образования.

Налажена деятельность факультета руководящих кадров, где осуществляется подготовка по специальности «Управленческая деятельность в органах внутренних дел» с присвоением квалификации «менеджмент» и срок обучения по которой составляет 1 год.

На факультете профессиональной подготовки введена новая система подготовки кадров по специальностям «профилактическая деятельность», «дорожно-патрульная деятельность», «деятельность по миграции и оформления гражданства», «патрульно-постовая деятельность», «охранная деятельность», «деятельность по исполнению наказаний», «обеспечение административной деятельности» и срок обучения составляет соответственно – 5/6 месяцев.

В результате проводимых в МВД реформ, структура Академии была кардинально пересмотрена. Так, были созданы курсы по подготовке педагогических кадров, Центр иностранных языков и Центр научно-практических исследований.

Кроме обозначенных преобразований, были созданы 14 специализированных академических лицеев Министерства внутренних дел в Республике Каракалпакстан, городе Ташкенте и областях для подготовки обучающихся к успешному поступлению в высшие учебные заведения Министерства внутренних дел. Их основная задача – воспитать молодежь морально и физически подготовленными на уровне высоких патриотических и духовно-нравственных качеств, имеющими базовые профессиональные знания и навыки, необходимые для сотрудников органов внутренних дел. Также предусмотрено, что в будущем выпускники этих лицеев будут приниматься на дневную форму обучения в Академию МВД.

Одним из важнейших нововведений в научно-исследовательской деятельности стало открытие в Академии Ученых советов по присуждению ученых степеней для изучения проблем в области предупреждения правонарушений, следственной

деятельности и в области расследования преступлений.

Одним из важнейших направлений кадровой политики сегодня является эффективная организация службы сотрудников в органах внутренних дел, их социальная и правовая защита. В связи с этим было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию порядка работы с кадрами органов внутренних дел и организации их службы» № ПП-3413 от 29 ноября 2017 года [5].

На основании данного Постановления в настоящее время установлен следующий порядок:

- с гражданами, обучающимися в высших учебных заведениях Министерства внутренних дел Республики Узбекистан заключается договор о прохождении обязательной непрерывной службы в органах внутренних дел (а также если они по распределению будут направлены в другие государственные органы) в течение пяти лет после окончания обучения;
- руководящие должности в МВД Республики Узбекистан, МВД Республики Каракалпакстан, ГУВД города Ташкента и Ташкентской области, УВД областей, отраслевых служб, УВД районов (городов) комплектуются в приоритетном порядке выпускниками факультета подготовки руководящих кадров высших учебных заведений МВД Республики Узбекистан;
- ротация руководящего состава органов внутренних дел, как правило, будет осуществляться после трех лет службы на равнозначную должность;
- предельный возраст на службе составляет: для рядового и сержантского состава, а также для женщин (независимо от имеющегося специального звания) – пятьдесят лет, для офицерского состава – пятьдесят пять лет; шестьдесят лет для генеральского состава; срок службы, дающий право на получение пенсии, составляет двадцать календарных лет, из которых льготный период учитывается только при исчислении размера пенсий сотрудникам.
- наставники в органах внутренних дел подбираются из числа наиболее опытных сотрудников, имеющих не менее пяти лет опыта по специальности, высокие профессиональные качества, положительные показатели на службе и навыки воспитательной работы. За наставниками закрепляются: не более одного сотрудника офицерского состава, до трех сотрудников сержантского состава, до пяти – рядового состава. Им выплачивается ежемесячная надбавка в размере 20 процентов от должностного оклада

Ещё одним из важнейших направлений кадровой политики является система отбора и приема на службу в органы внутренних дел. В этой системе так же произошел ряд изменений, и теперь сотрудники органов внутренних дел комплектуются

- офицерский состав – гражданами Республики Узбекистан с высшим образованием, а по некоторым специальностям – выпускниками факультета профессиональной подготовки Академии МВД Республики Узбекистан;
- сержантский состав – гражданами Республики Узбекистан со средним, средне-специальным или высшим образованием, выпускниками факультета профессиональной подготовки Академии МВД Республики Узбекистан или Школы подготовки сержантов Министерства обороны Республики Узбекистан;
- рядовой состав – гражданами Республики Узбекистан со средним, средне-специальным или высшим образованием.

Назначение офицеров запаса Вооруженных Сил Республики Узбекистан на должности рядового и сержантского состава органов внутренних дел не допускается.

Согласно новым правилам, установлен режим прохождения службы в органах внутренних дел. В соответствии с ними, недельная продолжительность рабочего времени сотрудников не может превышать сорока часов, а при необходимости они могут быть привлечены к усиленной или суточной службе. Обычный режим работы предусматривает установление шестидневной рабочей недели, при которой дневное рабочее время не должно превышать семи часов, а при пятидневной рабочей неделе – восьми часов. Усиленный режим предусматривает продление службы не более четырех часов в сутки вне рабочего времени. Суточный режим предусматривает трехразовое питание и круглосуточное обслуживание с не менее, чем восьмичасовым отдыхом.

Анализируемым Постановлением утвержден Дисциплинарный устав органов внутренних дел. В Уставе предусмотрены меры стимулирования и дисциплинарные меры, введены специальные новые процедуры оценки деятельности сотрудников.

В целом можно сказать, что в результате реформ создается система государственного управления в сфере внутренних дел, способная выявлять и эффективно решать проблемы социально-политического и социально-экономического развития в соответствии с мировыми тенденциями.

Кроме этого, на их основе кардинально пересматривается система внутренних дел, например:

- принимаются меры по избавлению системы от бюрократии и повышению роли принятия управленческих решений в обеспечении эффективности и прозрачности деятельности в ОВД;
- система ОВД оптимизирована и децентрализована за счет устранения избыточных и неспецифических задач, функций и полномочий, исключения дублирования и параллелизма;
- внедряются эффективные формы общественного и парламентского контроля, в первую очередь направленные на предотвращение появления коррупции;

– внедряется система стратегического планирования, инновационных идей, разработок и технологий.

В целях создания эффективных механизмов обеспечения прав и свобод граждан, дальнейшего повышения их благосостояния и удовлетворенности работой органов внутренних дел, осуществляются следующие меры:

- совершенствуются основные административные процедуры, направленные на четкое регулирование правоотношений органов внутренних дел с физическими и юридическими лицами;
- упрощается и тем самым улучшается порядок обжалования решений и действий правоохранительных органов;
- с прогрессом системы «Электронного правительства» повышается эффективность оказания государственных услуг в системе внутренних дел;
- особое внимание уделяется изучению передового зарубежного опыта с целью совершенствования деятельности органов внутренних дел.

Определяющая роль в процессе качественного комплектования служб и подразделений органов внутренних дел принадлежит аппаратам по работе с личным составом. На них возлагается обязанность обеспечения в системе органов внутренних дел и реализацию требований кадровой политики государства в целях успешного выполнения задач по укреплению правопорядка и обеспечению охраны прав и законных интересов граждан от преступных посягательств и административных правонарушений [6, с. 94].

Кардинальные реформы в системе органов внутренних дел, в частности в сфере работы с кадрами, полностью реализовали идею о том, что «не народ должен служить государству, а государство должно служить народу», «справедливость – это верховенство закона» при выполнении задач, возложенных на каждого сотрудника органов внутренних дел предназначается для обеспечения высокого морального духа и высокого уровня профессиональной подготовки. Повышение качества кадрового потенциала признается одним из важнейших ресурсов интенсификации служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Ички ишлар органларининг кадрлар билан ишлаш фаолиятини такомиллаштириш – халқ манфаатларига хизмат қилишнинг муҳим кафолати: Ўқув қўлланма / генерал-лейтенант Б.А. Матлюбовнинг умумий таҳрири остида. – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИБ Академияси, 2018. 149 б.
2. Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» № ЗРУ-407 от 16 сентября 2016 года / Источник: URL: <https://www.lex.uz/docs/3027845> (дата обращения: 03.12.2020 г.)

3. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел» № ПП-3216 от 16 августа 2017 года / Источник: URL: <https://lex.uz/docs/3313213> (дата обращения: 03.12.2020 г.)
4. Лозовицкая Г.П., Окюлов Н.О. Основные направления и современные тенденции развития системы управления кадрами в органах внутренних дел Республики Узбекистан // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11 (179). – С. 140–142.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию порядка работы с кадрами органов внутренних дел и организации их службы» № ПП-3413 от 29 ноября 2017 года / Источник: URL: <https://www.lex.uz/docs/3430638> (дата обращения: 03.12.2020 г.)
6. Лозовицкая Г.П. Кадровое обеспечение в органах внутренних дел: учебное пособие / Г.П. Лозовицкая, Е.А. Сумина, Д.М. Аказеев; под общ. ред. Г.П. Лозовицкой. – М.: Академия управления МВД России 2020. – С. 94.

THE STATE AND PROSPECTS OF PERSONNEL WORK OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Okyulov N.O.

Academy of management of the Interior Ministry of Russia

The article is devoted to the complex research of the current state and prospects of personnel work of the internal Affairs bodies of the Republic of Uzbekistan in this connection the author analyses the normative-legal documents adopted in the course of reforms of the internal Affairs bodies of the Republic of Uzbekistan, are given successive stages are interrelated, and specific actions in the selection of candidates for service, the essence of reforms in the internal Affairs bodies, in particular concerning training as well as special training in educational establishments of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, the features of service, rotation, mentoring, legal and social protection of employees of internal Affairs bodies are outlined. Also, the author highlights the main directions and current trends in the development of the personnel management system in the internal Affairs bodies of the Republic of Uzbekistan and reveals the activities to improve the personnel management system as a whole.

Keyword: Human resources management, reforms, personnel departments, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs, training of employees, rotation, mentoring, recruitment, service in the police department, legal norms.

References

1. Improving the personnel work of internal Affairs bodies – an important guarantee of serving the interests of the people: a textbook / under the General editorship of Lieutenant General B. A. Matlyubov. – Tashkent. Academy of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, 2018. 149 p.
2. Law of the Republic of Uzbekistan “On internal Affairs bodies» No. ZRU-407 of September 16, 2016 / A source: URL: <https://www.lex.uz/docs/3027845> (date of request: 03.12.2020)
3. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan «About measures for radical improvement of the system of training, retraining and advanced training of employees of internal Affairs bodies» No. PP-3216 dated August 16, 2017 / A source: URL: <https://lex.uz/docs/3313213> (date of request: 03.12.2020)
4. Lozoviczkaya G.P., Okyulov N.O. The main directions and current trends in the development of the personnel management

system in the internal affairs bodies of the Republic of Uzbekistan // Agrarian and land law. – 2019. – № 11 (179). – pp. 140–142.

5. Decree of the President of the Republic Of Uzbekistan « On measures to radically improve the procedure for working with the personnel of internal Affairs bodies and the organization of their service» No. PP-3413 dated November 29, 2017 / A

source: URL: <https://www.lex.uz/docs/3430638> (date of request: 03.12.2020)

6. Lozoviczkaya G.P. Staffing of the internal Affairs agencies: textbook / G.P. Lozoviczkaya, E.A. Sumina, D.M. Akazeev; under the General editorship of G.P. Lozoviczkay – Moscow. Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2020. – 94 p.

Посягательства на отношения, связанные с использованием технологии блокчейн: проблемы определения социальной сущности и основного объекта преступления

Пономарев Вячеслав Геннадиевич,

старший преподаватель кафедры уголовного права, ФГАОУ
ВО «Волгоградский государственный университет»
E-mail: Ponomarev@volsu.ru

Исследование посвящено проблеме определения социальной сущности и основного объекта посягательств на отношения, в которых применяется технология блокчейн. Актуальность исследования обусловлена поступательным внедрением названной технологии во все сферы общественной жизни, с одной стороны, и отсутствием у нее абсолютной неуязвимости – с другой, что влечет за собой необходимость охраны таких отношений, в том числе, средствами уголовного права. Кроме того, рассмотрение названных проблем в будущем может способствовать решению вопросов пенализации соответствующих деяний, дифференциации ответственности за их совершение и т.д. С учетом содержания нормативных правовых актов и документов официальных органов власти, носящих информационный характер, определяются направления, в которых может быть задействована технология блокчейн, и определяются нормы уголовного права, способные выступать средствами охраны таких отношений. На основании анализа, в том числе, материалов судебной практики делается вывод о том, что основным объектом рассматриваемых преступлений должна быть не информационная безопасность, а те отношения, для обслуживания которых используется технология блокчейн (например, отношения в сфере экономической деятельности и т.д.).

Ключевые слова: блокчейн, социальная сущность преступления, основной объект преступления, дополнительный объект преступления, информационная безопасность, безопасность компьютерных данных.

Несмотря на то что наиболее известной и популярной формой реализации блокчейн являются криптовалюты, сама технология гораздо шире и может применяться в абсолютно разных сферах общественной жизни. Более того, в некоторых государствах она уже успешно внедрена и функционирует в таких областях как налогообложение (США), регистрация недвижимости (США) и бизнеса (Сингапур, США), голосование на выборах (Сингапур, США, Южная Корея), здравоохранение (Эстония) [2, с. 36].

Не является исключением в этом смысле и Российская Федерация, где данная технология уже используется при взаимодействии Росреестра и публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства», а в перспективе рассматривается ее реализация при создании Центробанком базы данных вкладчиков банков, регистрации трудовых договоров Пенсионным Фондом РФ и, возможно, в ходе политических процессов [7, с. 572–574]. То есть фактически блокчейн может применяться во всех сферах, где есть пошаговые правила поведения: внесение записей о переходе права собственности или обременениях на недвижимое имущество, акции или доли хозяйственных обществ, удостоверение документов и сделок, проведение финансовых операций, предоставление сведений из публичных реестров и так далее [5, с. 61].

В числе несомненных преимуществ повсеместного распространения данного технологического решения называется оперативность обмена данными, невозможность внесения изменений в сведения задним числом, повышение надежности функционирования системы или базы данных за счет децентрализации [10, с. 79], и, как следствие, уменьшение числа судебных споров об отношениях, требующих учета или регистрации (по делам о наследовании, патентных правах и т.п.), снижение расходов на посреднические операции, экономия бюджетных средств, повышение информационной безопасности [1, с. 111].

Однако стоит отметить, что рассматриваемая технология не является полностью неуязвимой. Возможны такие способы воздействия на системы и базы данных, основанные на блокчейн, при которых нарушается сама целостность последнего [9, с. 51], что делает возможным внесение несанкционированных изменений. В качестве одного из таких методов, в частности, рассматривается «Attack 51%» («Атака 51%») – захват более 50% вычислительных мощностей соответствующей

щей сети, позволяющий получить контроль над ней [8].

Таким образом, с одной стороны, технология блокчейн все больше проникает практически во все сферы человеческой жизнедеятельности, затрагивая различного рода данные, включая данные персонального и конфиденциального характера, безопасность которых требует максимального обеспечения. С другой, не будучи абсолютно совершенной и защищенной, она сама нуждается в охране, в том числе, уголовно-правовыми средствами, причем не только от посягательств, направленных на отношения собственности, где предметом преступления может выступать цифровая валюта и подобные ей виды имущества, но и в остальных случаях своего применения.

Все вышесказанное позволяет поставить целый ряд вопросов. Во-первых, какие отношения в названном случае следует рассматривать в качестве основного объекта посягательства? Во-вторых, какие отношения, с которыми возможно связать потенциальное применение технологии блокчейн, уже являются объектами уголовно-правовой охраны? В-третьих, к каким выводам относительно названной проблемы может привести анализ практики применения соответствующих уголовно-правовых норм? Полученные ответы, на наш взгляд, в дальнейшем могут способствовать решению проблем пенализации соответствующих деяний, дифференциации ответственности за их совершение, конкуренции уголовно-правовых норм и т.п.

При ответе на первый из поставленных вопросов наиболее очевидными кажутся отношения, выступающие объектом деяний, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее по тексту – УК РФ*) «Преступления в сфере компьютерной информации», поскольку реализовать технологию блокчейн иным образом в принципе не представляется возможным. Однако данный подход, как мы полагаем, является принципиально неверным по следующим причинам.

Так, общим мнением является то, что преступления, ответственность за которые предусмотрена главой 28 УК РФ, посягают на информационную безопасность. Различие, как правило, заключается только в рассмотрении данного объекта либо в качестве родового [3, с. 9], либо в качестве видового [6, с. 21].

Вместе с тем для оценки возможности признания названных уголовно-правовых норм основным средством борьбы с посягательствами на отношения, в которые вовлечена технология блокчейн, необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Использование компьютерной техники в данном случае является всего лишь способом обеспечения реализации соответствующей технологии, а контент сети или базы данных должен оцениваться не с точки зрения его формы (компьютерная информация), а с позиции сферы исполь-

зования блокчейн, определяющей его содержание, каковым, например, могут являться сведения о правах на недвижимое имущество, интеллектуальную собственность, правах участия в коммерческих обществах и т.д. Следовательно, основополагающим фактором в аспекте определения основного объекта рассматриваемых посягательств выступает их социальная сущность [4, с. 81]: в первую очередь, они будут направлены против тех отношений, которые находят отражение именно в содержательном, а не формальном аспекте информации, поскольку имеют своей целью не нарушение ее безопасности, а причинение вреда иным благам (например, при фальсификации записи о владельце ценных бумаг страдают уже отношения в сфере экономической деятельности).

Подобное понимание социальной сущности рассматриваемых посягательств позволяет сделать вывод о том, что их основными непосредственными объектами будут выступать отношения в иных областях общественной жизни, а безопасность компьютерной информации в таких случаях подлежит признанию дополнительным объектом преступления.

Таким образом, для установления круга соответствующих уголовно-правовых средств необходимо определить те сферы отношений, в которых уже используется или потенциально может быть задействован блокчейн.

В частности, цифровая платформа, основанная на распределенном реестре (блокчейн), уже применяется ФНС России¹, а в сентябре 2019 г. в порядке эксперимента с использованием данной технологии проведены выборы в Московскую городскую Думу в трех избирательных округах².

Также на необходимость внедрения технологии блокчейн в деятельность соответствующих органов указывается в Публичной декларации и основных задачах Росреестра на 2018 год и Публичной декларации целей и задач Федеральной службы по интеллектуальной собственности на 2018 год³.

Кроме того, из определения понятия цифровых активов, содержащегося в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», следует возможность удостоверения в цифровой форме осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

¹ Подключение кредитной организации к распределенному реестру ФНС России [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/rn34/about_fts/interaction_other/digital_platform_fns/ (Дата обращения: 19.12.2020)

² Электронные выборы в Московскую городскую Думу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/blockchain-vybory/> (Дата обращения: 19.12.2020)

³ Данные СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения ... 2020 г.

С учетом вышеизложенного полагаем, что в той или иной мере, естественно, при условии внесения необходимых изменений, способствовать охране отношений, потенциально допускающих использование технологии блокчейн, могут следующие нормы особенной части УК РФ: 1) ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования»; 2) ст. 142.1 «Фальсификация итогов голосования»; 3) ст. 142.2 «Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования»; 4) ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»; 5) ст. 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории»; 6) ст. 172.1 «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации»; 7) ст. 172.3 «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах»; 8) ст. 198 «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»; 9) ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов»; 10) ст. 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента»; 11) ст. 199.2 «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов»; 12) ст. 199.3 «Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; 13) ст. 199.4 «Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд».

Выводы о направленности таких деяний и, соответственно, их непосредственных объектах подкрепляются, в том числе, материалами судебной практики.

Например, приговором Пильнинского районного суда Нижегородской области от 19 февраля 2020 г. С.Ш.Н. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1, ст. 264.1 УК РФ. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, совершено им путем предоставления в регистрирующий орган заявления о внесении изменений в ЕГРЮЛ, содержащего за-

ведомо ложные сведения в части личности руководителя постоянно действующего исполнительного органа юридического лица, на основании которого были внесены сведения в соответствующую базу данных Федеральной налоговой службы. При этом в качестве цели совершения данного деяния судом в приговоре указаны фальсификация ЕГРЮЛ и получение права на чужое имущество¹, то есть причинен вред отношениям в сфере экономической деятельности и создана угроза причинения вреда интересам собственности.

В ином случае, В.А.А. приговором Центрального районного суда г. Омска от 21 мая 2019 г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 172.1 УК РФ, а именно в том, что, обладая информацией об отсутствии на корреспондентских счетах (субсчетах) возглавляемой им кредитной организации денежных средств в суммах, достаточных для удовлетворения требований кредиторов и исполнения обязанности по обязательным платежам, желая скрыть данное обстоятельство, которое могло повлечь установление факта наличия оснований для обязательного отзыва лицензии, назначения временной администрации и признания данной кредитной организации банкротом, обеспечил внесение в отчетность заведомо недостоверных сведений. Следовательно, объектом преступления вновь выступают отношения в сфере экономической деятельности, даже несмотря на то обстоятельство, что данное преступление было совершено посредством передачи сфальсифицированных данных по каналам телекоммуникационной связи с их последующим внесением в информационные системы Центробанка России².

То есть, если допустить, что в будущем появится техническая возможность совершения данных преступлений посредством воздействия на информационные системы или базы данных, основанные на блокчейн, социальная сущность данных деяний не претерпит изменений: их основным объектом по-прежнему будут выступать отношения, связанные с реализацией гражданами конституционных прав, отношения в сфере экономической деятельности и т.п., а не собственно отношения в сфере безопасности компьютерной информации.

Иным образом складывается ситуация с преступлениями, предусмотренными главой 28 УК РФ.

Так, приговором Собинского городского суда Владимирской области от 29 мая 2020 г. Б.И.А. был признан виновным в совершении преступле-

¹ Пильнинский районный суд Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: https://pilninsky-ppov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73697363&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 20.12.2020)

² Центральный районный суд г. Омска [Электронный ресурс]. URL: https://centralcourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5303605&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 20.12.2020)

ний, предусмотренных ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ. Осужденный модифицировал компьютерную информацию, содержащуюся на смарт-карте ресивера спутникового телевидения, в результате чего получил несанкционированный доступ к информации, содержащейся в системах ЭВМ (или) сетях ЭВМ (транспортных потоках) системы спутникового телевидения, чем совершил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший ее модификацию, и копирование компьютерной информации из корыстной заинтересованности, а также использование компьютерной информации, заведомо предназначенной для несанкционированной модификации, копирования и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, также из корыстной заинтересованности. Одновременно оператору спутникового телевидения был причинен имущественный вред в виде неполученной суммы абонентской платы¹. Однако в первую очередь посягательство было направлено именно на компьютерную информацию.

В следующем примере основной объект преступления, по нашему мнению, был определен неверно, что повлекло за собой ошибку в квалификации. Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы от 29 мая 2020 г. Г.Я.П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, выразившегося в том, что он без заявления абонента, то есть предусмотренного нормативными актами основания, ввел в базу данных предприятия заведомо ложные сведения о факте замены SIM-карты, тем самым модифицировав компьютерные данные, что повлекло необоснованный выпуск в гражданский оборот SIM-карты с соответствующим абонентским номером. То есть, на первый взгляд, правовая оценка содеянного выглядит адекватной. Вместе с тем примечательны здесь иные обстоятельства: посредством модификации указанных компьютерных данных Г.Я.П. достиг показателей выполнения плана, на основании чего работодателем ему была выплачена премия, на что, как следует из содержания приговора, изначально и был направлен его умысел². Думается, налицо обман осужденным работодателя, с одной стороны, и завладение денежными средствами в виде премии – с другой. Что касается неправомерного доступа к компьютерной информации и ее модификации, то они в данном случае представляют собой способ совершения преступления, в связи с чем действия Г.Я.П. подлежали квалификации по ст. 159.6 УК РФ.

¹ Собинский городской суд Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: https://sobinsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33406380&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 20.12.2020)

² Железнодорожный районный суд г. Пензы [Электронный ресурс]. URL: https://zheleznodorozhnii-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=71846120&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 20.12.2020)

Таким образом, анализ материалов судебной практики приводит нас к мысли о том, что если неправомерные манипуляции с компьютерной информацией выступают средством причинения вреда иным отношениям, на которые и направлен умысел виновного лица, то именно эти отношения и должны признаваться основным объектом такого преступления.

Подводя итоги проведенного исследования, полагаем возможным сделать следующие выводы. Во-первых, складывающаяся ситуация свидетельствует о внедрении в будущем технологии блокчейн практически во все отрасли, что актуализирует проблему охраны таких отношений уголовно-правовыми средствами. Во-вторых, действующее уголовное законодательство уже содержит нормы, способные выступать в качестве соответствующих средств. В-третьих, социальная сущность рассмотренных посягательств свидетельствует о том, что безопасность компьютерной информации должна в составах таких преступлений выступать в качестве дополнительного объекта, а основным – признаваться те отношения, для обслуживания которых данная технология и применяется. В-четвертых, учитывая пока еще малую распространенность блокчейн в административной сфере, допускаем, что результаты анализа практики применения вышеуказанных норм УК РФ могут быть экстраполированы и на потенциальные посягательства на отношения с использованием технологии блокчейн.

Литература

1. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (10). С. 108–112.
2. Бескровный Р.Д., Трифонова А.К. Применение технологии блокчейн в российском государственном управлении // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 2. С. 33–40.
3. Гайфутдинов Р.Р. Понятие и квалификация преступлений против компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2017. 28 С.
4. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: академия МВД СССР. 1990. 247 С.
5. Михайлов С.В., Пономарева С.В., Прудникова Л.Б. Блокчейн в современном правоприменении // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 60–64.
6. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. СПб. 2018. 68 С.
7. Сальников П.Б., Сиглов К.Е., Чувальникова А.С. Применение технологии блокчейн в праве, политике и государственном управлении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 565–580.
8. Сарвар Саид и Гектор Марко-Гисберт. Оценка консенсуса по блокчейну и механизмов без-

опасности против «Атаки 51%» // Прикладные науки. 2019. Вып.9. Режим доступа: [//doi.org/10.3390/app9091788](https://doi.org/10.3390/app9091788).

9. Соколова Т.Н., Волошин И.П., Петрунин И.А. Преимущества и недостатки технологии блокчейн // Экономическая безопасность и качество. 2019. № 1 (34). С. 49–52.
10. Талапина Э.В. Блокчейн в государственном управлении: правовые перспективы и риски // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2019. № 5. С. 77–82.

ATTACKS ON RELATIONSHIPS RELATED TO THE USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY: PROBLEMS OF DETERMINING THE SOCIAL ESSENCE AND THE MAIN OBJECT OF THE CRIME

Ponomarev V.G.

Volgograd State University

The study is devoted to the problem of determining the social essence and the main object of attacks on relations in which blockchain technology is used. The relevance of the study is due to the progressive introduction of this technology in all spheres of public life, on the one hand, and its lack of absolute invulnerability – on the other, which entails the need to protect such relations, including by means of criminal law. In addition, consideration of these problems in the future can help to address the penalization of the relevant acts and the differentiation of responsibility for their commission. Taking into account the content of normative legal acts and documents of official authorities bearing an information record, the directions in which block-chain technology can be used and the norms of criminal law capable of acting as a means of protecting such relations are determined. Based on the analysis, including the materials of judicial practice, it is concluded that the main object of the crimes under consideration should not be information security, but those relations

for which blockchain technology is used (for example, relations in the field of economic activity, etc.).

Keywords: blockchain, social essence of crime, main object of crime, additional object of crime, information security, security of computer data.

References

1. Beglaryan M.E., Dobrovolskaya N. Yu. Blockchain technology in legal sphere // Bulletin Of Krasnodar University Of The Ministry Of Internal Affairs Of Russia. 2018. № 2 (10). P. 108–112.
2. Beskrovnyy R.D., Trifonova A.K. Application of blockchain technology in Russian state administration // Scientific notes by young researchers 2018. № 2. P. 33–40.
3. Gayfutdinov R.R. Concept and qualification of crimes against computer information: autorecording the dissertation of PhD in Law. Kazan'. 2017. 28 P.
4. Korzhansky N.I. Object and subject of criminal legal protection. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1990. 247 P.
5. Mikhailov S.V., Ponomareva S.V., Prudnikova L.B. Blockchain in modern law enforcement // Philosophy of law. 2019. № 1 (88). P. 60–64.
6. Popov A.N. Crimes in the field of computer information: a textbook. SPb. 2018. 68 P.
7. Salnikov P.B., Siglov K.E., Chuvalnikova A.S. Application of blockchain technology in law, politics and public administration // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2018. Vol.22. № 4. P. 565–580.
8. Sarwar Sayeed and Hector Marco-Gisbert. Assessing Blockchain Consensus and Security Mechanisms against the 51% Attack // Applied Sciences. 2019. Vol.9. – Available at: <https://doi.org/10.3390/app9091788>
9. Sokolova T.N., Voloshin I.P., Petrunin I.A. Advantages and disadvantages of blockchain technology // Economic security and quality. 2019. № 1 (34). Page 49–52.
10. Talapina E.V. Blockchain in public administration: legal prospects and risks // Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice. 2019. № 5. Page 77–82.

Понятие и критерии труднодоступных и малонаселенных местностей

Фомичев Игорь Александрович,

аспирант, кафедра правоохранительной деятельности
и адвокатуры Югорского государственного университета
E-mail: fia.30@mail.ru

В статье рассмотрены актуальные вопросы оказания адвокатами бесплатной правовой помощи в труднодоступных и малонаселенных районах. Отмечается, что труднодоступные и малонаселенные районы составляют значительную часть территории Российской Федерации, однако их жителям также должна быть гарантировано право на бесплатную юридическую помощь. На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов автор отмечает, что в законодательстве Российской Федерации отсутствуют определения «труднодоступная местность» и «малонаселенная местность». В статье рассматриваются критерии, на основании которых можно отнести район к числу труднодоступных или малонаселенных: географические и климатические условия, удаленность от районных населенных пунктов и транспортных путей, отсутствие регулярного транспортного сообщения. Высказывается мнение, что критерием отнесения местности к малонаселенным должна стать определенная в законе плотность или численность населения. Автор полагает, что для включения той или иной местности в число труднодоступных районов необходимо наличие двух или трех критериев, с обязательным указанием характеристик именно этой местности вплоть до температурных показателей, расстояния до районного центра и так далее. Проанализированы позиции отдельных авторов на понятие «труднодоступная местность». Автор предлагает дефиниции понятий «труднодоступный район» и «малонаселенная местность».

Ключевые слова: адвокат, гарантии получения юридической помощи, труднодоступные и малонаселенные местности, компенсация расходов, оплата труда.

В Основном законе Российской Федерации имеется весьма обширный с позиции современной юридической науки список гарантий, обеспечивающих права каждого гражданина нашего государства. К гарантиям, зафиксированным в Конституции РФ, относится и возможность гражданина получать качественную юридическую помощь. Это положение является частью системы всеобщего доступа граждан к правосудию. В статье 48 Основного закона России каждому человеку гарантируется возможность получать юридическую помощь, причем особо отмечено, что эта помощь должна быть квалифицированной [1]. В случаях, предусмотренных действующим законодательством России, такая помощь оказывается безвозмездно.

Однако при этом часто встает проблемный вопрос оказания бесплатной юридической помощи адвокатами в труднодоступных и малонаселенных пунктах.

Территория России огромна, и многие ее районы труднодоступны, в них сложно организовать работу адвокатов по оказанию бесплатной юридической помощи. Кроме того, не все области нашего государства заселены одинаково. Есть множество населенных пунктов, число жителей которых незначительно. Например, умирающих деревень в российской глубинке становится все больше, порой в таком месте живет всего несколько человек, и обеспечивать юридическую помощь населению здесь финансово затратно.

Труднодоступные и малонаселенные районы составляют значительную часть территории Российской Федерации, однако их жителям также должна быть гарантировано право на бесплатную юридическую помощь. И тут возникает вопрос, какие территории в российском законодательстве относятся к труднодоступным и малонаселенным.

Термин «труднодоступные и отдаленные местности» постоянно упоминается в различных нормативно-правовых актах. Например, встречается он в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4], Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3], Законе Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах» [5] и иных. При этом ни в одном правовом акте нет определения данного понятия. Законодатель лишь говорит, что список таких местностей утверждается субъектами Федерации.

То же самое относится и к понятию «малонаселенная местность». Этот термин используется в Основах законодательства Российской Фе-

дерации о нотариате [6], в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2], Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и т.д. При этом дефиниция малонаселенного района в законодательных актах отсутствует.

Следовательно, понятие «труднодоступная и малонаселенная местность» в федеральном российском законодательстве отсутствует. Но при этом фактически нет таких определений и в региональных нормативных актах. Они просто утверждают списки труднодоступных местностей, но при этом никаких критериев отнесения того или иного населенного пункта к числу труднодоступных в документах не содержится. Более того, в субъектах Федерации нет и единого списка труднодоступных и малонаселенных местностей. Применительно к различным надобностям таких списков принимают несколько.

Например, Постановлением Правительства Тюменской области от 20.02.2007 № 26-п утвержден список отдаленных или труднодоступных местностей, в которых могут не применяться кассовые аппараты. А закон Тюменской области от 22.06.2001 г. № 349 закрепляет список труднодоступных мест в целях оказания там бесплатной юридической помощи.

Постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29 декабря 2011 г. № 514-п «Об обеспечении граждан бесплатной юридической помощью в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» закрепляет, какие именно муниципальные образования относятся к труднодоступным и отдаленным районам [7]. Данным Постановлением к числу труднодоступных и отдаленных пунктов отнесено 102 поселения. Это более 40% от всех поселений, расположенных в границах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Такое значительное количество объясняется тем, что со многими муниципальными образованиями регулярное транспортное сообщение устанавливается только в зимний период. Кроме того, многие населенные пункты находятся на значительном удалении от районных центров. Иногда расстояние составляет сотни километров. В.Ф. Анисимов и А.А. Грязнова в своей работе отмечают, что, поскольку в труднодоступных районах Югры проживают многие представители коренным малочисленных народов Севера, бесплатная помощь адвоката в таких местностях становится гарантом соблюдения прав КМНС [9, с. 29].

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа к труднодоступным и отдаленным местностям законодатель отнес 73 населенных пункта. Это составляет 79,35% от общего числа поселений.

На юге Тюменской области к труднодоступным и малонаселенным районам относят, в основном,

деревни так называемого Заболотья. Расположены они в Вагайском, Тобольском, Ярковетском и частично в других административных единицах области. Уровень транспортной и пешеходной доступности в этих местах очень низкий. В связи с этим, оказание квалифицированной юридической помощи адвокатами в труднодоступных населенных пунктах является затруднительным. Порой адвокатам приходится добираться к месту оказания бесплатной юридической помощи на мотосажах, водном транспорте, вертолете, транспорте повышенной проходимости и других транспортных средствах.

Представляется, что критериями отнесения местности к категории труднодоступных являются:

- находящиеся на большом расстоянии от районных центров и постоянных населенных пунктов;
- территории, на которых находятся кочующие бригады оленеводов, рыболовецкие бригады, метеостанции, родовые угодья малочисленных народов Севера;
- не имеющие регулярного транспортного сообщения;
- ввиду климатических условий (снежные заносы, наводнения, экстремально низкая температура воздуха и т.д.) оказывающиеся отрезанными от транспортных путей;
- территории с особыми географическими условиями: горные местности, тундра, тайга и т.п.

Следует отметить, что для включения той или иной местности в число труднодоступных районов необходимо наличие двух-трех критериев из числа приведенных, с обязательным указанием характеристик именно этой местности

вплоть до температурных показателей, расстояния до районного центра, ширины препятствующих связи с районом рек и так далее [11, с. 129].

Что касается малонаселенных местностей, критерии тут совершенно не разработаны. Лишь отдельные нормативно-правовые акты называют численность населения, необходимую для отнесения местности к малонаселенным районам. Например, утративший силу Указ Президента РФ от 01.10.1993 № 1557 разрешал в малонаселенных районах формирование избирательных участков из расчета один участок на 20 избирателей. В Федеральном законе № 131-ФЗ предусматривается процедура упразднения поселения, если в нем осталось менее 100 жителей. Однако легальное определение понятия «малонаселенная местность» в российском законодательстве об адвокатуре отсутствует. Следует отметить, что часто труднодоступные населенные пункты являются одновременно и малочисленными [12, с. 88].

Существует такой критерий плотности населения, как количество человек на квадратный километр. Однако отсутствует нормативный документ, который устанавливал бы плотность населения, необходимую для отнесения района к группе малочисленных. Для сравнения: средняя плотность населения на юге Тюменской области составляет 9,6 человек на квадратный километр, в ХМАО –

3,13, в Ямало-Ненецком автономном округе – 0,71 человек на квадратный километр.

Отдельные авторы все же пытаются дать определение понятия «труднодоступная местность».

Так, А.А. Власов полагает, что к числу труднодоступных относится «населенный пункт, который в силу погодно-климатических условий, техногенных обстоятельств и (или) отсутствия элементов инфраструктуры оказывается исключенным на длительные периоды от транспортных путей» [10, с. 128].

По мнению А.Ф. Абдулвалиева, «труднодоступная местность – это местность, удаленная от населенных пунктов и представляющая в силу социально – экономических, географических и климатических условий особую сложность для проведения следственных и судебных действий» [8, с. 141].

Мы полагаем, что понятие «труднодоступная местность» можно сформулировать следующим образом:

Труднодоступная местность – район, который вследствие географических, погодных или инфраструктурных условий в течение семи и более дней подряд в течение года является недоступным для регулярного транспортного сообщения и по этим причинам оказание бесплатной юридической помощи в этом районе связано с большими дополнительными финансовыми затратами.

Также можно предложить включить в Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» следующее определение понятия «малонаселенная местность»:

Малонаселенная местность – населенный пункт с численностью жителей менее 100 человек либо район, плотность населения в котором составляет 0,5 человек на квадратный километр.

Таким образом, по нашему мнению, основными критериями отнесения местности к труднодоступным является удаленность от районных центров и постоянных населенных пунктов, размещение на местности кочующих бригад, метеостанций, родовых угодий малочисленных народов Севера; отсутствие регулярного транспортного сообщения, экстремальные климатические и географические условия. Критерием отнесения местности к малонаселенным должна стать определенная в законе плотность или численность населения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (в ред. 23.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005

3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 23.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253;
5. О недрах: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395–1 (в ред. от 31.05.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 834.
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утверждены Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 11.05.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
7. Об обеспечении граждан бесплатной юридической помощью в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29 декабря 2011 г. № 514-п (в ред. от 25.09.2020) // Новости Югры. 2011. 30 декабря.
8. Абдулвалиев В.Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. С. 138–145.
9. Анисимов В.Ф., Грязнова А.А. Защита адвокатом прав жителей из числа коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Юридический мир. 2020. № 4. С. 29–34.
10. Власов А.А. Адвокат в судопроизводстве: краткий учебный курс. М.: Норма, 2017. 304 с.
11. Доступ к правосудию и субсидируемая юридическая помощь: анализ международного и российского опыта: Сборник материалов / сост. Д.Б. Шабельников, О.С. Шепелева. Москва: ООО «Вариант», 2016. С. 128–130.
12. Поташник И.М. Адвокатура и квалифицированная юридическая помощь // Право и государство: теория и практика. 2017. № 8. С. 88–89.

CONCEPT AND CRITERIA OF HARD AND LOW-POPULATED LOCATIONS

Fomichev I.A.
Ugra State University

The article examines topical issues of free legal assistance by lawyers in remote and sparsely populated areas. It is noted that hard-to-reach and sparsely populated areas make up a significant part of the territory of the Russian Federation, but their residents should also be guaranteed the right to free legal assistance. Based on the analysis of normative legal acts, the author notes that the legislation of the Russian Federation does not contain definitions of “hard-to-reach area” and “sparsely populated area”. The article examines the criteria on the basis of which the region can be classified as hard-to-reach or sparsely populated: geographical and climatic conditions, remoteness from regional settlements and transport routes, lack of

regular transport links. An opinion is expressed that the criterion for classifying an area as sparsely populated should be the density or size of the population defined in the law. The author believes that in order to include a particular area in the number of hard-to-reach areas, two or three criteria are required, with the obligatory indication of the characteristics of this particular area up to temperature indicators, distance to the regional center, and so on. Positions of individual authors on the concept of "hard-to-reach area" ... The author proposes definitions of the concepts of "hard-to-reach area" and "sparsely populated area".

Keywords: lawyer, guarantees of obtaining legal assistance, remote and sparsely populated areas, compensation for expenses, wages.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (with changes and additions) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 4. Art. 445.
2. On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of 06.10.1999 № 184-FZ (as amended on 23.05.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. № 42. Art. 5005
3. On advocacy and the legal profession in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002 № 63-FZ (as amended on 02.12.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 23. Art. 2102.
4. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law of June 12, 2002 № 67-FZ (as amended on May 23, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 24. Art. 2253;
5. On subsoil: Law of the Russian Federation of 02.21.1992 № 2395-1 (as amended on 05/31/2020) // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1992. № 16. Art. 834.
6. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 № 4462-1 (as amended on 11.05.2020) // Vedomosti SND and the RF Armed Forces. 1993. № 10. Art. 357.
7. On providing citizens with free legal aid in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra: Resolution of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra dated December 29, 2011 № 514-p (as amended on 25.09.2020) // Yugra News. 2011.30 December.
8. Abdulvaliev V.F. Hard-to-reach terrain as a special geographical condition influencing the investigation and consideration of criminal cases // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2018.S. 138–145.
9. Anisimov V.F., Gryaznova A.A. Defense by a lawyer of the rights of residents from among the indigenous small-numbered peoples of the North living in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra // Legal World. 2020. No. 4. P. 29–34.
10. Vlasov A.A. Lawyer in legal proceedings: a short training course. Moscow: Norma, 2017.304 p.
11. Access to justice and subsidized legal assistance: analysis of international and Russian experience: Collection of materials / comp. D.B. Shabelnikov, O.S. Shepeleva. Moscow: LLC "Variant", 2016. S. 128–130.
12. Potashnik IM Advocacy and qualified legal assistance // Law and state: theory and practice. 2017. No. 8. P. 88–89.

Работа со следами на месте происшествия, обнаружение, фиксация и изъятие

Хитев Алексей Павлович,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказания России
E-mail: hitevap@mail.ru

В расследовании преступлений обнаружение и исследование следов занимает главное место, поскольку следы всегда являлись и являются по настоящее время основным источником доказательственной базы. Зачастую следы имеют решающее значение при расследовании преступления. Они имеют причинную связь с противоправным деянием, так как содержат в себе определенную информацию об обстоятельствах совершенного преступления. Применение различных приемов и средств при обнаружении следов ускоряет процесс собирания доказательств, что является предварительным условием, помогающим решить следующую задачу – зафиксировать следы с помощью средств криминалистической техники. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями обнаружения, фиксации и изъятия следов на месте проведения следственного действия. Рассматриваются способы поиска, обнаружения и выявления следов биологического происхождения, а также малозаметных или невидимых следов.

Ключевые слова: материальные следы, технико-криминалистические средства, биологические следы.

В расследовании преступлений обнаружение и исследование следов занимает главное место, поскольку следы всегда являлись и являются по настоящее время основным источником доказательственной базы.

Зачастую следы имеют решающее значение при расследовании преступления. Они имеют причинную связь с противоправным деянием, так как содержат в себе определенную информацию об обстоятельствах совершенного преступления, например, о том, как действовал преступник или об особенностях отдельных объектов, после взаимодействия, которых были образованы следы. Для последующей идентификации, применяются различные устройства, обеспечивающие не только поиск следов, но и их пригодность. В настоящее время классификация следов обширна, однако стоит выделить следующие виды следов: следы человека, животных, транспортных средств и орудий взлома.

Обнаружение следов в криминалистике основано на обращении особого внимания на доказательственное значение и вещественные доказательства, непосредственно связанные с ними [1, с. 108].

Обнаружение следов преступления в соответствии с уголовно – процессуальным законодательством возложено на следователя, при этом может использоваться помощь специалистов.

Понятие «обнаружение» чаще всего относят к вещественным доказательствам и материальным следам, которые могут содержать информацию, представляющую интерес для уголовного дела. Если же говорить о малозаметных или невидимых следах, то речь будет идти об их выявлении.

В криминалистической технике выявлением материальных следов считается совокупность действий, обеспечивающая зрительное восприятие малозаметных и невидимых следов. Сущность вышеописанной процедуры заключается в том, что названные следы «выводят» из состояния латентности, посредством усиления цветового контраста между предметом, на котором оставлен след и следообразующим веществом.

Каждому человеку природой дана способность осознавать и воспринимать окружающую действительность. Это является основой процесса оценки доказательств по внутренним убеждениям человека, которые обеспечивают индивидуальное восприятие доказательственной информации дознавателем, следователем, судьей, прокурором и другими участниками уголовного судопроизводства. Личное восприятие каждого индивидуума

строится за счет органолептических свойств личности – вкус, зрение, слух и осязание. Этих способностей достаточно для того, чтобы обнаружить как маловидимые, так и видимые следы. Однако если рассматривать невидимые следы на микроуровне, то здесь появляется необходимость применения специальных технических средств.

Технические приборы, используемые для выявления следов, делят на два вида. К первому относят технические средства, расширяющие органолептические возможности человека (лупы, микроскопы, осветители и т.п.), а ко второму виду относят приборы, выходящие за пределы возможностей человеческого организма (инфракрасная интроскопия, биологические и химические индикаторы, ультразвуковая локация и другие). Так, инфракрасное излучение помогает выявить след выстрела или прочесть невидимый текст.

Применение технико-криминалистических средств для выявления следов значительно повышает качество и эффективность расследования дела. В криминалистической технике существуют приемы, усиливающие визуальное восприятие, чтобы человек мог выявить следы «невооруженным» глазом. Особое внимание отводится освещению:

1. в падающем под наклоном свете – используется для рельефных и объемных следов;
2. в рассеянном свете – для минимизации рельефа предмета носителя следа;
3. в свете, направленном под острым углом – для выявления поверхностных следов за счет разницы в поглощении и отражении света веществом следа и поверхностью предмета носителя следа;
4. в цветodelенном, цветном освещении – за счет усиления цветового контраста при осмотре объекта со светофильтром;
5. в ультрафиолетовых лучах – за счет возбуждения люминесценции вещества следа [1, с. 110].

Обнаружение следов связано с осмотром места происшествия, это может быть местность, жилище, иное помещение, предметы и документы, при этом следует руководствоваться рядом правил:

1. соблюдение законодательных норм;
2. поиск следов должен производиться как на непосредственном месте преступления, так и на прилегающей территории;
3. правильное применение специальных технических средств и приемов;
4. поиск следов в местах их наиболее вероятного нахождения, основываясь на свойствах следовоспринимающей поверхности, обстановке преступления;
5. тщательный поиск следов орудий взлома, рук, ног, обуви;
6. объекты следует рассматривать так, чтобы не нарушить их целостность, а также не оставить на них новые следы, которые в дальнейшем могут ошибочно считаться следами преступника;

7. если визуальные методы обнаружения следов не дают положительный результат, то целесообразнее прибегнуть к другим приемам и способам.

Применение различных приемов и средств при обнаружении следов ускоряет процесс собирания доказательств, что является предварительным условием, помогающим решить следующую задачу – зафиксировать следы с помощью средств криминалистической техники.

При расследовании преступлений, направленных на причинение вреда личности, важное значение имеют следы крови, поскольку они позволяют определить группу крови человека, оставившего след.

Подробные правила работы со следами крови содержатся в методических рекомендациях ЭКЦ МВД РФ [2, с. 221].

Существует три способа поиска, обнаружения и выявления следов биологического происхождения: визуальный, физических и химический.

Визуальный способ обнаружения следов целесообразен в тех случаях, когда те же следы крови контрастно смотрятся на фоне других предметов и имеют большие размеры.

Следы слюны или спермы обнаружить сложнее, так как они практически невидимы из-за своего цвета. В данном случае будет применяться физический способ обнаружения следов, например, с помощью ультрафиолетовых излучений. Здесь, биологические следы начинают флюоресцировать бледно-голубым цветом.

Не стоит забывать о том, что ультрафиолетовое излучение разрушает структуру ДНК, что исключает возможность ее дальнейшего использования в судебно-генетических исследованиях. Соответственно, освещение участков, где предположительно могут находиться следы не должно превышать по времени 5 секунд.

Один из чаще используемых способов обнаружения биологических следов характеризуется применением дактилоскопических порошков и паров йода. Также, опыление рук порошками используется при выявлении биологических следов. Обработка порошками также применяется для усиления контраста слабовидимых следов. Данный способ обработки способен исказить отображение строения папиллярного узора, поэтому предметы, на которых обнаружены малозаметные бесцветные следы пальцев рук, опылять порошками нельзя. Их нужно сфотографировать на месте или изъять для фотосъемки в лабораторных условиях, после чего следы можно обрабатывать порошками.

Химический способ обнаружения невидимых следов рук – это обработка следовоспринимающей поверхности веществами, вступающими в реакцию с потожировыми выделениями и окрашивающими следы [4, с. 172–173].

На практике применяется несколько способов фиксации следов рук:

1. составление зарисовок или планов-схем;

2. составление протокола следственных действий;
3. изготовление слепков объемных следов;
4. фотосъемка;
5. копирование поверхностных следов

Изымать следы рук можно несколькими способами: с частью следоносителя, полностью со следоносителем или отдельно от него. Наиболее эффективным будет способ изъятия предмета либо его части, на которой оставлен след.

Следы крови также, как и следы рук можно зафиксировать несколькими способами: подробно описать след в протоколе, произвести фотографирование всех пятен вместе, по общему и групповому принципу, отразить нахождение отдельных пятен. Изъятие следов крови рекомендуется производить вместе с предметом, на котором они оставлены или хотя бы с его частью. Соскоб крови собирается и заворачивается в лист бумаги. Если кровь оставлена на снегу, то поместить ее в один сосуд со снегом нельзя, так как она начнет разбавляться водой и впоследствии гнить, а это в свою очередь затруднит исследование.

Значительно проще, если кровь находится на песке. Тогда грунт должен быть изъят с участками, пропитанными кровью. Сами пробы должны быть завернуты в чистый лист бумаги вместе с участками грунта, непропитанными кровью, для сравнения.

Следы спермы следует искать, опираясь на механизм совершенного преступления:

1. на средствах контрацепции;
2. на постельном белье;
3. на обивке мебели или салона автомобиля;
4. на поверхности, находящейся рядом с трупом;
5. на предметах, которыми преступник вытирал сперму.

Самым достоверным методом обнаружения спермы является – обнаружение целых сперматозоидов и (или) их головок.

Предметы, на которых могла остаться сперма, осматриваются под воздействием ультрафиолетовых лучей.

Если при совершении преступления имели место борьба или самооборона, то на месте происшествия могут остаться волосы. Это происходит вследствие вырывания.

Чтобы отыскать и изъять волос, необходима хорошая освещенность помещения, дабы не упустить углубления или щели, в которые могли попасть волосы. Здесь также целесообразно применение увеличительных приборов и светофильтров.

Изъятие волос должно производиться с особой осторожностью, чтобы не повредить их целостность.

Интересным является тот факт, что после захоронения цвет волос трупа меняется. Например, при эксгумации трупов спустя 30 лет и более после смерти волосы обычно обесцвечиваются [3, с. 275–276].

Качество, своевременность обнаружения, изъятия и фиксации следов напрямую влияют на до-

стижение целей уголовного преследования, неквалифицированное выполнение мероприятий по «работе» со следами может привести к плачевным последствиям.

Делая вывод по вышесказанному, следует сказать о том, что следы волос, спермы и крови играют важную роль в процессе расследования и раскрытия преступления. Они могут быть носителями информации о способе совершенного преступления, а также о личности преступника. В связи со спецификой следов биологического происхождения, важно понимать, что для их обнаружения, изъятия и фиксации необходимы знания и умения специалиста.

Литература

1. Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга (к 85-летию юбилею И.А. Возгрин и В.С. Бурдановой): материалы всероссийской научно-практической конференции (14 ноября 2014 года) / Сост. Виноградова А.Н., Лейнова О.С., Лутошкин Г.Ю. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 108.
2. Стеганова Т.В., Лозинский Т.Ф., Уалерианова Л.П., Шамонова Т.Н. Работа со следами биологического происхождения на месте происшествия. М.: ЭКЦМВД РФ, 1992. С. 221.
3. Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (4–5 июня 2015 года) / Сост. Бачиева А.В., Виноградова А.Н., Лейнова О.С. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – С. 275–276.
4. Ушаков С.И. Трасология как отрасль криминалистической техники // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). С. 172–173.

WORK WITH TRACES AT THE SCENE OF AN ACCIDENT, DETECTION, FIXATION AND REMOVAL

Khitev A.P.

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

In the investigation of crimes, the detection and investigation of traces occupies the main place, since traces have always been and are still the main source of evidence. Often, traces are crucial in the investigation of a crime. They have a causal connection with the illegal act, since they contain certain information about the circumstances of the crime committed. The use of various techniques and tools for detecting traces accelerates the process of collecting evidence, which is a prerequisite for solving the next task – to fix traces using forensic technology. The article deals with issues related to the features of detecting, fixing and removing traces at the place of an investigative action. Methods of search, detection and identification of traces of biological origin, as well as subtle or invisible traces are considered.

Keywords: material traces, technical and forensic tools, biological traces.

References

1. Scientific heritage of forensic scientists of St. Petersburg (to the 85th anniversary of I.A. Vozgrin and V.S. Burdanova): materials of the All-Russian scientific and practical conference (November 14, 2014) / Comp. Vinogradov A.N., Leonova O.S., Lutosh-

- kin G.Y. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University of MIA of Russia, 2017. P. 108.
2. Stepanova T. V., Lozinski, T. F., Valerianova L.P., Shamanov Tn. Work with traces of biological origin on the scene. M.: forensic science center of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1992. S. 221.
  3. Forensic examination: past, Present and a look into the Future: Materials of the annual All-Russian Scientific and Practical conference (June 4–5, 2015) / Comp. Bachiev A.V., Vinogradov A.N., Lanova O.S. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University of MIA of Russia, 2015. – P. 275–276.
  4. Ushakov S. I. trace evidence as a branch of forensic technology // Young scientist. 2019. No. 51 (289). pp. 172–173.

К вопросу о дефиниции пособника в уголовном праве России

Шахбазов Рамиз Физулиевич,

преподаватель кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
E-mail: ramiz1999@yandex.ru

На сегодняшний день в науке уголовного права отсутствует единый подход к определению понятия «пособник». Некоторыми учеными высказывается мнение о несовершенстве закрепляемого в ч. 5 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) определения, обуславливающим потребность в его изменении.

Настоящая статья посвящена всестороннему анализу теоретических взглядов на легальную дефиницию пособника, регламентируемую российским уголовным законодательством.

Рассмотрены сложившиеся в науке уголовного права подходы к понятию пособника и определение среди них наиболее приемлемого для отражения сущности и юридической природы пособничества, а также для правоприменительной деятельности. Приводятся аргументы в пользу конкретизированного определения пособника в российском уголовном законодательстве и негативные последствия обобщения закрепляемой частью 5 статьи 33 УК РФ дефиниции.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, соучастие в преступлении, пособник, пособничество, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Регламентация ответственности за пособничество связана с понятием пособника, закрепленным в ч. 5 ст. 33 УК РФ [1].

Во-первых, понятие пособника позволяет разъяснить, за совершение каких именно действий или бездействий лицо подлежит ответственности за пособничество.

Во-вторых, предусмотренный в понятии пособника закрытый перечень способов содействия преступлению обосновывает криминализацию и пенализацию тех способов пособничества, которые в названном перечне не закреплены.

В науке уголовного права приводятся различные подходы к определению пособника преступлению. Один из таких научных подходов подразумевает отказ от конкретизированного определения, в рамках которого перечисляются его способы, и закрепление обобщенного понятия пособника, суть которого заключается в указании лишь того, что таким соучастником оказывается содействие преступлению.

Сторонники обобщенного определения пособничества связывают преимущество такого подхода с отсутствием закрытого перечня способов оказания содействия пособником, а, следовательно, и распространением понятия пособничества на способы, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ, и которые могут быть выявлены в перспективе [2, с. 9; 3].

Однако, придерживаясь одного научного подхода, подразумевающего определение пособничества обобщающим образом, учеными предлагаются различные варианты изменения нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ, одним из которых является изложение понятия пособника в следующей редакции: «Пособником признается соучастник, помогавший подготовке или совершению преступления либо заранее обещавший помогать в том же, сокрыть преступление либо помогать в том же» [2, с. 9].

Другой вариант подразумевает, что пособником является «лицо, содействовавшее непосредственно совершению преступления, заранее обещавшее укрывательство преступления, а также способствовавшее достижению или реализации соглашения между соучастниками на совместное совершение преступления» [4, с. 32–33].

Обобщенным является также предложенное в науке уголовного права определение, из которого следует признание пособником лица, которым оказывается физическое или интеллектуальное содействие совершению преступления [3].

Данные определения не дают четкого понимания роли пособника, которое позволяло бы ограничивать последнего от других соучастников, также способных содействовать совершению престу-

пления, а именно от подстрекателя. Так, закрепление в уголовном законе нормы о признании пособником соучастника, помогавшего подготовке или совершению преступления без указания способов пособничества, позволяет признавать пособником и лицо, которое помогало подготовке преступления через приискание исполнителя.

Таким образом, обобщенное понятие пособника не учитывает характер выполняемых действий или бездействий, который служит критерием отграничения соучастников преступления друг от друга. В связи с этим, преимущество, связанное с учетом всех возможных способов пособничества, в том числе и предусмотренных Особенной частью уголовного закона, которое сторонники обобщенного понятия пособника выдвигают в качестве аргумента целесообразности его закрепления в ч. 5 ст. 33 УК РФ, имеет мнимый характер.

Обособление роли пособника только указанием на то, что он интеллектуально или физически содействует совершению преступления, создаст основание для рассмотрения в качестве такого соучастника лица, выполнившего действия организатора преступления. Ведь уголовный закон в соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ определяет организатора как лицо, которое организует или руководит совершением преступления, либо которым была создана организованная группа или преступное сообщество, либо осуществлено руководство ими. В свою очередь, разработка плана совершения исполнителем преступления, по своей сути, также является способом интеллектуального содействия совершению преступления, что согласно обобщенному определению пособника позволяет рассматривать такое действие как пособничество.

Таким образом, закрепление в российском уголовном законодательстве обобщенного определения, которое не подразумевает перечисление способов оказываемого пособником содействия преступлению, расширит границы толкования пособничества деятельности. Это приведет к тому, что обособление роли пособника в УК РФ будет происходить по остаточному принципу, то есть пособником станет признаваться лицо, содействовавшее преступлению действиями или бездействиями, которые по своему характеру не относятся к роли организатора, исполнителя или подстрекателя.

Роли организатора, исполнителя и подстрекателя получили свое обособленное выражение в ст. 33 УК РФ исключительно благодаря закреплению способов их участия в преступлении, что позволяет согласно принципу справедливости соотносить уголовную ответственность с характером содействия преступлению. Отсутствие четких критериев, позволяющих отграничивать соучастников друг от друга, повлечет нарушение принципа справедливости, поскольку уголовный закон закрепляет различные правовые последствия за деятельность пособника и других соучастников преступления.

Так, в соответствии с ч. 4. ст. 31 УК РФ в отличие от организатора и подстрекателя пособнику для того, чтобы он не подлежал уголовной ответственности достаточно принять все зависящие от него меры, направленные на предотвращение преступления, вне зависимости от того, получилось ему предотвратить его или нет. В данном случае, если лицо, фактически осуществляющее подстрекательские действия, в силу обобщенного определения пособничества будет признано правоприменителем в качестве пособника, подстрекатель на основании принятия им всех возможных мер, направленных на предотвращение преступления, но не приведших к этому, избежит уголовной ответственности. Вследствие этого, осуществляемая в рамках дифференциации уголовной ответственности за пособничество регламентация такой ответственности в Общей части УК РФ станет не эффективной, так как не будет учитывать роль пособника.

Таким образом, обобщенное понятие пособника, несмотря на то, что им охватываются все возможные способы содействия, в том числе и закрепленные в Особенной части уголовного закона, не следует устанавливать в ч. 5 ст. 33 УК РФ вместо действующего определения такого соучастника. Отчасти это и обуславливает объективную потребность в криминализации и пенализации определенных способов пособничества.

Предусмотренное в действующем уголовном законодательстве понятие пособника является конкретизированным, т.е. выражаемым через перечисление способов оказания таким соучастником содействия преступлению. В отличие от обобщенного, конкретизированное определение пособничества основано на характере выполняемых действий или бездействий, обуславливающих выделение такого соучастника преступления в отдельный вид. Однако сторонники научного подхода, основанного на преимуществе конкретизированного понятия пособника, отмечают необходимость изменения редакции ч. 5 ст. 33 УК РФ путем сохранения соответствующего понятия не обобщенным, но включающим в себя большее количество способов пособничества.

Так, в науке уголовного права предлагается дополнить действующий перечень способов оказания пособником содействия преступлению [5]:

- посредничеством в совершении преступления;
- предоставлением непосредственно относящейся к событию преступления информации;
- финансированием преступной деятельности;
- заранее данным обещанием не сообщать о преступлении органам власти или не препятствовать его совершению при наличии установленной законом обязанности осуществлять названные действия.

Цель введения такого изменения, как отмечает его автор, заключается в устранении существующих между Общей и Особенной частями УК РФ противоречий, возникших по причине призна-

ния некоторых пособнических действий признаками объективных сторон преступлений. Однако, такая позиция, на наш взгляд, является ошибочной, поскольку некоторые пособнические действия и бездействия криминализованы не только по причине того, что они не предусмотрены в ч. 5 ст. 33 УК РФ, но и в связи с их нахождением по степени своей общественной опасности на одном или более высоком уровне, чем действия и бездействия исполнителя. В данном случае уголовную ответственность лица, которое фактически выполнило действия или бездействия пособнического характера, способные в силу высокой степени их общественной опасности причинить существенный вред общественным отношениям, не следует реализовывать только в результате ее индивидуализации. Обеспечение соразмерности деяния и уголовно-правовых мер, применяемых к виновному, должно осуществляться уголовным законом, а не возлагаться лишь на правоприменителя. Для этого, в свою очередь, и производится криминализация, а также пенализация пособничества.

Кроме того, расширение способов пособничества не повлечет за собой потерю силы всеми статьями Особенной части УК РФ, в которых пособническая деятельность закреплена в качестве признака объективной стороны преступления, поскольку эти статьи необходимы для того, чтобы лицо, выполнившее по сути действия исполнителя преступления, но не подлежащее уголовной ответственности за исполнение из-за отсутствия у него специального признака, не избежало соразмерного его деянию наказания. Так, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника». Содержание данной нормы указывает на возложение обеспечения справедливости уголовной ответственности на правоприменителя.

Таким образом, при отсутствии в Особенной части статьи, предусматривающей ответственность за пособничество в подготовке или совершении преступления со специальным субъектом, совершившее фактически исполнение такого преступления лицо в результате индивидуализации уголовной ответственности, основанной на акцессорной теории соучастия в преступлении, может быть несправедливо подвергнуто менее строгому наказанию, чем специальный субъект преступления.

Наилучшим вариантом определения пособника является конкретизация способов содействия им совершению преступления. Способы пособничества отражают самостоятельный характер пособника как отдельного вида соучастника, поэтому их указание в дефиниции необходимо.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Ершов, С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Ершов. – Ярославль, 2014. – 28 с.
3. Косарева, Т.И. Пособничество совершенному преступлению: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.И. Косарева // URL.: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobnichestvo-soversheniju-prestuplenija.html> (дата обновления: 17.11.2020).
4. Шеслер, А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении [Текст] / А.В. Шеслер // LEX RUSSICA. – 2015. – № 6. Том 103. – С. 30–33.
5. Шубина, В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Ю. Шубина // URL.: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1514352> (дата обновления: 17.11.2020).

ON THE DEFINITION OF AN ACCOMPLICE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Shahbazov R.F.

Southwest state University

To date, the science of criminal law does not have a unified approach to the definition of “accomplice”. Some scholars expressed the view that the imperfection of the fasten in part 5 of article 33 of the Criminal code of the Russian Federation (further – the criminal code) definitions of pressure for its change. This article is devoted to a comprehensive analysis of theoretical views on the legal definition of an accomplice regulated by Russian criminal law. The article considers the approaches to the concept of an accomplice that have developed in the science of criminal law and determines among them the most acceptable one for reflecting the essence and legal nature of aiding and abetting, as well as for law enforcement activities. Arguments are given in favor of a specific definition of an accomplice in Russian criminal legislation and the negative consequences of generalizing the definition fixed in part 5 of article 33 of the criminal code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, criminal liability, complicity in a crime, aiding and abetting, criminal code of the Russian Federation.

References

1. Criminal code of the Russian Federation № . 63-FZ of June 13, 1996 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № . 25. – St. 2954.
2. Yershov, S.A. Complicity in the General and Special parts of the criminal code of the Russian Federation: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences [Text] / S.A. Yershov. – Yaroslavl, 2014. – 28 p.
3. Kosareva, T.I. Aiding the Commission of a crime: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences [Text] / T.I. Kosareva // URL.: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobnichestvo-soversheniju-prestuplenija.html> (update date: 17.11.2020).
4. shesler, A.V. Prospects for improving criminal law norms on complicity in crime [Text] / A.V. Shesler // LEX RUSSICA. – 2015. – no. 6. Volume 103. – P. 30–33.
5. Shubina, V. Yu. Institute of complicity in the Commission of a crime: criminal law and criminological aspects: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences [Text] / V. Yu. Shubina // URL.: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1514352> (updated date: 17.11.2020).

Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий

Шишкин Радий Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовной политики,
кандидат юридических наук, Академия управления МВД
России
E-mail: lvovich.1990@mail.ru

В статье рассмотрены признаки совершения преступлений в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий, дано их понятие, определены направления предупреждения названных преступлений. В ходе исследования автор приходит к выводу о необходимости разработки национальной стратегии развития потребительского рынка в новых реалиях цифровой экономики на период до 2030 год, что безусловно, предопределяет дальнейшее развитие, в том числе совершенствование экономики страны и позволит полностью адаптироваться в условиях предлагаемого временем механизма экономической сферы и ее элементам, в том числе потребительскому рынку. В том числе, дано определение преступлениям совершаемым на потребительском рынке с использованием цифровых технологий, а также показаны объекты посягательства в условиях «Интернет-сети».

Ключевые слова: экономическая сфера, потребительский рынок, законодательство, цифровые технологии, «интернет-пространство», телекоммуникационные сети, связи, цифровизация мировой экономики, производитель (изготовитель), продавец, покупатель (потребитель), «Интернет-сети», «интернет-магазины».

В государственной системе управления органов власти важное место в обеспечении конституционных прав граждан занимает внутренняя политика государства, направленная на регулирование правоотношений связанные с защитой прав и свобод посредством уголовной политики определяющей многосубъектность и уровни (федеральный, региональный и местный), которые говорят о системном подходе российского государства и определяют вертикаль правового поля. Поэтому, прежде чем мы будем проводить исследование проблем преступности в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий, раскроем базовые понятия, в том числе с точки зрения субъектов уголовной политики, которые делятся на специализированные и неспециализированные.

Так, к специализированным относятся, правоохранительные органы, чья деятельность или основная функция связана с выявлением, раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений. К неспециализированным субъектам в сфере уголовной политики также относятся контролирующие органы, органы местного самоуправления, общественные организации правоохранительной направленности и иные субъекты.

Особое место в этом ряду занимает министерство внутренних дел (далее – МВД России), которое наделено всеми функциями и полномочиями, посредством чего реализуется уголовная политика. Особая роль сегодня отведена органам внутренних дел в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий.

Так, «на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России министр внутренних дел Владимир Колокольцев сообщил, что в составе управления и отдела по контролю за оборотом наркотиков сформированы подразделения по противодействию наркоугрозе в сети Интернет. Кроме того, в ряде других служб центрального аппарата министерства и на местах созданы специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью». Министр также отметил, «что ведомство последовательно наращивает усилия в борьбе с IT-преступностью, он также сказал, что доля преступлений, совершенных с помощью IT-технологий, составила 15%, в том числе рост криминальных деяний данного вида оказал значительное влияние на динамику и структуру преступности в целом. Поэтому в последнее время отводится повышенное внимание выявлению, раскрытию и расследованию преступлений,

совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [2]».

Процесс интеграции цифровых технологий в экономическую сферу нашего государства оказал влияние на преобразование экономики России, что негативно, пока отражается на сфере потребительского рынка, внутри которого происходят все механизмы взаимоотношений, от производителя, продавца, до покупателя (потребителя) с применением телекоммуникационных связей через «интернет-пространство» с использованием «IT».

Вместе с тем необходимо, в первую очередь, определиться с особенностью цифровых технологий, поскольку в России они только находятся на уровне становления, что же касается мировой экономики, то на протяжении уже многих лет цифровые технологии давно интегрированы и стали обычным в повседневной жизни развитых государств, и играют основную роль в развитии экономики.

Так, Овчинский В.С. подчеркивает, что «важнейшим элементом для цифровой среды являются цифровые технологии, которые главным образом используются в компьютерах и телекоммуникационных устройствах, и определил их цифровую среду, в которой компонентами являются: телекоммуникационные и интернет – линии; компьютерная информация; вычислительные комплексы различной размерности – от суперкомпьютеров до смартфонов и планшетных компьютеров [5, С. 14]».

Однако в российской экономике такое новшество, как «IT» играет роль нового механизма взаимодействия всех субъектов ее элементов, хотя, на первый взгляд, это выглядит, как скрытые реформаторские идеи отдельных представителей, которые пытаются повлиять на экономику России в целом.

С чем сложно не согласиться, так как на фоне происходящего, для многих в нашей стране до конца непонятно, будет ли хорошо, в условиях применения новых цифровых технологий интегрированных в сферу экономики, и насколько безболезненно коснется простых граждан, в первую очередь, или последствия от таких реформ затянут их снова в проблемы экономического характера, с которыми они до сих пор сталкиваются, в том числе с негативными явлениями таких перемен на протяжении всего периода проводимых государством реформ.

Такие преобразования требуют переосмысления всей системы государственного воздействия на базисные отношения в экономике, в том числе сфере потребительского рынка, как ее элемента формирующего данную сферу, что, безусловно, негативно отражается на безопасности нашего государства, так как потребительский рынок считается важнейшей стратегической частью экономической системы Российской Федерации. Именно потребительский рынок оказывает существенное влияние на стабилизацию жизнеобеспечения каждого человека и определяет стабильность со-

циальных условий для населения в целом, а также повышает государственный авторитет в лице граждан, покупателей (потребителей) товаров и услуг. Социальная стабильность в сфере экономических потребностей покупателей (потребителей) приобретающих, покупающих товары и услуги на потребительском рынке становятся источником поступления финансовых активов, денежных средств, тем самым, формируют основы финансовой устойчивости нашего государства от внешних экономических угроз. Поэтому, есть необходимость, правильно и сбалансированно подходить к процессу регулирования не только механического, но и правового аспекта, что позволит осуществлять контроль над процессами, происходящими в экономической сфере как со стороны государственной власти, так и правоохранительных органов.

Один из аспектов такого контроля является правовое регулирование, так как все механизмы в экономике, в том числе и взаимодействия малого и среднего бизнеса, от изготовителя, продавца до покупателя (потребителя) регулируются нормами и правилами установленными нормативными правовыми актами, так как экономические отношения в малом и среднем бизнесе происходят через призму договорных отношений связанных между объектом (общественных отношений) и предметом (купли-продажи), реализации (продажи) разной классификации товаров, что соответственно регулируется постановлением Правительства Российской Федерации [4] утвердившим правила продажи отдельных видов товаров.

Потребительский рынок нашел себя в новом формате, и пошел по пути с цифровыми технологиями, при этом взяв роль приспособленца, так как полностью рынок не был готов к таким резким переменам, однако новые технологии приводят рынок товаров и услуг к современным условиям от конкуренции между малым и средним бизнесом, до механизма взаимодействия между производителем, продавцом и покупателем, который порождает спрос на товары и услуги, в том числе посредством «интернет-магазинов». Современный потребительский рынок товаров и услуг уходит от стандартного живого общения между продавцом и потребителем, и переходит на новые бесконтактные, дистанционные отношения с использованием «интернет-пространства» посредством телекоммуникационных связей в условиях цифровизации, которые позволяют рассчитывать с покупками товаров и приобретаемыми услугами на расстоянии.

Такие новшества на потребительском рынке и преобразования экономической сферы в целом посредством интеграции цифровых технологий, сыграли важную роль в формировании новой структуры потребительского рынка, и сегмента экономических отношений, которые с одной стороны классифицировали товары и услуги по своему ассортименту и потребности потребителей, а с другой, позволило создать множество нераз-

решенных механизмов, которые гарантированно определили взаимодействие между производителем (изготовителем), продавцом и покупателем (потребителем), так как интеграция цифровых технологий произошла, довольно быстро.

В тоже время сам механизм таких отношений в экономической сфере пока еще не имеет того совершенства, которое заменило бы нам привычные общественные отношения, существовавшие на протяжении многих десятилетий.

На современном этапе интеграция новых цифровых технологий в отрасль потребительского рынка отражает много негативных последствий такого дистанционного непривычного общения между продавцом и покупателем (потребителем) товаров и услуг в «дистанционных магазинах», в которых расположен большой ассортимент товаров разной классификации.

Отметим лишь, что цифровая среда привела к значительному росту определенных условий, способствующих совершению разного вида преступлений. Так, Т.Н. Богданова подчеркивает, что «сегодня современные телекоммуникационные технологии полностью проникли во все сферы деятельности людей [1, С. 64–67]».

По данным статистики МВД России, согласно которой в 2019 году преступлений, связанных с мошенничеством и использованием электронных средств платежа совершено – 16 119, а в первом полугодии 2020 года уже зарегистрировано 14 116 преступлений [6].

Однако, такой способ и вид противоправных деяний может совершаться и при покупке товаров и услуг потребителями (покупателями) посредством телекоммуникационных сетей в «интернет-магазинах», производя денежные расчеты по средствам банковских карт.

И, если такие факты мошенничества, совершаемые в сфере потребительского рынка в «интернет-пространстве» оставлять без должного внимания, и вовремя не реагировать на них, то это может привести к резкому увеличению последствий преступного характера, что также небезопасно для граждан, общества и государства в целом, в том числе экономической безопасности нашей страны.

По мнению Е.А. Русскевич жертвами преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, «ежегодно становятся миллионы людей и организаций, а также органы власти [7, С. 351–358]».

Необходимо отметить, что потребители, пользуясь услугами «интернет-магазинов», увлекаются разнообразием классификации товаров и услуг, при этом не обращая внимание на качество товаров, особенно иностранного происхождения. Некачественные товары зачастую кустарного производства опасные для жизни и здоровья граждан заполнили потребительский рынок в данной сфере.

В месте с тем, правовая отрасль не всегда своевременно пока еще успевает за подобными

проявлениями, которые происходят в «интернет-пространстве» на современном этапе, так как законодатель не всегда оперативно реагирует на противоправные действия лиц пользующихся «интернет-ресурсами», и не успевает эффективно перестроиться в условиях новых реалий, об этом отметила и Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко [3].

Также уголовное законодательство российского государства в структуре преступлений связанных (с использованием цифровых технологий), в том числе и с потребительским рынком не нашло своего отражения, поэтому правоприменитель исходит из того содержания уголовного закона, в котором имеются действующие нормы защищающие разные объекты от преступных посягательств. Однако, что касается потребительского рынка и цифровых технологий, то таких признаков и объектов посягательства в уголовном законодательстве нет. Мы лишь отметим некоторые из наиболее совершаемых преступлений, которые на прямую к потребительскому рынку не относятся, в силу некоторых обстоятельств, потому, как, это достаточно новое и в правовом регулировании нет (например, УК РФ, УПК РФ и других отраслях права.), которыми были бы предусмотрены, такие признаки, как совершаемые на потребительском рынке с использованием цифровых технологий, однако все только начинается, и об этом необходимо говорить сегодня, проводить исследования и принимать законодательные акты касающиеся выработки новых уголовно-правовых норм, которые защищали бы объекты в данной сфере от преступных посягательств совершаемых в условиях «интернет-пространства».

Давайте посмотрим какие же преступления совершаются на современном этапе: – кража, совершенная с банковского счета, а также в отношении электронных денежных средств, п. «Г», ч. 3, ст. 158 УК РФ. В 2015 году по данному признаку зарегистрировано 8 449, однако в 2020 году за 6 мес. таких противоправных деяний совершено 76 452 преступления, что также не оставляет без внимания и тот факт – это только за первое полугодие; – мошенничество с использованием электронных средств платежа, ст. 159.3 УК РФ, такой признак достаточно понятен, он приносит большие прибыли, при этом минимум усилий, если, ты разбираешься в компьютерной технике, имеешь специальную подготовку. Все, что касается других преступлений, то они совершаются с использованием непосредственно компьютерных технологий, такие как: – неправомерный доступ к компьютерной информации, ст. 272 УК РФ; – создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, ст. 273 УК РФ; – нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, ст. 274 УК РФ. Таких преступлений (ст. ст. 272–274 УК РФ) согласно статистическим дан-

ным в 2015 году совершено – 2382, в 2019 году – 2879, а за первое полугодие 2020 года совершено – 1910 [6] преступлений.

Мы считаем, что необходимо внесение изменений в УК РФ, нами предлагается установить уголовную ответственность за противоправные действия, связанные с куплей продажей товаров и услуг с использованием цифровых технологий и телекоммуникационных связей посредством «интерне-пространства», для чего главу 21 УК РФ дополнить статьей 159⁷ «Мошенничество в сфере экономических договорных отношений в «Интернет-сети».

Ч. 1. связанное с реализацией, продажей товаров и предоставлением услуг (всех видов) с использованием цифровых технологий и телекоммуникационных связей посредством «Интернет-сети»,

– *Наказание.*

Ч. 2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно причинения значительного и иного ущерба физическому и юридическому лицу,

– *Наказание.*

Ч. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно причинившее ущерб в крупном размере государству,

– *Наказание.*

Данный вид, способ мошеннических действий может представлять серьезную угрозу для всех российских телекоммуникационных сетей, так и экономической безопасности государства.

Отсутствие в УК РФ конкретных понятий о преступлениях, совершаемых в экономической сфере, а именно, потребительского рынка с использованием цифровых технологий и отнесение их, к какой-либо категории противоправных действий (тяжких или средней тяжести), в том числе совершаемых в экономической сфере по всей ее структуре и объектов посягательства не позволит в полной мере воздействовать на такие противоправные деяния. В месте с тем, криминализация потребительского рынка в условиях слабого правового регулирования, и пока еще до конца не выработанного механизма развития цифровой экономики и ее элементов, продолжает находиться в зоне риска и привлекает особое внимание преступную среду с привлечением внешних факторов, в том числе и внутренних цель, которых направлена на криминализацию данной сферы в условиях цифровизации экономики и «интернет-пространства».

В этой связи, в условиях новой формации и цифровизации экономики России предлагается разработать и утвердить «Национальную стратегию развития потребительского рынка в новых реалиях цифровой экономики на период до 2030 года», что безусловно, предопределяет дальнейшее развитие, в том числе совершенствование экономики страны и позволит полностью адаптировать-

ся в условиях предлагаемого временем механизма экономической сферы и ее элементам, в том числе потребительскому рынку.

На современном этапе одними только мерами репрессивного характера уголовно-правовыми средствами, уголовно-процессуальными и другими средствами повлиять на ситуацию связанную с такими явлениями, как преступления в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий малоэффективны, поэтому нужны новые выработанные меры специального предупреждения направленные на выправление ситуации связанной с «интернет-пространством» и его цифровой среды, и использованием в этих целях телекоммуникационные связи.

Во-первых, подбор кадров специально обученных сотрудников, имеющих специальные углубленные познания «IT», а также образование и другую подготовку, в том числе юридическую, что позволит высоко-квалифицированно оценивать ситуацию и влиять на факторы использования новых технологий в целях совершения преступных деяний, тем самым позволит выявлять преступные замыслы на ранней стадии.

Во-вторых, это меры профилактического характера, направленные на работу с юридическими и физическими лицами, предоставляющими свою компьютерную технику, программное обеспечение и сайты в «интернет-пространстве» преступным элементам, посредством чего создаются такие условия, как «дистанционные магазины» с использованием разных мошеннических схем, ловушек и других уловок преступных сетей.

В-третьих, меры, связанные определенным лицензированием отдельных обеспечивающих программных управлений используемых ресурсов пользователями «интернет-пространства», т.е. такие программы необходимо регистрировать и получать на их разработку специальное разрешение (лицензии), для того что бы можно было бы отследить цепочку перехода ее из одного держателя к другому.

В-четвертых, желающим (юридическим и физическим лицам) прогрессировать в интернет-пространстве с использованием таких программных управлений для обеспечения эффективности деятельности своего бизнеса и, чтобы не обременять их, лицензии можно будет получить через службы одного окна, так называемых многофункциональных «Центров» с включением в реестр «IMEI-KOD» компьютерной техники владельца.

В-пятых, при обнаружении попыток вторжения, взлома, изменения работы или иного несогласованного вхождения в деятельность юридических и физических лиц необходимо автоматическое реагирование специального программного обеспечения отвечающего за безопасность данного сервера и его компьютерного устройства, для блокировки таких устройств и недопущении повторных случаев.

В российском государстве не извлекаются должные уроки из опыта совершаемых престу-

плений с использованием цифровых технологий посредством «интернет-пространства», вовремя не вырабатывается ни стратегия, ни другие нормативные правовые акты, направленные на предупреждение подобных противоправных деяний, связанных с новыми видами мошеннических действий и иными проявлениями противоправного склада.

Мы лишь повторимся, что подобные факты, такого негативного социального явления появившиеся в сфере потребительского рынка достаточно новые, и не относятся напрямую к данной сфере, однако такие деяния совершаются в тесном взаимодействии с объектами такой сферы, через услуги телекоммуникационных сетей, на сайтах которых ведется дистанционная купля-продажи товаров и услуг, договоры, которых, непосредственно касаются объектов потребительского рынка, так как все происходит как и в реальности, с одной стороны продавец с другой покупатель, только нет стационарного, капитального объекта торговли расположенного на улице какого-либо населенного пункта, а используются условия «интернет-пространства», телекоммуникационных связей и цифровых технологий которые позволяют, создавать условия для совершения различного вида преступлений в сфере рынка.

Данные злоупотребления со стороны подготовленных и хорошо обученных преступных элементов поражают, своей корыстью, тем самым втягивая экономическую сферу в преступную среду, а также посягают на различные объекты и экономическую безопасность нашей страны.

Мы считаем, что такие признаки и способы совершения, необходимо было бы, правильным относить к деяниям связанным с посягательствами на экономическую сферу и совершаемыми на потребительском рынке, происходящими во время продажи товаров и услуг через «дистанционные магазины» с использованием телекоммуникационных связей посредством «интернет-пространства» других ресурсов и цифровых технологий, в том числе приобретения товаров и услуг потребителем, покупателем через телекоммуникационные сети в «дистанционных магазинах» «интернет пространства».

Тем самым, совершаемые преступления, по мнению автора необходимо относить и, считать их, как совершаемыми на потребительском рынке с использованием цифровых технологий, в том числе телекоммуникационных связей в «интернет-пространстве».

Кроме того, все посягательства, так или иначе, сводятся к деятельности нерадивых предпринимателей малого и среднего бизнеса, в том числе элементов незаконного осуществления деятельности в экономической сфере с использованием цифровых технологий, такой мотив понятен, и цель таких бизнесменов всем понятна, они путем наживы желают пополнить свои бюджеты и обогатиться за счет простых обывателей, при этом не обращая внимания на законодательные запреты, осозна-

вая последствия своих незаконных действий и совершают проступки преступного характера.

На современном этапе отношения и вектор политики государства повернул в сторону внутреннего развития экономики, путем поддержания малого и среднего бизнеса, чему отдан приоритет. Несомненно, это реакция на угрозы внешней политики исходящие от Евросоюза (санкций), тем самым направлена на укрепление экономики России.

Либерализация такой политики проводимой российским государством, привела к декриминализации многих видов преступлений связанных с экономической сферой, преступникам совершившим впервые противоправные деяния в данной сфере предлагается альтернатива, направленная на путь сознания виновных в своем проступке, но, при этом возместившим ущерб в кратном размере государству и потерпевшему, только тогда он освобождается от ответственности и его привлечения к уголовному наказанию, например, ст. ст. 75–77 УК РФ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что такой подход имеет неоднозначную сторону всех последствий криминализации потребительского рынка, так как смягчения и либерализация ответственности юридических и физических лиц может привести к глобализации преступности в целом, как экономической сфере, так и безопасности государства.

И так, подводя итоги нашего исследования мы приходим к заключению, что «преступления совершаемые в сфере потребительского рынка с использованием цифровых технологий – это социально-негативное явление состоящее из совокупности преступлений, выражающихся в законном и незаконном использовании пользователями, специалистами подготовленными и имеющими знания «IT» и умение пользования телекоммуникационной связи в «Интернет-сети» с использованием цифровых технологий в среду, которых входят определенные элементы таких технологий, которыми являются (телекоммуникационные сети и интернет ресурсы, компьютеры всех разновидностей, планшеты, сотовые телефоны и смартфоны и иные) и вопреки интересов потребителей (покупателей) общества и государства, в целях получения выгоды имущественного характера (денежные и цифровые активы, векселя, ценные бумаги и иные ценности), для себя и своего «бизнес-дела», личных интересов совершивших противоправные действия в условиях «Интернет-сети» в «дистанционных магазинах» в «Режиме-онлайн».

Литература

1. Богданова Т. Н. К вопросу об определении понятия «преступления в сфере компьютерной информации» / Т.Н. Богданова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 37. – С. 64–67.
2. Москва, 26 февраля. /ТАСС/. Новости: МВД России в 2019 году создало подразделе-

ния по борьбе с наркоугрозой в интернете и по борьбе с киберпреступностью. Электронный ресурс. [Режим доступа]: <https://tass.ru/obschestvo/7841139>.

3. Москва, 16 дек – РИА Новости. Государственная дума на заседании в среду приняла закон о штрафах до 150 тысяч рублей за хамство чиновников. Электронный ресурс. [Режим доступа]: <https://news.mail.ru/politics/44579012/?frommail=1>.
4. Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации: постановление Правительства Рос. Федер. от 19.01.1998 № 55 (ред. от 16.05.2020).
5. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Учебник для магистратуры. – М.: Норма, Инфра – М, 2018. – С. 14.
6. Официальные статистические данные ГИАЦ МВД России.
7. Русскевич Е.А. Проблемы систематизации современного уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) / Е.А. Русскевич // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 351–358.

PREVENTION OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF THE CONSUMER MARKET USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Shishkin R.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the signs of committing crimes in the consumer market with the use of digital technologies, gives their concept, defines the directions of preventing these crimes. In the course of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to develop a national strategy for the development of the consumer market in the new realities of the digital economy for the period up to 2030, which will undoubtedly predetermine further development, including the improvement of the country's economy and will allow one to fully adapt in the conditions of the proposed time mechanism of the economic sphere and its elements, including the consumer market. In particular, the definition of crimes committed in the consumer market using digital technologies is given, as well as objects of encroachment are shown in the conditions of the "Internet network".

Keywords: economic sphere, consumer market, legislation, digital technologies, "Internet space", telecommunication networks, communications, digitalization of the world economy, manufacturer (manufacturer), seller, buyer (consumer), "Internet networks", "Internet the shops".

References

1. Bogdanova T.N. On the question of defining the concept of "crime in the field of computer information" / T.N. Bogdanova // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Right. – 2012. – No. 37. – P. 64–67.
2. Moscow, February 26. / TASS /. News: The Ministry of Internal Affairs of Russia in 2019 created units to combat the drug threat on the Internet and to combat cybercrime. Electronic resource. [Access mode]: <https://tass.ru/obschestvo/7841139>.
3. Moscow, December 16 – RIA Novosti. The State Duma at a meeting on Wednesday adopted a law on fines of up to 150 thousand rubles for the rudeness of officials. Electronic resource. [Access mode]: <https://news.mail.ru/politics/44579012/?frommail=1>.
4. On approval of the Rules for the sale of certain types of goods, the list of durable goods that are not subject to the buyer's requirement to provide him with a free provision of similar goods for the period of repair or replacement, and a list of non-food goods of good quality that are not subject to return or exchange for similar goods of other sizes, shape, size, style, color or configuration: post. Government Ros. Feder. from 19.01.1998 No. 55 (revised from 16.05.2020).
5. Ovchinsky V.S. Criminology of the digital world. Textbook for magistracy. – М.: Norma, Infra – М, 2018. – S. 14.
6. Official statistics of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7. Russkevich E.A. Problems of systematization of modern criminal legislation on responsibility for crimes committed with the use of information and communication technologies (ICT) / E.A. Russkevich // Criminal policy and law enforcement practice: collection of articles. Art. based on materials of the VI Int. scientific-practical conf. – Saint Petersburg, 2019. – S. 351–358.

Право: особенности международного опыта противодействия финансированию экстремистской деятельности

Щебляков Евгений Степанович,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
E-mail: esshcheblyakov@mail.ru

Экстремистская деятельность по всему миру способствует разрушению целостности и безопасности стран, ведет к деморализации общества, повышению чувства тревоги у населения, подрывает сложившиеся устои, идеи равноправия граждан. Экстремизм не получится победить с помощью военных действий, правильнее будет использовать комплекс разнообразных мер, он нуждается в источнике денежной помощи, тем самым проблема выявления каналов финансирования, источников поступления денежных средств и противодействия этих процессов является одной из приоритетных задач всего международного сообщества. Многолетний опыт противодействия развития экстремизма показывает, что одним из главных принципов борьбы является пересмотр уже имеющихся и принятие новых соответствующих нормативно-правовых актов, в том числе с ужесточением норм уголовного наказания. В статье автором рассмотрены особенности международного опыта противодействия финансированию экстремистской деятельности на примере законодательства ряда стран.

Ключевые слова: экстремизма, терроризм, экстремистская деятельность, законодательство.

Экстремистская деятельность по всему миру способствует разрушению целостности и безопасности стран, ведет к деморализации общества, повышению чувства тревоги у населения, подрывает сложившиеся устои, идеи равноправия граждан. Как и любая преступная деятельность, экстремизм нуждается в источнике денежной помощи, тем самым проблема выявления каналов финансирования, источников поступления денежных средств и противодействия этих процессов является одной из приоритетных задач всего международного сообщества. Изучая реальность современного мира, Байсагатова Д.Б. отметила, что безопасность одного государства непосредственно связана с безопасностью всего мирового сообщества, имеющей многогранный характер [1, С. 68].

Анализируя антитеррористическую (терроризм как крайняя форма экстремизма) деятельность, можно увидеть, что, к сожалению, мировое сообщество пока проигрывает эту битву. Положительным можно отметить факт устранения несколько лидеров террористических организаций, например «Аль-Каиды», свержение режима «Талибан», что приостановило распространение экстремистских движений в Центральной Азии и как следствие расширения границ на другие континенты. Тем не менее, террористические организации обладают на удивление большой способностью к адаптации в изменяющихся условиях. В качестве примера можно привести следующее: после оккупации Ирака, сопровождающейся унижением мусульман, террористическая деятельность была перенесена на территорию страны, где ранее не было выявлено ни одной организации подобного рода. После вторжения американских военных на эту территорию пособниками терроризма было объявлено, что истинной целью США был не терроризм, а борьба с исламом. Только повышенные меры безопасности со стороны международного сообщества позволили не допустить повторение террористических актов в этой стране, но было замечено активизация экстремистского движения в Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнем Востоке, организованы атаки в Европе, России, Турции и Африке. Тем самым политикам и политическим аналитикам стало ясно, что терроризм не получится победить с помощью военных действий, правильнее будет использовать комплекс разнообразных мер. Неэффективность военных действий в борьбе с экстремизмом можно было наблюдать на примере Ирака и США [2, С. 208], смысл в военных операциях есть только в ходе проведения единичных акций, при необходимости

уничтожения террористических баз или блокировки какой-то территории.

Сегодня, когда военные действия против терроризма показали свою несостоятельность в полной мере, очевидным становится, что в первую очередь необходимо решать проблему размывания благоприятной для экстремизма почвы. В этой связи значимость приобретает международное сотрудничество. Исключительной важностью видится работа по выявлению и перекрытию каналов финансирования экстремистских организаций. Экспертами выделяются такие источники финансирования, как:

1. Получение денег от состоятельных людей, ведущих бизнес легально, также правомерно они переводят средства на счета разных организаций, которые были созданы, к примеру, для защиты этнических групп. Эти организации после получения денег показывают свою деятельность путем проведения акций на публику, полученные деньги по отчетам идут на проведение данных мероприятий. По факту – большая часть полученных средств уходит дальше, на финансирование экстремистских организаций.
2. Получение денег от благотворительных фондов, большинство из которых расположены в таких странах, как: Иордания, ОАЭ, Саудовская Аравия. Большая часть этих денег идет на финансирование исламских экстремистских организаций.
3. Получение денег от фондов, существующих за счет такой незаконной деятельности, как: контрабанда оружия, драгоценных камней и металла, торговля наркотиками.
4. Получение денег от фондов, существующих за счет поступлений от законной деятельности, например, торговля йеменским медом, но такой вид торговли тоже служит лишь маскировкой для перевозки оружия, наркотиков и пр.
5. Получение денег от законных фондов за счет благотворительных взносов на определенные цели. Денежные средства, часто в обход руководителей фонда, уходят на финансирование экстремистских организаций.
6. Использование глобальной финансовой системы для сбережения и распространения денежных средств.
7. Использование международной системы «Хавала», существующей в некоторых мусульманских странах, носящий неформальный характер. Смысл ее заключается в проведении финансовых операций без письменной фиксации, построена она на доверии исполнителей. Плюс ее заключается в том, что экстремистам не надо перевозить большие суммы через границу или снимать их в банке, тем самым подвергая себя риску. Все что нужно – запомнить код, сообщить его в стране назначения по указанному адресу и получить денежные средства.
8. Другие способы, например, доставка денежных средств курьером от спонсора.

Международное сообщество смогло ряд каналов финансирования выявить и прикрыть, но внутреннее движение денежных средств от одной экстремистской деятельности к другой остановить не удалось. Причиной тому служит сложная система транспортировки денежных средств, а также смесь правомерных и незаконных каналов финансирования. Отследить финансовые операции все невозможно, нет критериев, по которым банки могли бы четко различать легитимные средства и средства на финансирование экстремистской деятельности, каждый день происходят огромное количество финансовых операций во всем мире.

Перейдем непосредственно к рассмотрению особенностей международного опыта противодействия финансированию экстремистской деятельности. Многолетний опыт противодействия развития экстремизма показывает, что одним из главных принципов борьбы является пересмотр уже имеющихся и принятие новых соответствующих нормативно-правовых актов, в том числе с ужесточением норм уголовного наказания, с целью противодействия экстремизму.

Для примера рассмотрим особенности законодательства США. Терроризм, как крайняя форма экстремизма, в законодательстве Америки относится к федеральному преступлению, за которое предусматривается наказание для физических лиц в виде уголовной ответственности, а для юридических – уголовной и гражданской (United States Code 1994. Edition title 18.2332b (5). W. 1995). При обнаружении финансовой организации денежных средств, принадлежащих экстремистской организации, она в обязательном порядке должна сообщить согласно инструкции о выявленном факте министру финансов и сохранять контроль над данными денежными средствами. В том случае, если финансовая организация сознательно идет на нарушение законодательства, она может быть оштрафована на 50 тыс. дол. или в двойном размере от суммы ущерба [4].

В Чешской Республике в 2002 г. было дано понятие экстремизма, представляющую из себя идеологическую позицию, которая значительно отклоняется от установленных норм права, посягает на конституционные принципы и содержит в себе элементы интолерантности [5]. По чешскому законодательству лица, причастные к экстремизму наказываются лишением свободы на срок от 5 до 15 лет с конфискацией имущества, в том числе за финансовую и любую материальную поддержку.

Рассмотрим законодательство Республики Молдова относительно противодействия финансированию экстремистских организаций. Здесь предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, одновременно с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности на срок от 2 до 5 лет. Если виновник – юридическое лицо, в этом случае налагается штраф в размере от 7000 до 10000 у.е. с ликвидацией данного юридического лица (ст. 279 УК Республики Молдова).

В некоторых странах законодательство не содержит норм и положений, направленных на пресечение и предотвращение экстремизма, например, в Норвегии. В Эстонии подлежат уголовному преследованию лишь некоторые акты терроризма (п. 64–65 УГ Эстонии).

В законодательстве Японии проблема противодействия финансированию терроризма отразилась в нескольких дополнениях в законодательные акты 2002 г. и Законе об идентификации клиентов и сохранения записей об операциях финансовых учреждений. В 2007 г. принят закон о предупреждении перемещения нелегитимных финансовых средств, в ходе которого был увеличен перечень субъектов противодействия легализации средств, которые стали обязаны идентифицировать своих клиентов, анализировать их операции, в случае выявления неправомерных действий – сообщать об этих операциях в Японский офис финансовой разведки (подразделение Агентства финансовых услуг).

На территории ЕС обозначенные вопросы регулируются утвержденной в 2005 году Директивой 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета о предотвращении использования финансовой системы с целью отмывания средств и финансирования терроризма. Требования, выдвигаемые директивой, должны быть включены в законодательства стран-членов ЕС касаясь банков и других учреждений финансовой сферы, но по факту некоторые страны проигнорировали это требование, к примеру, Германия, Франция. В Германии в свою очередь есть свой закон об отмывании денежных средств, который согласуется со ст. 261 УК Германии, в котором отмывание денег признается уголовным преступлением. Во Франции вопросами отмывания средств стали заниматься с 1988 года, данный факт был признан уголовным преступлением, а банкам дали понять, каким рискам они себя подвергают, когда оказывают содействие содержанию фондов, источником которых является противозаконная деятельность. Великобритания стала первой страной Европы, ратифицировавшей Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов, полученных преступным путем (Страсбургская Конвенция). Законодательная система Великобритании относительно противодействия финансированию экстремизма полностью соответствует Директиве 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета о предотвращении использования финансовой системы с целью отмывания средств и финансирования терроризма и включает в себя 4 элемента:

- Правила противодействия отмыванию средств (2003);
- Требования, установленные регулятором сферы финансовых услуг – Управлением финансовых услуг, созданным в 2000 г.;
- Закон о доходах от преступной деятельности (2002);
- Закон о терроризме (2000).

В Швейцарии в УГ страны введены статьи относительно отмывания денег, которые предусматри-

вают наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, в более серьезных случаях – до 5 лет и уплата большого штрафа.

Как видим, во многих странах в уголовном кодексе имеются нормативно-правовые акты, направленные на противодействие финансированию экстремизма (терроризма), по большей части имеющие схожие меры наказания – лишение свободы сроком до 15 лет для физических лиц и значительным штрафом для юридических лиц.

Литература

1. Живарев В.Е. Международное право: Конспект лекций. МИЭМП. – М.: 2004. – 96 с.
2. Панкова Л. Н., Тарануха Ю.В. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Методическое пособие для пропагандистов. – М.: Университетская книга, 2010. – 312 с.
3. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: «Атамур», 2003. – 240 с.
4. Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / Отв. Редактор И.С. Власов. – М: «Городец-издат», 2002. – 144 с.
5. Пертли Л. Ф., Горенкова Е.В. Международные рекомендации в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму. Аналитический материал / Москва, 2016.

LAW: FEATURES OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COUNTERING THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES

Shcheblyakov E.S.

Krasnoyarsk State Agrarian University

Extremist activities around the world contribute to the destruction of the integrity and security of countries, lead to demoralization of society, increase the sense of anxiety among the population, and undermine the established foundations and ideas of equal rights of citizens. Extremism will not be defeated by military action. It is better to use a variety of measures. It needs a source of financial assistance. Thus, the problem of identifying funding channels, sources of funds and countering these processes is one of the priorities of the entire international community. Many years of experience in countering the development of extremism shows that one of the main principles of the fight is to review existing and adopt new relevant legal acts, including toughening the norms of criminal punishment. In the article, the author considers the features of international experience in countering the financing of extremist activities on the example of the legislation of a number of countries.

Keywords: extremism, terrorism, extremist activity, legislation.

References

1. Zhivarev V.E. International law: Lecture notes. Miemp. – M.: 2004. – 96 p.
2. Pankova L. N., Taranukha Yu.V. Prevention of extremism and terrorism. Methodological guide for propagandists. – M.: University book, 2010. – 312 p.
3. Nazarbayev N.A. Critical decade. – Almaty: "Atamura", 2003. – 240 p.
4. Vlasov I.S. Foreign legislation in the fight against terrorism. Editor I.S. Vlasov. – M: «Gorodets-Izdat», 2002. – 144 p.
5. Pertli L. F., Gorenkova E.V. International recommendations in the sphere of countering extremist activities and terrorism. Analytical material / Moscow, 2016.

Особенности становления института авторского права в Аргентине

Ларин Евгений Александрович,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук
E-mail: elarin@inbox.ru

Расторгуева Наталья Евгеньевна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов
E-mail: rastorgueva-ne@rudn.ru

В статье рассматривается процесс становления авторского права в Аргентине. Данная тема представляет интерес не только для правоведов, но и для историков, так как генезис правовых норм неразрывно связан с общественно-политической ситуацией в стране. Долгое время права авторов регулировались с помощью системы выдачи привилегий (как это было принято в правовой культуре Испании). Лишь в 1853 г. в стране была принята Конституция, которая признавала право всех авторов и изобретателей на созданную ими интеллектуальную собственность. Первый закон об интеллектуальной собственности появился в Аргентине только в 1910 г. Сейчас в стране действует закон 11 723 «Об интеллектуальной собственности», принятый в 1933 г. Авторы приходят к выводу, что несмотря на то, что законодательство страны в области авторского права постоянно реформируется, некоторые вопросы, связанные, прежде всего с новыми технологиями, остаются неурегулированными, что может негативно сказаться на конкурентоспособности авторов в условиях глобализированной цифровой среды.

Ключевые слова: Аргентина, авторское право, закон, интеллектуальная собственность, привилегии.

В колониальные времена правовая система Аргентины была основана на правовой культуре Испании, так как после завоевания на ее территорию было распространено законодательство Кастилии. С XVI в. в Испании существовала система привилегий на публикацию, получение которой требовало длительных процедур, в том числе прохождения процедуры предварительной цензуры. В 1531 г. была издана Королевская седула, запрещавшая посылать в Индии книги, посвященные «нечестивым выдуманным вещам» [1, 31]. В 1560 г. типографам в Америке запретили публиковать произведения, относящиеся к событиям, происходящим в Индии, без предварительного ознакомления и изучения в Совете Индий. Без выполнения этого условия ни один книготорговец не имел право выставить их на продажу. Со временем были приняты и другие седулы, призванные контролировать ввоз и распространение книг в Америке.

Майская революция 1810 г., приведшая к созданию Первой хунты Аргентины, оказала влияние не только на политическое, но и на правовое поле: в стране впервые вводилась свобода печати. Несмотря на существовавшие ограничения (нельзя было подвергать критике действия Первой хунты или католической церкви), это был большой шаг вперед в деле обеспечения прав граждан на самовыражение. Именно в этот период, 2 июня 1810 г. национальное правительство страны выпустило декрет об основании «Газеты Буэнос-Айреса» («La Gazeta de Buenos Ayres»). Первый национальный конгресс журналистов, проходивший в Кордове в 1938 г., выбрал дату выхода в свет ее первого номера, 7 июня, для празднования «Дня журналиста».

В то же время испанская идея о выдаче привилегий авторам продолжала сохраняться в проектах законодательных актов. Например, в подготовленном в 1811 г. проекте Конституции Провинций Рио-де-ла-Платы предусматривалось, что Конгресс будет «предоставлять на ограниченный срок эксклюзивные привилегии авторам тех научных книг, которые способствуют просвещению» [1, 36]. Конституцией 1819 г. Конгрессу предоставлялось право «гарантировать авторам или изобретателям полезных устройств исключительные привилегии в течение определенного времени» (статья 44) [Там же]. Аналогичную норму содержала статья 57 Конституции 1826 г.

В 1853 г. в Аргентине была принята Конституция, которая действует до настоящего времени.

В ней была отменена система предоставления привилегий. Конституция признавала право всех авторов и изобретателей на созданную ими интеллектуальную собственность. В статье 17 этого документа говорится: «Каждый автор или изобретатель является исключительным владельцем своей работы, изобретения или открытия на срок, установленный законом» [2].

В конце XIX – начале XX вв. страна начала участвовать в международных соглашениях об авторском праве. В 1894 г. Аргентина ратифицировала «Конвенцию о литературной и художественной собственности», принятую на конференции по международному праву в г. Монтевидео (Уругвай) в 1889 г., а в 1910 г. подписала «Буэнос-Айресовскую конвенцию» – международный договор между панамериканскими государствами в сфере авторского права.

Только в 1910 г. в Аргентине появился закон об интеллектуальной собственности. Тому было несколько причин. Во-первых, публикация в 1904 г. книги Эрнесто Кесады «Интеллектуальная собственность», в которой аргентинский юрист собрал обширную информацию о национальных и международных договорах об авторском праве. Эта работа вызвала множество дебатов. Вторая причина была связана с визитом в Аргентину французского политика Жоржа Клемансо. Аргентинский историк Леандро Густаво Лакуанити так описывает случившееся: «Прибыв в столицу, он узнал, что его пьеса «Покров счастья» будет показана в городском театре. Театральная труппа спросила у него разрешения и пригласила на репетиции, от которых Клемансо категорически отказался. Сразу после этого он выразил свое несогласие написав жалобу, в которой заявил, что выступает против «этих процедур пиратства, которые, к сожалению, допускает отсутствие закона, гарантирующего литературную собственность в Аргентинской Республике» [3].

11 сентября 1910 г. было создано «Аргентинское общество авторов драматических произведений» (в 1934 г. переименовано в «Аргентинское авторское общество»), членам которого обеспечивается правовая защита и медицинское страхование. Его основными задачами стала защита авторских прав (как на неопубликованные, так и на опубликованные работы), консультирование государственных органов, частных организаций и физических лиц по вопросам толкования действующих положений законодательства об авторском праве и смежных правах, а также регистрация произведений. Если они не были опубликованы, то регистрация является добровольной (статья 62 Закона 11 723), это – один из способов доказательства авторства. Произведение хранится в Национальном управлении авторскими правами в запечатанном конверте три года (с возможностью продления). В 1936 г. в стране было создано «Аргентинское общество музыкальных авторов и композиторов» («Sociedad Argentina de Autores y Compositores de Música»), занимающееся во-

просами защиты авторских прав в сфере музыки. Необходимо отметить, что в настоящее время таких организаций в Аргентине несколько. Помимо уже перечисленных в стране существуют «Аргентинская ассоциация артистов-исполнителей» («Asociación Argentina de Interpretes»), «Палата производителей и изготовителей фонограмм и видеogramм Аргентины» (Cámara Argentina de Productores de Fonogramas y Videogramas) и др. Общества по коллективному управлению авторскими правами играют важную роль в функционировании системы авторского права страны. Они не только помогают авторам отстаивать свои права, но и предусматривают помощь в виде медицинского обслуживания, выдачи субсидий, займов и пенсий, а также организуют конференции, мастер-классы, выставки, тематические встречи и циклы дискуссий.

26 сентября 1933 г., во время президентства Агустина П. Хусто, в Аргентине был принят Закон 11 723 «Об интеллектуальной собственности», проект которого был представлен Национальному Конгрессу депутатом Роберто Нобле, поэтому этот правовой акт известен также как «закон Нобле». Он претерпел несколько редакций, но действует в стране до сих пор. Так, несколько раз менялся срок действия авторских прав – с изначальных 30 лет в 1957 г. он был увеличен до 50 (Декрет-закон 12.063/57), а в 1997 г. – до 70 лет с 1 января года, следующего после смерти автора (Закон 24.870). Эта норма действует по настоящее время. Срок действия авторских прав на анонимные работы, принадлежащие учреждениям, корпорациям или юридическим лицам составляет 50 лет со дня публикации (статья 8). В случаях, когда речь идет о фотографических произведениях этот срок составляет 20 лет, начиная с момента обнародования фотографии (статья 34). В этой же статье определяется срок действия авторских прав на кинематографические работы. Он составляет 50 лет со дня смерти последнего из соавторов (к ним относятся автор сюжета, продюсер, режиссер фильма, а если речь идет о музыкальном кинематографическом произведении, то и композитор) [4].

Закон относит к охраняемым произведениям всю научную, литературную, художественную или дидактическую продукцию, независимо от процедуры воспроизведения (статья 1). Это позволило в дальнейших редакциях включить в перечень охраняемых такие возникшие в результате научно-технологического развития произведения, как, например, компьютерные программы, мультимедийные произведения и базы данных.

Во второй половине XX в., гармонизировав национальное законодательство в области авторского права и смежных прав с международными нормами, многие латиноамериканские страны присоединились сначала к Всемирной конвенции об авторском праве, а затем к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. Эти международные соглашения были подписаны Аргентиной в 1958 г. и в 1967 г.

соответственно. Еще один важный договор – Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву, подписанный в 1996 г., восполнил некоторые пробелы в области охраны авторского права в соответствии с требованиями интернет-эпохи.

В законодательстве страны также нашли отражение вопросы обеспечения прав людей с особыми потребностями. В 2007 г. был принят закон 26285 «Освобождение от уплаты авторских вознаграждений за воспроизведение и распространение научных или литературных произведений в специальных системах для слепых и людей с другими нарушениями восприятия» в статье 1 которого говорится, что «воспроизведение и распространение научных и литературных произведений в специальных системах для слепых и людей с другими нарушениями восприятия не требует уплаты авторских вознаграждений» [5]. Его содержание вошло в статью 36 закона 11723.

Стоит также отметить инициативу аргентинских властей по привлечению гражданского населения к участию в обсуждении вопросов изменения законодательства. В начале 2017 г. Национальное управление по авторскому праву при Министерстве юстиции и прав человека начало общественные дебаты, чтобы узнать у населения, нуждается ли законодательство об интеллектуальной собственности в реформировании и если да, то какие изменения должны быть внесены в него. В результате был выделен ряд проблемных аспектов в этой сфере.

Закон № 11723 является основным в сфере авторского права и смежных прав Аргентинской Республики. Он дополняется другими международными и национальными нормативными правовыми документами. Принятый в 1933 г. Закон, тем не менее, не утрачивает своей актуальности благодаря постоянно вносимым в него изменениям. Существующие в аргентинском законодательстве об авторском праве пробелы связаны прежде всего с тем, что оно не успевает меняться в соответствии с современными реалиями (ростом цифро-

вого рынка, появлением новых технологий и т.д.). Ликвидация этих правовых лакун является одним из основных направлений реформирования законодательства страны в данной области.

GENESIS SPECIFICITY OF COPYRIGHTING LAW IN ARGENTINA

Larin E.A., Rastorgueva N.E.

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Peoples' Friendship University of Russia

The article is focused on the process of copyright genesis in Argentina. This topic is relevant both for legal scholars and historians, since the genesis of legal norms is inextricably linked with the social and political agenda in the country. Literary property used to be regulated by the system of granting privileges (related to the legal culture of Spain). It was 1853 when the country adopted the Constitution, recognizing the right of all authors and inventors to the related intellectual property. The first fundamental law on intellectual property appeared in Argentina only in 1910. To date the law 11,723 "On intellectual property", adopted in 1933, is still relevant. The authors come to the conclusion that despite the fact that the country's copyright law is constantly being reformed, a list of issues, concerning primarily new technologies, are still unregulated, which may negatively affect the authors' competitiveness in the permanently-globalized digital environment.

Keywords: Argentina, copyright, law, intellectual property, privileges.

References

1. Mouchet C. Evolución Histórica del derecho intelectual argentino. Ed. Imprenta de la Universidad de Buenos Aires, 1944.
2. Constitución de la Nación Argentina // Honorable Senado de la Nación Argentina. URL: https://www.senado.gob.ar/bundles/senadoparlamentario/pdf/institucional/constitucion_nacional_argentina.pdf (дата обращения: 28.11.2020).
3. Lacquaniti L.G. La ley de propiedad intelectual de 1933. Proyectos y debates parlamentarios sobre los derechos autorales en Argentina. // Estudios Sociales Contemporáneos. URL: https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/49560/CONICET_Digital_Nro.c3492d61-d6dc-4f3c-9b67-4d6ca6d51b18_A.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 29.11.2020).
4. Ley 11.723 Régimen legal de la propiedad intelectual// Información Legislativa y Documental URL: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/40000-44999/42755/textact.htm> (дата обращения: 06.12.2020).
5. Ley 26.285 Eximición del pago de derechos de autor, a la reproducción y distribución de obras científicas o literarias en sistemas especiales para ciegos y personas con otras discapacidades perceptivas // Información Legislativa y Documental URL: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/130000-134999/132226/norma.htm> (дата обращения: 06.12.2020).

Северная граница США на фоне истории американско-канадских отношений

Филиппенко Александра Александровна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт США и Канады РАН
E-mail: a.philippenko@iskran.ru

США и Канада являют собой пример добрососедских отношений. Проницаемость границы разительно отличается от оградительного барьера США с Мексикой. Однако так было не всегда: американская революция фактически создала две страны, переместив лоялистов британского престола на территорию Канады и де-юре разделила некогда единый народ. С тех пор двум странам пришлось пройти через множество испытаний: споры о демаркации и угроза войны в XIX в., столкновения в период сухого закона в США и трагедия 11 сентября 2001 г., когда Канада приняла сотни тысяч находившихся в воздухе пассажиров. В статье рассматривается история становления американско-канадской границы, а также современное состояние северной границы США.

Ключевые слова: граница США, американско-канадская граница, иммиграционная политика, сухой закон, террористические акты 11 сентября.

Пока, несмотря на начало вакцинирования, количество случаев заболевания коронавирусом стремительно растет по всей территории США, правительства США и Канады оставили в силе договоренность о закрытии самой протяженной в мире международной границы до 21 января 2021 года.

Перейти границу можно лишь медицинским работникам и водителям грузовиков, перевозящих товары, а также в случае наличия веских причин – если человек может доказать, что визит преследует жизненно важные цели или что у него есть ближайшие родственники в Канаде, а также нет симптомов коронавируса и имеется место и средства для пребывания в 14-дневном карантине.

Ограничено и передвижение американцев через Канаду по пути на Аляску. Американские путешественники, направляющиеся в северный штат, могут проехать только через пять пунктов досмотра на западе Канады, и должны взять на себя обязательство следовать прямым маршрутом.

Граница, протяженностью 8891 км (включая 2500 км границы с Аляской) не была полностью закрыта даже после трагедии 11 сентября 2001 года. Усиленный пограничный контроль в связи с терактами осуществлялся только в крупнейших пунктах досмотра.

На деревенских дорогах, в сельскохозяйственных районах, полях и лесах не встречаются ни таможенные пункты, ни какие-либо пограничные ограждения. Это, конечно, говорит о близости двух государств, об их уникальных отношениях, ведь когда мы говорим об американской границе (особенно в последние годы), сразу представляется южная американско-мексиканская граница – с бетонной стеной и железными оградительными барьерами.

Предыстория американско-канадской границы

В период заселения континента представителями Британской империи и Королевства Франция в XVII в. попытки разграничить территорию сводились к договоренностям между индейскими племенами, которые поддерживали обе стороны. Первая линия разграничения Новой Франции и Новой Англии была установлена Утрехтским миром 1713 г., который передал Великобритании Акадию и Ньюфаундленд, а также побережье Гудзонова залива [1]. С потерей влияния Франции в Новом Свете, все больше территорий оказывались под контролем английской короны и после Семилетней войны (1756–1763 гг.) Новая Франция окончательно отошла Великобритании.

Для Лондона фактически не существовало разницы между британскими поселенцами в Квебеке

и Нью-Йорке, однако свободолюбие возобладало именно в 13-и американских колониях. И в ходе Войны за независимость США, будущая территория Канады стала базой для войск Британской империи. Парижский мирный договор 1783 г. стал первым документом, закрепившим границу между США и Британской Северной Америкой. Именно в договоре дипломаты попытались урегулировать многочисленные споры по вопросу границы, но мало знали о действительном положении дел и географии исследуемых земель. Подготовленный ими документ был расплывчатым и нереалистичным, с пространственным упоминанием границы по верхнему пределу Лесного озера до реки Миссисипи.

Только в 1818 г. британо-американская комиссия уточнила западную границу между Канадой и США: «линия от северо-западной части Лесного озера до 49-й параллели, оттуда на запад до Скалистых гор». Великобритания и США сразу объявили о претензиях на территорию Орегона, что привело к серьезному противостоянию в 1840-х гг., когда возникла проблема с определением границы с Русской Америкой.

Во время предвыборной кампании 1844 г. будущий 11-й президент США Джеймс Нокс Полк использовал пограничный спор в предвыборной платформе. Его лозунгом было «54–40 или война!» (он хотел, чтобы вся территория к югу от к югу от Аляски – широты 54°40' принадлежала США) [2]. И хотя Дж. Полк победил на выборах, он решил, что будет вести переговоры. Вашингтонский договор 1846 г. (в канадской историографии известен как Орегонский договор) продлил 49-ю параллель до Тихого океана, расширив территорию США и упрочив её в роли крупной тихоокеанской державы.

Однако даже с учетом споров, определение границы на карте было проще фактического обозначения её на суше. Обе страны назначили пограничные комиссии: американскую возглавил Арчибальд Кэмпбелл, а британскую – Лейтенант Джон Хокинс. Но разногласия возникли еще до выезда на местность – на уровне обсуждения демаркации границы. Д. Хокинс выступал за то, чтобы столбы располагались через каждые полтора километра «на открытой местности». А. Кэмпбелл за то, чтобы отмечать границу, когда она пересекает «водоемы любого размера, тропы или любые природные ограничения». Американцы отказались нести свою долю расходов в случае демаркации всей границы и работа комиссии прервалась на месяцы.

Американо-канадская граница и Сухой закон

Прочные экономические связи соседних стран были очевидны с начала становления государственности США и Канады. К концу XIX в. одной из основных статей дохода канадского бюджета были таможенные пошлины, взимаемые при пересечении границы они составляли 75% всего федерального дохода Канады.

Добрососедские отношения, историческая, культурная и языковая близость возобладали над спорами и окончательное разрешение всех вопросов о границе произошло в 1903 г., когда была восстановлена совместная комиссия США – Канады – Великобритании, закрепившая и определившая правила демаркации на местности. И сегодня собственникам земли запрещается строить что-либо в пределах 6 метров от границы без разрешения Международной комиссии по границам (International Boundary Commission).

В годы сухого закона (1920–1933 гг.) граница приобрела особенное значение – началась контрабанда алкоголя («rum-running»). Контрабанда канадского виски и французского шампанского из Канады в такие крупные города, как Нью-Йорк, Бостон и Чикаго, за один рейс (8 поездных вагонов, либо груженная 22-х метровая лодка) приносила более 100 тыс. долл. (в пересчете на сегодняшний день – более 1 млн долл.). Стоит отметить, что зарплата в Бюро сухого закона (Bureau of Prohibition) составляла около 2800 долларов [5].

Контрабанда шла и транзитом через Канаду – в 1921 г. Квебек за один год импортировал больше шотландского виски, чем за предыдущие 10 лет. Тогда американцы обеспокоились тем, что Канада представляет угрозу моральному здоровью граждан США и пересечение границы усложнилось для сотен тысяч человек.

Антиалкогольная кампания США бросила значительные силы для пропаганды отказа от алкоголя в Канаде или хотя бы для изменения алкогольной политики страны. Сторонники сухого закона как могли оказывали давление на Конгресс, чтобы заставить его ужесточить меры пограничного контроля с Канадой, чего американские политики делать не хотели. Сотрудники Бюро сухого закона и американские полицейские регулярно вступали в стычки с канадскими полицейскими на Великих озерах и в приграничных городах, поскольку часто продолжали преследовать контрабандистов на территории Канады, где уже не обладали юрисдикцией.

Напряженность росла все 1920-е годы, а пиком стало потопление американкой береговой охраной канадского судна, груженого виски в международных водах, в 300 км от американской водной границы. Тогда, в 1929 г., погиб канадский капитан корабля Леон Маинги. Канадские власти вели расследование, пытаясь определить – было ли потопление результатом приказа, исходившего от представителей американского государства (а значит могло быть расценено как акт агрессии) или это превышение полномочий агентами береговой охраны. В конечном итоге было решено, что это случайность.

Но проблемы случались не только в международных водах. Бюро сухого закона негласно разместило своих сотрудников в Канадских портах, чтобы они могли собирать информацию об отгрузке алкоголя и предупреждать коллег. Американская береговая охрана на реке Детройт неодно-

кратно открывала огонь по подозреваемым в контрабанде на канадской стороне реки – американская антиалкогольная война фактически экспортировалась в Канаду. Пограничная проблема подняла вопрос канадского суверенитета.

Ирония заключается в том, что, несмотря на контрабанду, большая часть алкоголя, который пили американцы, не была привезена из Канады. Первоначально гораздо большие партии прибывали из Великобритании и Франции через французские острова Сен-Пьер и Микелон. А к середине 1923 г. бутлегеры начали производить поддельные алкогольные напитки в промышленном количестве и заняли 2/3 рынка в сравнении с контрабандными напитками.

Сегодня вопрос проницаемости границы снова актуален не только в связи с коронавирусом, но и в связи с потенциальной контрабандой, поскольку в Канаде вступил в силу закон о легализации марихуаны – совершеннолетние граждане Канады смогут покупать до 30 граммов марихуаны и выращивать дома до 4 кустов конопли. Конечно, ввоз любого количества марихуаны на территорию США остается незаконным. Существуют опасения, что пограничные службы США могут запретить въезд канадцам, которые работают в канадской индустрии марихуаны.

Однако ситуация схожа со временами Сухого закона – известный своими расследованиями журналист Эрик Шлоссер в своей книге «Рефрижераторное безумие» привел данные, согласно которым в США на начало 2000-х гг. выращивалось больше марихуаны, чем ввозилось из Канады и Мексики.

Современное состояние границы

В 2011 г. была внедрена комплексная инициатива Стивена Харпера и Барака Обамы под названием «За пределами границ: общее видение безопасности и конкурентоспособности» (*Beyond the Border: A Shared Vision for Perimeter Security and Competitiveness*) [3]:

- Обмен миграционной информацией – с 2012 г. страны совместно используют биометрическую информацию и с 2013 г. предоставляют друг другу расширенную информацию (*background checks*).

Это послужило подспорьем для приема Канадой более 30 000 сирийских беженцев.

- На постоянной основе обмениваются информацией о тех, кому запрещены полеты (*no-fly lists*)
- На территории Канады действует Управление транспортной безопасности (TSA) для того, чтобы не перепроверять багаж пассажира по прибытии в США, что облегчило жизнь сотням тысяч путешественников и аэропортам.
- Это же касается грузов, перемещаемых на пассажирских самолетах.
- В приграничных штатах работает совместная радиосвязь правоохранительных органов и экстренных служб.

- США и Канада используют более 40 общих радиолокационных датчиков для обеспечения воздушной безопасности.

Несколько инициатив (в том числе общая система проверки безвизовых путешественников) была приостановлена с приходом к власти администрации Д. Трампа и возможно будет восстановлена в 2021 г.

Теракты 11 сентября 2001 г. и американо-канадская граница

С 9:45 утра (после того как первый самолет врезался в первую башню Всемирного торгового центра) до утра 14 сентября ни один гражданский самолет (кроме самолетов медицинской службы и полиции) не поднялся в воздух, не приземлился и ни один не был допущен к пролету над территорией США. Водные и наземные границы США были переведены на особый режим работы, была значительно снижена их пропускная способность. Это сказалось на десятках тысяч пассажиров по всему миру.

На 9:45 утра 11 сентября в воздухе находились более 500 самолетов, направлявшихся на север США. Часть удалось развернуть, а почти 300 самолетов, более 30 тыс. пассажиров, следовавших в США, были допущены в Канадские аэропорты.

Самый большой удар принял на себя остров Ньюфаундленд – в городе Гандер с населением 10 тыс. человек оказалось 7 тыс. пассажиров, немногочисленные гостиницы моментально заполнились и тогда жители города открыли для пассажиров свои дома, а школы Ньюфаундленда организовали группы поддержки пожилым пассажирам – молодые люди помогали им связаться с родственниками, обеспечивали питанием и собирали сведения о необходимых медикаментах. Ответная инициатива американцев не заставила себя ждать – во время одного из первых рейсов из Ньюфаундленда в Нью-Йорк 17 сентября 2001 г. пассажирка самолета Ширли Брук-Джонс предложила собрать деньги для канадских школьников. К концу полета было собрано 15 тыс. долларов, а к 2014 году «Фонд пассажиров 11 сентября» собрал 1,5 млн долларов на стипендии школьникам Ньюфаундленда [4].

Проницаемость американо-канадской границы

Тонкая граница между США и Канадой отражает взаимоотношения американского и канадского общества. Некогда единый народ, ядро которого составляют белые англо-саксонские протестанты был разделен четкой границей территориально, что способствовало, по словам географа Дональда Мейнига, формированию национальной идентичности обеих стран: «американская революция создала не одну, а две страны».

В ряде пограничных районов штатов Нью-Йорк и Мэн по сей день сохранились здания, через которые прошла граница между США и Британской Канадой. Например, библиотека и Оперный театр

Хаскелла – пересекает международную границу Квебека и Вермонта. Здание имеет два разных адреса: 93 Касуэлл-авеню, Вермонт, США и 1-я Черч-стрит, Квебек, Канада. В отдаленных районах не расположены пункты контроля, на дорогах, по лесистым районам вблизи границы, по железнодорожным путям хоть и расположены скрытые датчики, однако пересечение границы остается относительно свободным.

После завершения пандемии коронавируса американо-канадская граница должна вернуться к открытости и прозрачности. Она продолжит служить примером добрососедских отношений и снова будет резко отличаться от границы между США и Мексикой.

Литература

1. Курилла И.И. Американо-канадская граница: исторический очерк / Северная Америка. Век девятнадцатый. <https://america-xix.ru/library/kurilla-us-canada-border/>
2. Пограничный спор Канады и США – ключ к богатствам Арктики. / BBC Русская служба. 2 августа 2010. https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100802_canada_arctic_usa
3. За границей: Общий взгляд на безопасность по периметру и экономическую конкурентоспособность / Министерство национальной безопасности. <https://www.dhs.gov/beyond-border>
4. Дубрей В. 9/11 и Канада. Канадская энциклопедия. 26 января 2015 года <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/canada-and-911>
5. Сисмондо К. Канада легализует марихуану, США прибегают к тактике, вдохновлен-

ной сухим законом / MacLean's. 8 октября 2018 года <https://www.macleans.ca/opinion/as-canada-makes-marijuana-legal-america-looks-to-prohibition-era-tactics/>

THE U.S. NORTHERN BORDER AND THE HISTORY OF THE U.S.-CANADIAN RELATIONS

Filippenko A.A.

Institute of the United States of America and Canada studies

The United States and Canada exemplify good neighborly relations. The transparency of the border is strikingly different from the U.S. barrier with Mexico. But this was not always the case: the American Revolution effectively created the two countries by moving the loyalists of the British throne into Canadian territory and de jure dividing the once united nation. Since then, the two countries have had to go through many challenges: disputes over demarcation and the eel of war in the nineteenth century, clashes during Prohibition in the United States and the tragedy of September 11, 2001, when Canada welcomed hundreds of thousands of passengers who were in the air. This article examines the history of the formation of the US-Canadian border as well as the current state of the northern U.S. border.

Keywords: US border, US-Canadian border, immigration policy, prohibition, 9/11 terrorist acts.

References

1. Kurilla I.I. The American-Canadian Frontier: A Historical Sketch / North America. The Nineteenth Century. <https://america-xix.ru/library/kurilla-us-canada-border/>
2. Canada-US border dispute – the key to Arctic riches. / BBC Russian Service. 2 August 2010. https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100802_canada_arctic_usa
3. Beyond the Border: A Shared Vision for Perimeter Security and Economic Competitiveness / Department of Homeland Security. <https://www.dhs.gov/beyond-border>
4. Dubreuil B. 9/11 and Canada. The Canadian Encyclopedia. January 26, 2015 <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/canada-and-911>
5. Sismondo C. As Canada makes marijuana legal, the U.S. resorts to Prohibition-inspired tactics / MacLean's. October 8, 2018 <https://www.macleans.ca/opinion/as-canada-makes-marijuana-legal-america-looks-to-prohibition-era-tactics/>

Служебный подлог, совершаемый российскими судьями: незаконность квалификации по статье 292 Уголовного кодекса РФ

Митрофанов Андрей Павлович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Алтайского государственного университета
E-mail: apm.73@yandex.ru

На основании предыдущего авторского исследования указывается на то, что судьи РФ ежегодно совершают более 100 тысяч преступлений в форме фальсификации судебных актов и протоколов судебных заседаний. Отмечается, что указанные преступления чаще всего остаются без уголовного наказания, но в случае уголовного преследования всегда квалифицируются по статье 292 УК РФ. Сравниваются между собой служебные подлоги, совершаемые судьями и представителями исполнительной власти. Анализируются признаки преступного деяния в форме фальсификации судебного акта и протокола судебного заседания на предмет соответствия признакам состава преступления «Служебный подлог». Сделан вывод о противоречии между сущностью криминального деяния и сущностью статьи 292 УК РФ, если субъектом преступления является судья. Обосновывается утверждение о незаконности применения указанной статьи по отношению к судьям. Предлагается применять статью 292 УК РФ исключительно к представителям исполнительной власти. Рассматриваются разные варианты решения проблемы, которая заключается в применении статьи 292 УК РФ по отношению к судьям в порядке аналогии уголовного закона.

Ключевые слова: судейская преступность, аналогия закона, уголовная политика, правосудие, судопроизводство, суд, судейский служебный подлог.

Мельхиор Гримм верно подметил, что доказательством варварского происхождения России является ужасное состояние российского уголовного права [2, с. 255]. Примерами уголовно-правовой отсталости РФ являются многолетнее игнорирование законодателем и правоприменителем **уголовной** сущности **КоАП РФ** [8], а также использование объективного вменения в указанном кодексе. Недостатки уголовной науки, уголовного закона, уголовного правоприменения лучше всего заметны на примере преступлений против государственной власти, если субъектом криминального деяния является представитель указанной власти. Такие преступления размещены в десятом разделе **УК РФ** [17], при этом особого внимания заслуживает ст. 292 УК РФ.

В предыдущем исследовании [13] автор при помощи всероссийского опроса адвокатов установил, что судьи РФ ежегодно совершают более 100 тысяч преступлений в форме фальсификации протокола судебного заседания и (или) судебного акта. Кроме того, автор криминологически обосновал необходимость изучения и классификации **служебного подлога** (далее по тексту – **СП**), исходя из принадлежности субъекта преступления к определенной ветви государственной власти (ст. 10 Конституции РФ [11]) с учётом государственных функций, при осуществлении которых совершено криминальное деяние.

В рамках названной классификации существуют принципиально разные формы СП, но в науке изучен только один вид – это **служебный подлог, совершаемый представителями исполнительной власти**. Указанная власть до 1917 года в России называлась **карательной**, что гораздо точнее отражает сущность власти, поэтому такая форма СП далее по тексту будет называться **карательным служебным подлогом** или **КСП**. Судебная практика КСП обширна, при этом уровень качества ст. 292 УК РФ очень низкий, однако доктрина не замечает недостатки указанной нормы и основанной на ней практики. Вовсе не изучен **служебный подлог, совершаемый представителями законодательной власти** (далее по тексту – **ЗСП**). Сущность ЗСП является абсолютной тайной для науки, практики и законодательства, хотя предметом преступления является УК РФ (например, законодатель внес заведомо ложные сведения в ч. 1 ст. 1 УК РФ).

Среднее положение между КСП и ЗСП (в аспекте изученности) занимает **служебный подлог, совершаемый судьями в ходе рассмотрения судебных дел** (далее по тексту – **судейский служебный подлог** или **ССП**). В случае ССП в распоряжении ученых имеется судебная практика, а также очевидная порочность ст. 292 УК РФ. С точки зрения **сущности** указанная статья сконструирована исключительно для КСП и не предназначена для ССП. Нельзя рассматривать ССП по аналогии с КСП (по сути это разные, но внешне похожие деяния), но именно этим занимаются правоприменители и ученые.

На первый взгляд, служебный подлог достаточно хорошо изучен, так как неоднократно подвергался научным исследованиям: например, Г.В. Журавлева (2007 г.), О.В. Чесноков (2009 г.), А.Н. Харченко (2012 г.) защитили кандидатские диссертации по темам, которые непосредственно связаны со ст. 292 УК РФ (по тематике СП докторских диссертаций нет). К указанным трудам можно добавить работы ученых, которые изучали **должностные** преступления или преступления **против правосудия**: В.И. Динека (2000 г.), Л.В. Лобанова (2000 г.), С.А. Денисов (2002 г.), А.Я. Аснис (2005 г.), Т.Б. Басова (2005 г.), Ю.И. Кулешов (2007 г.), А.Н. Халиков (2012 г.), В.Н. Борков (2018 г.), Я.Н. Ермолович (2020 г.) и другие. Во всех диссертациях и монографиях отсутствует рассмотрение феномена ССП.

Аналогичная ситуация – умолчание о феномене ССП – сложилась на уровне учебной литературы. В.Б. Боровиков (2020 г., «Юрайт»), А.В. Бриллиантов (2020 г., «Проспект»), В.В. Сверчков (2020 г., «Юрайт») – под редакцией этих лиц изданы учебники, в которых нет никакой информации о ССП. Научные комментарии УК РФ раскрывают сущность ст. 292 УК РФ лишь частично, так как все авторы рассматривают СП как преступление, совершаемое исключительно представителями исполнительной власти.

О.С. Капинус (2018 г., «Проспект»), В.М. Лебедев (2020 г., «Юрайт»), А.И. Чучаев (2019 г., «Проспект») – под редакцией этих ученых изданы комментарии УК РФ, в которых ССП никак не рассматривается. Обзор научных диссертаций, монографий, комментариев УК РФ, учебников можно продолжить (выше указаны **недавно изданные** труды), но в этом нет смысла. Все доктринальные источники обладают общим признаком: они игнорируют **судейскую преступность** в целом, а также феномен ССП в частности, то есть наука не замечает отличий между ССП и ст. 292 УК РФ, которая пригодна только для КСП.

Допустим, что ученые не имели достоверной информации о распространенности ССП, так как впервые такие сведения появились совсем недавно [13]. Реальное количество ССП превышает 100 тысяч ежегодно, причем указанные преступления совершаются по всей территории РФ и во всех процессуальных порядках судопроизводства. Однако в распоряжении ученых имелись сведения

официальной криминальной статистики, которые тоже подтверждают существование ССП. Приговоры в отношении судей по ст. 292 УК РФ выносятся ежегодно, начиная с 1997 г. и по настоящее время. Ученые были обязаны заметить (но никто не заметил), что признаки состава преступления (ст. 292 УК РФ) явно противоречат сущности ССП. Кажущийся парадокс (отсутствие научных исследований при очевидной порочности уголовной нормы и судебной практики) можно и нужно объяснить, так как «исследователь не должен оставлять что-либо без внимания или что-либо обходить; его задача состоит в том, чтобы в каждом вопросе раскрывать истину» [1, с. 249].

Ш. Монтескье разработал классификацию [14, с. 15], согласно которой РИ, СССР и РФ относятся к **государствам с деспотическим образом правления**. Главным принципом подобных государств является страх [14, с. 33, 62, 63], поэтому страхом охвачены начинающие ученые, научные руководители, редакторы научных журналов, члены диссертационных советов. Кроме того, практически вся российская наука традиционно (со времен СССР) находится в материальной и (или) административной зависимости от государственной власти. Указанная власть негласно препятствует тому, чтобы **лица, назначенные на должность указами Президента РФ** (федеральные судьи, прокуроры субъектов и проч.) привлекались к уголовной ответственности. Нормы гл. 52 **УПК РФ** [16] – это всего лишь инструменты, которыми государственные органы пользуются недобросовестно, если речь идет о преступниках, получивших судебские полномочия из рук Президента РФ. Главная причина недобросовестности и лицемерия заключается в уголовной политике государственной власти, которая тайно запрещает научное исследование и публичное обсуждение **судейской** преступности. Нельзя забывать и о том, что **традиции** жизненно **необходимы для сохранения** любого **деспотического государства** [14, с. 289, 290]. В эпоху СССР судебская преступность вовсе не изучалась в уголовном праве и криминологии – указанная традиция заботливо сохраняется в РФ. Следует отметить, что постсоветские (ранее – советские) юридические науки криминального цикла отказываются изучать **реальные общественные отношения**, ограничиваясь исследованиями законодательства и судебной практики.

Итак, достаточно сказано об отсутствии научных исследований применительно к ССП, а также о причинах плачевного состояния уголовного права и криминологии в сфере служебного подлога. Теперь необходимо объяснить: в чем именно заключаются сущностные противоречия между ССП, КСП и ст. 292 УК РФ? Указанная статья никогда не должна применяться по отношению к судьям, но изредка может применяться к представителям исполнительной власти, если субъект преступления понимает **уголовный закон** (наличие умысла). Для подтверждения этой гипотезы необ-

ходимо сравнить между собой сущностные признаки ССП, КСП и ст. 292 УК РФ.

1) Различия в предмете преступления. Предмет преступления ССП и предмет преступления КСП всегда являются принципиально разными документами, которые никогда не совпадают по форме и содержанию в силу разной логики составления. В случае КСП в качестве предмета преступления могут выступать самые разные документы, **за исключением документов, составленных судьями**: листок временной нетрудоспособности, медицинская книжка, справка о заработной плате, экзаменационная ведомость, зачетная книжка. Действует правило негативного исключения, поэтому статус автора документа позволяет безошибочно определить разновидность служебного подлога. В случае ССП предметом преступления всегда является документ, составленный судьей: либо судебный акт, либо **протокол судебного заседания** (далее по тексту – **ПСЗ**) и *tertium non datur*. Важно подчеркнуть, что ПСЗ является **доказательством** (например, ст. 83 УПК РФ). Следовательно, фальсификация ПСЗ силами судьи должна квалифицироваться по ст. 303 УК РФ, но судья отсутствует в перечне субъектов преступления, поэтому квалификация по ст. 292 УК РФ является вынужденной аналогией уголовного закона. Второй вариант ССП – это фальсификация **итогового судебного акта** (фальсифицируется значительно реже, чем ПСЗ). Чаще всего такой документ принимается **«именем РФ»**, что указывает на особенно важный характер итогового судебного акта, который **имеет силу закона для лиц, участвующих в деле**.

Необходимо отметить порочность приговора, который «именем РФ» вынес мировой судья – такой судья назначается на должность властью **субъекта РФ**, поэтому не имеет сущностного права выступать от имени всего государства. В любом случае итоговое решение суда является **мнением всего государства**, а не только мнением судьи, при этом суд выступает от имени всех видов власти (законодательной, исполнительной, судебной). Итоговый судебный акт может являться доказательством: в узком (формальном) смысле это преюдиция (например, ст. 90 УПК РФ), а в широком (сущностном) смысле итоговое решение доказывает какие-либо обстоятельства. **Промежуточный** судебный акт в силу меньшего значения фальсифицируется реже, чем итоговый судебный акт, однако тоже является предметом преступления, в отличие от ст. 305 УК РФ. В случае ССП предмет преступления (любые судебные акты и ПСЗ) всегда составляется представителем судебной власти в рамках судопроизводства с целью использования в сфере правосудия. Следовательно, фальсификация любых судебных актов и ПСЗ должна рассматриваться в рамках гл. 31 УК РФ, но фактически рассматривается в рамках гл. 30 УК РФ.

Напротив, в случае КСП предметом преступления является документ, который всегда составля-

ется представителем исполнительной власти вне рамок судопроизводства с целью использования в сфере исполнительной власти, то есть квалификация КСП по ст. 292 УК РФ формально безупречна. Фальсификация документа, составленного в сфере исполнительной власти, может породить два разных варианта уголовной ответственности (в зависимости от конечной цели использования документа), при этом оба вида квалификации преступления являются правильными. Если постановление по делу об АПН будет выноситься **органом исполнительной власти**, тогда фальсификация протокола об АПН верно квалифицируется по ст. 292 УК РФ (гл. 30). Если же дело об АПН будет рассматриваться **органом судебной власти**, тогда фальсификация протокола об АПН правильно квалифицируется по ст. 303 УК РФ (гл. 31).

2) Различия в объекте преступления. Должностные преступления (в том числе – все формы СП) отличаются от прочих преступлений тем, что реальный объект должностных преступлений гораздо шире, чем отношения, связанные с публичной властью (нужно учитывать благополучие личности и общества). По этой причине квалификация СП не может осуществляться преимущественно по объекту, напротив, приоритет получают прочие признаки преступления (предмет преступления, статус субъекта, обстановка, характер последствий) [4, с. 266]. Сущность КСП чаще всего соответствует названию гл. 30 УК РФ, но иногда соответствует названию гл. 31 УК РФ, при этом представители исполнительной власти законно привлекаются к ответственности за фальсификацию документов в рамках обеих указанных глав. Напротив, сущность ССП идеально соответствует названию гл. 31 УК РФ и явно противоречит названию гл. 30 УК РФ, при этом судьи за фальсификацию судебных документов всегда привлекаются к ответственности в рамках гл. 30 УК РФ, что нарушает требования логики и здравого смысла.

Объект преступного посягательства заслуживает особого внимания при квалификации преступления [12, с. 136], в процессе сравнения преступного деяния и признаков состава соответствующей уголовной нормы. Статьи Особенной части УК РФ неслучайно группируются в разделы и главы на основании **основного объекта преступления**. Классификация по объекту, главному элементу состава преступления [7, с. 24, 71, 72], имеет колоссальное значение для квалификации преступления и правоприменения в целом. Любой принцип, в том числе включенный в текст закона (например: ст.ст. 3–7 УК РФ), никогда не имеет абсолютного характера. Из общего правила (принципа) в определенных условиях возможно исключение, но каждое исключение должно быть научно обоснованным.

В действующей редакции УК РФ есть примеры того, как законодатель необоснованно нарушает принцип группировки статей по главам (исходя из объекта преступления). Этот печальный факт подтверждает лишь юридическое невежество

и (или) злой умысел законодателя, но не опровергает принцип обязательного учета основного объекта преступления для распределения статей по разделам и главам. Группировка норм в отдельных главах имеет существенное значение, так как между собой конкурируют не только статьи Особенной части УК РФ, но и главы (в случае ССП – статьи 292 и 303; главы 30 и 31). Конкуренция глав означает, что выбор главы для размещения статьи должен быть научно обоснован с точки зрения основного объекта преступления. Применяемый законодателем принцип «универсальности», о котором пишет профессор Я.Н. Ермолович [6, с. 15, 17], фактически является принципом «произвольности» и «антинаучности». В нашем случае **глава 31 УК РФ является специальной по отношению к главе 30 УК РФ**, поэтому уголовная норма об ответственности за совершение ССП должна находиться в гл. 31 УК РФ (в силу основного объекта преступления и государственной функции субъекта преступления) [6, с. 61].

3) Различия в объективной стороне. Преступное действие тоже различается: в случае ССП практически всегда используется интеллектуальный способ, а в случае КСП используются либо интеллектуальный, либо материальный, либо сочетание обоих способов. Для анализа служебного подлога существенное значение имеет **обстановка совершения деяния** [7, с. 33; 4, с. 266], так как в случае ССП криминальное действие является неотъемлемой частью судопроизводства (в целом) и судебного заседания (в частности). Составление судебных актов и ПСЗ является не только должностной обязанностью судьи, но составляет сущность правосудия, которое немыслимо без достоверных судебных актов и ПСЗ. По этой причине нужно квалифицировать ССП через норму, которая расположена в гл. 31 УК РФ.

Напротив, в случае КСП криминальное деяние никогда не является частью судопроизводства и судебной власти – это повседневная деятельность представителей исполнительной власти, поэтому КСП правильно квалифицируется по ст. 292 УК РФ (гл. 30). Если же криминальное действие является досудебным этапом для неизбежной судебной процедуры, например, фальсификация протокола об АПН по ст. 12.26 КоАП РФ, тогда деяние обоснованно квалифицируется по ст. 303 УК РФ (гл. 31).

4) Различия в субъективной стороне. Вина в форме прямого умысла (субъект **осознает** общественную опасность действий, **предвидит** возможность наступления общественно опасных последствий и **желает** наступления последних) возможна только в том случае, когда субъект не только **знает** уголовный закон, но и **понимает** сущность уголовного запрета. В противном случае высока вероятность объективного вменения [7, с. 35], что характерно для КСП и нехарактерно для ССП.

Многие **судьи** не знают или не понимают сущность УК РФ – данный факт подтверждается огромным количеством итоговых судебных актов, измененных и отмененных на основании ст. 389.18

УПК РФ, а также мизерным количеством приговоров по ст. 305 УК РФ. Незаконные судебные акты, нарушающие нормы УК РФ, нередко выносят судьи любого уровня: от мирового судьи до судьи Верховного Суда РФ – этот факт убедительно подтверждается надзорной практикой по уголовным делам. Это означает, что **многие судьи страдают правовым невежеством** – этот недостаток присущ не только начинающим, но и опытным судьям. Если судьи Верховного Суда РФ периодически нарушают уголовный закон по причине незнания или непонимания УК РФ, тогда презумпцию уголовно-правовой грамотности (**незнание или непонимание уголовного закона не освобождает от уголовной ответственности**) рискованно распространять на судей нижестоящих судов. Трансляция указанной презумпции на представителей исполнительной власти вообще противоречит логике и здравому смыслу. В случае КСП большинство субъектов преступления не имеет диплома о **юридическом** образовании или имеет указанный диплом, но не понимает сущность УК РФ – такие субъекты не должны привлекаться к **уголовной** ответственности (достаточно дисциплинарной или административной).

Важнейшая для уголовного права, но не закреплённая в законодательстве **презумпция уголовно-правовой грамотности** относится к негласному, но постоянно применяемому принципу уголовного права – **принципу практической целесообразности**. Названная презумпция почти всегда может применяться по отношению к судьям, ибо **«кому дано много, много и требуется, и кому много вверено, с того больше взыщут»** [3, с. 1265]. В случае КСП применение презумпции чаще всего является ошибкой, так как прямой умысел нередко отсутствует в силу уголовно-правового невежества подсудимого. Законодатель вводит обязательные признаки (мотив и заведомость) в интересах юридически необразованных представителей исполнительной власти. Цель – уменьшение уголовной репрессии, которая основана в большей степени на **корыстном мотиве или личном интересе**, чем на фальсификации документа. Указанные признаки являются вынужденными и неправильными мерами, которые позволяют частично компенсировать порочность ст. 292 УК РФ.

Сущность мотива (корысть и личная заинтересованность) явно противоречит сущности буржуазного государства, которым формально является РФ, но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения в рамках другого исследования. Пока ограничимся указанием на то, что заведомость и мотив не являются обязательными признаками при квалификации преступления по ст. 303 УК РФ, следовательно, в случае ССП указанные признаки не должны быть обязательными. Желательно убрать мотив из ст. 292 УК РФ или хотя бы указать иной мотив, так как существующий вариант мотива противоречит здравому смыслу с точки зрения буржуазных общественных отношений, принципу

определенности уголовного закона, требованиям юридической техники.

5) Различия в субъекте преступления. По статусу виновного можно судить о сфере разрушенных общественных отношений [4, с. 266]. В очередной раз наблюдаем принципиальные различия между сущностью ССП и ст. 292 УК РФ, которая сконструирована только для КСП. В случае КСП в качестве субъекта преступления никогда не выступает представитель судебной власти, это всегда представитель исполнительной власти, причём чаще всего преступник обладает минимальной властью (врач, преподаватель и проч.) и не имеет юридического образования. Уголовная политика РФ в отношении таких субъектов чрезмерно жестока: каждое письменное заявление о совершении КСП регистрируется без проблем, успешно проводится проверка сообщения, возбуждается уголовное дело и передается в суд, который практически всегда выносит обвинительный приговор. Из этого правила есть исключения (например, прокурор и следователь), что объясняется пороками уголовной политики, а не нормами гл. 52 УПК РФ.

В случае ССП субъект преступления – это всегда представитель судебной власти, причем обладающий чрезвычайно большим объемом властных полномочий (лишение свободы, собственности и проч.). Преступник должен являться не только элитным юристом, но и воплощением добродетели, так как должность судьи превосходит абсолютно все государственные должности (включая Президента РФ) по требованиям юридической образованности [5] и нравственного совершенства [9].

С одной стороны, высокие нравственные качества **являются для судьи обязательным качеством** личности, но для представителя исполнительной власти – только желательным качеством. С другой стороны, нравственные качества для судьи гораздо важнее, чем образованность – в эпоху СССР судьи чаще всего не имели юридического образования. Значение судебской нравственности для общества и общественная опасность судебской безнравственности прекрасно изложены в трудах Платона [15, с. 791, 795, 810, 818, 841, 1104] и Аристотеля [1, с. 174, 187, 195, 296, 297].

В случае ССП субъект преступления всегда занимает или **государственную должность РФ** (федеральные судьи), или **государственную должность субъекта РФ** (мировые судьи) – указанный признак отсутствует при КСП. Уголовная политика РФ в отношении судебского сообщества является глубоко порочной в силу избыточного доверия исполнительной власти к судьям: в случае ССП сложно **зарегистрировать** письменное заявление о совершении судьей служебного подлога, еще сложнее **добиться проверки** такого заявления, практически невозможно возбудить уголовное дело.

Исследуя ССП на уровне субъекта преступления, нельзя умолчать об уникальной особенности судей, которая вовсе не изучена в науке, но является одной из основных причин развития су-

дейской преступности, а также позволяет понять сущность любого профессионального судебного преступления. Замкнутость какого-либо профессионального сообщества людей; изолированность сообщества от всего общества; включение новых членов в состав сообщества силами сообщества; исключение из числа членов сообщества силами сообщества; очень слабый контроль со стороны общества (независимость и самостоятельность сообщества); установление силами сообщества собственных (чаще всего – неформальных) правил поведения для членов сообщества; вынесение наказания для членов сообщества силами самого сообщества; доверительные отношения между членами сообщества; отсутствие у членов сообщества доверия к членам общества; бессрочный (пожизненный) статус – это очень опасные факторы, провоцирующие активное развитие преступности внутри сообщества. Между судебским сообществом и профессиональным преступным миром наблюдается удивительное совпадение по всем вышеуказанным признакам (достаточно сравнить карьерный путь федерального судьи и вора в законе), которые отсутствовали в эпоху СССР и возникли в постсоветский период, когда ложное благо (иллюзорная независимость судей) привело к возникновению и активному развитию зла (фактическая безнаказанность судей) [1, с. 320, 342]. Указанная черта судей принципиально разделяет ССП и КСП в аспекте субъекта преступления.

Итак, сравнение сущностных элементов ССП, КСП и ст. 292 УК РФ закончено – результаты анализа позволяют утверждать, что указанная статья **формально** подходит для квалификации КСП, однако с точки зрения **сущности** нужно квалифицировать КСП, не применяя уголовный закон. Для КСП требуется дисциплинарная и (или) административная ответственность – **в КоАП РФ используется объективное вменение, которое чаще всего применяется при квалификации КСП**. Расположение ст. 292 в главе 30 УК РФ является правильным, если статья применяется по отношению к КСП, ибо признаки состава преступления соответствуют сущности деяния. Недостатки (ст. 292 УК РФ), корни которых находятся в уголовном праве СССР (чрезмерное количество оценочных понятий, предмет преступления во множественном числе, обязательный мотив, который является мотивом любого буржуазного общества и проч.), могут быть решены при помощи редактирования ст. 292 УК РФ, а также добавления примечания к указанной статье (если термин «официальный документ» останется в диспозиции) либо без добавления примечания (если термин «официальный документ» будет исключен).

Совсем иначе, а точнее – абсолютно незаконно, выглядит квалификация ССП по ст. 292 УК РФ, но именно так квалифицируются на практике все случаи ССП, начиная с 01.01.1997 года и по настоящее время. Возможные возражения, основанные на якобы незначительном количестве деяний

(примерно два приговора ежегодно), необходимо отклонить в силу недостоверности официальной криминальной статистики. Судейская преступность в РФ скрывается по причине порочной уголовной политики, которая когда-нибудь должна измениться (или государство должно разрушиться).

Под квалификацией преступления, которая является ключевым понятием уголовного права [4, с. 265], необходимо понимать «**установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления**, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [12, с. 5], но указанное определение явно нарушается в случае ССП. Квалификация ССП по ст. 292 УК РФ противоречит логике и здравому смыслу, так как все элементы деяния не соответствуют признакам состава, который появился в 1922 году (ст. 116 УК Р.С.Ф.С.Р.) [18], чтобы наказывать представителей исполнительной власти. В СССР не признавали принцип разделения властей, поэтому советские судьи были представителями исполнительной власти, следовательно, фальсификация документов в исполнении судьи и сотрудника милиции квалифицировалась одинаково. Отметим, что в эпоху СССР судейская преступность практически отсутствовала, так как с указанной преступностью успешно боролись без применения уголовного закона (тотальный контроль над судьями со стороны исполнительной, прежде всего – партийной, власти). Иллюзия о том, что феномен «правосудие» существует и нуждается в уголовной охране, впервые появилась в 1960 году (название гл. 8 УК РСФСР) [19] и продолжается по настоящее время (название гл. 31 УК РФ). До указанной даты Советское государство, **традиционно антиправовое** по своей сущности, успешно обходилось без уголовной защиты «правосудия».

Если придерживаться взглядов, что в современной России имеются право, правосудие и разделение властей (не формально, а по существу), тогда ССП необходимо квалифицировать по статье, которая должна располагаться в гл. 31 УК РФ. Следовательно, ССП нельзя квалифицировать по ст. 292 УК РФ, так как указанная статья находится в гл. 30 УК РФ. В случае ССП квалификация преступления по ст. 292 УК РФ фактически означает отсутствие необходимой уголовной нормы, а также **применение аналогии уголовного закона**, которая запрещена ст. 3 УК РФ, но характерна для советского и постсоветского уголовного права (аналогия активно используется в науке, криминальном законодательстве и практике). Указанные проблемы необходимо срочно решать, так как судьи незаконно привлекаются к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ (начиная с 01.01.1997 года и по настоящее время). Решение проблем зависит от мнения российского государства по важнейшим вопросам: «Существуют ли «право», «правосудие» и «разделение властей» в РФ? Нуждается ли государство в указанных феноменах?»

Если законодатель считает, что названные феномены отсутствуют в РФ или не нужны государству, тогда необходимо упростить структуру УК РФ. Для этого гл. 31 нужно исключить; перенести в главу 30 все статьи, которые сегодня находятся в главе 31. В таком случае **желательно** изменить Конституцию РФ (ст.ст. 18, 32, 50, 52, 118, 124 и п. 5 раздела 2) и УК РФ (ст.ст. 294, 295 УК РФ), исключив термин «правосудие». Конституцию РФ и УК РФ можно не менять, ибо фактическое отсутствие правосудия – при одновременном указании на правосудие в конституциях и уголовных кодексах – является многолетней российской традицией.

В России термин «правосудие» использовался в 1937 году (ст. 107 Конституции РСФСР) [10], когда правосудия не могло быть в принципе. Следует отметить, что исключение гл. 31 гораздо лучше, чем переименование указанной главы (например, «Преступления против **судопроизводства**»), так как переименование не устраняет противоречий между сущностью ССП и новым названием главы. Кроме того, исключение гл. 31 будет **честным** поступком, так как в России «правосудие» и «право» традиционно являются сугубо формальными категориями и чаще всего не соответствуют реальности. Признать, что в стране отсутствует правосудие – это вариант, основанный на **мужестве** власти, поэтому вариант маловероятный.

Если же правосудие в России существует (или РФ стремится к такому состоянию), тогда необходимо срочно прекратить незаконную практику квалификации ССП по ст. 292 УК РФ. Указанную статью можно применять для квалификации КСП, но только в качестве исключения из общего правила, предполагающего не уголовную ответственность. В случае ССП наилучшим вариантом квалификации преступления будет ст. 303 УК РФ при условии добавления ч. 5 в указанную статью. Судья должен стать субъектом преступления, состав преступления должен стать формальным (в отличие от ч. 2 ст. 292 УК РФ), мотив и заведомость должны стать необязательными признаками, норма должна относиться к категории тяжких преступлений, диспозицию необходимо определить как «фальсификация документа, находящегося в судебном деле». Менее удачным вариантом является добавление ч. 3 в ст. 292 УК РФ: «Внесение лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, ложных сведений в документ судебного дела».

Литература

1. Аристотель. Политика. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 528 с.
2. Бекариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Стелс, 1995. – 304 с.
3. Библия. – Москва: Сибирская Благовонница, 2020. – 1488 с.
4. Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 288 с.

5. Закон РФ от 26.06.1992 N3132–1 (ред. от 31.07.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
6. Ермолович Я.Н. Должностные преступления в российском уголовном праве: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 328 с.
7. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. – Москва: Юриспруденция, 2019. – 336 с.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
9. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
10. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Утв. постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – Москва: Юристъ, 2006. – 304 с.
13. Митрофанов А.П. Служебный подлог, совершаемый российскими судьями: формулирование проблемы // Право и практика. 2020. N4. – С. 159–164.
14. Монтескье Ш. О духе законов. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 690 с.
15. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. – Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2020. – 1311 с.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
18. Уголовный Кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.
19. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.

OFFICIAL FORGERY COMMITTED BY RUSSIAN JUDGES: ILLEGALITY OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 292 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mitrofanov A.P.
Altai state University

Based on the previous author's research, it is indicated that judges of the Russian Federation annually commit more than 100 thousand crimes in the form of falsification of judicial acts and minutes of court sessions. It is noted that these crimes most often remain without criminal punishment, but in the case of criminal prosecution they are always qualified under article 292 of the criminal code of the Russian Federation. Official forgeries committed by judges and representatives of the Executive power are compared. The article analyzes the signs of a criminal act in the form of falsification of a judicial act and the minutes of a court session for compliance with the signs of the crime «Official forgery». The conclusion about the contradiction between the essence of the criminal act and the essence of article 292 of the criminal code, if the offender is a judge. The statement about the illegality of the application of this article in relation to judges is substantiated. It is proposed to apply article 292 of the criminal code of the Russian Federation exclusively to representatives of the Executive power. Various solutions to the problem of applying article 292 of the criminal code of the Russian Federation to judges in the manner analogous to the criminal law are considered.

Keywords: judicial crime, analogy of the law, criminal policy, justice, judicial proceedings, court.

References

1. Aristotle. Politics. – Moscow: RIPOLL classic, 2020. – 528 p.
2. Beccaria H. About crimes and punishments. – Moscow: Stealth, 1995. – 304 p.
3. The Bible. – Moscow: Siberian Blagozvonitsa, 2020. – 1488 p.
4. Borkov V.N. Qualification of official crimes: monograph. – Moscow: YurLitinform, 2018. – 288 p.
5. Law of the Russian Federation of 26.06.1992 N3132–1 (ed. of 31.07.2020) «on the status of judges in the Russian Federation» // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
6. Ermolovich Ya.n. Official crimes in the Russian criminal law: monograph. – Moscow: YurLitinform, 2020. – 328 p.
7. Kadnikov N.G. Qualification of crimes and issues of judicial interpretation: monograph. – Moscow: Jurisprudence, 2019. – 336 p.
8. The Code of the Russian Federation on administrative offenses of 30.12.2001 N195-FZ (ed. of 15.10.2020) // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
9. Code of judicial ethics (approved by the VIII all-Russian Congress of judges 19.12.2012) (ed. from 08.12.2016) // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
10. Constitution (Basic Law) Of The Russian Soviet Federative Socialist Republic. Approved by the resolution of the Extraordinary XVII all-Russian Congress of Soviets of 21.01.1937 // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
12. Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. – Moscow: Yurist, 2006. – 304 p.
13. Mitrofanov A.P. Official forgery committed by Russian judges: formulation of the problem // Law and practice. 2020. N4. – P. 159–164.
14. Montesquieu Sh. On the spirit of the laws. – Moscow: RIPOLL classic, 2018. – 690 p.
15. Plato. Complete works in one volume. – Moscow: ALFA-KNIGA, 2020. – 1311 p.
16. Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 N174-FZ (as amended on 27.10.2020) // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
17. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 N63-FZ (as amended on 27.10.2020) // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
18. Criminal Code of the Russian Federation from 01.06.1922 // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.
19. Criminal code of the RSFSR dated 27.10.1960 g. // [Electronic resource]: SPS ConsultantPlus.

Действительная налоговая обязанность налогоплательщика по налогу на добавленную стоимость в сделке: проблемы определения

Голенев Вячеслав Вячеславович,

аспирант, кафедра финансового права, Университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: vg@vgolenev.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы определения налога на добавленную стоимость по сделке. В НК РФ данный вопрос остался неурегулированным, что привело к судебным разбирательствам между сторонами сделки. Суды по-разному применяли правовые нормы, и практика создала два пути решения данных споров: либо бремя ответственности ложилось на продавца, в случае исчисления налога из цены сделки, либо на покупателя, в случае доначисления налога на сумму сделки. И только с помощью толкования ВАС РФ в Постановлении Пленума от 30.05.2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» удалось прийти к единообразию выносимых решений по данной категории дел. Также в статье были рассмотрены правовые аспекты доначисления налога сверх цены договоров через призму незаконных схем, с помощью которых недобросовестные налогоплательщики избавлялись от лишней доходной базы, и неправильного исчисления государственным органом действительного размера налоговых обязательств по результатам налоговой проверки.

Ключевые слова: закон, налоговое право, Налоговый кодекс Российской Федерации, налог, налог на добавленную стоимость, Федеральная налоговая служба, налоговая проверка, доначисление налогов, договор, свобода договора, сделка, действительная налоговая обязанность.

Законодательное регулирование налоговой обязанности в части выделения суммы НДС по сделке. О возможности предъявления (и выделения) суммы налога на добавленную стоимость (далее – НДС) свидетельствуют п.п. 1, 4 ст. 168 НК РФ [1]. На наличие возможности определять НДС расчетным методом в своих работах указывали Е.Ю. Грачева, М.Ф. Иевлева, Э.Д. Соколова [2].

Так, в п. 1 ст. 168 НК РФ отмечается, что при реализации налогоплательщик (налоговый агент) *дополнительно к цене* реализуемых товаров (работ, услуг), передаваемых имущественных прав обязан предъявить к оплате покупателю этих товаров (работ, услуг), имущественных прав соответствующую сумму налога. При получении сумм оплаты, частичной оплаты в счет предстоящих поставок налогоплательщик должен предъявить покупателю этих товаров/работ/услуг/имущественных прав сумму налога, исчислив ее согласно п. 4 ст. 164 НК РФ.

В свою очередь, в силу п. 4 ст. 168 НК РФ в расчетных документах (в т.ч. в реестрах чеков, на получение средств с аккредитива, первичных учетных документах, в счетах-фактурах) сумма НДС должна быть выделена отдельной строкой.

Обязанность уплаты продавцом в бюджет указанной выделенной и предъявленной суммы НДС покупателю установлена в п. 1 ст. 173 НК РФ, в которой указано, что налог, подлежащий к уплате в бюджет исчисляется по итогам налогового периода, с уменьшением на сумму налоговых вычетов (ст. ст. 171, 172 НК РФ), и увеличенный на суммы восстановленного НДС. Обязанность в законодательстве закрепили, однако в этой связи возникает проблема: каким образом исчисляется НДС при сделке?

Причины возникновения проблемы определения НДС в цене договора по сделке. Такая проблема часто становилась спором между хозяйствующими субъектами, налоговыми органами и неоднократно являлась предметом рассмотрения арбитражных судов.

Она имеет две разновидности: частно-правовую и налогово-правовую.

1. В частно-правовом смысле спорная ситуация обычно выглядит следующим образом. Налогоплательщик (продавец товара, подрядчик работ, исполнитель услуги), находящийся на общем режиме налогообложения (далее – ОН), и уплачивающий в бюджет суммы НДС, вступает в договорные отношения с покупателем. В ходе совершения и исполнения сделки налогоплательщик не выделяет и не выставляет (несознательно или сознательно) покупателю сумму НДС.

Покупатель, оплачивая соответствующие товары, работы, услуги, перечисляет продавцу конечную цену. Затем продавец, обнаруживая, что НДС по сделке не выделен, предъявляет его к оплате покупателю. В случае неоплаты продавец подает в арбитражный суд иск о взыскании задолженности по договору в части суммы НДС.

2. В публично-правовом (налогово-правовом) смысле налоговые органы в ходе проверок могут при выявлении, например, схем «дробления бизнеса», осуществлять для целей налогообложения принудительный «перевод» налогоплательщика с упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) на общую систему налогообложения (далее – ОСН), в связи с чем доначислить НДС сверх цен заключенных налогоплательщиком, состоящем на УСН, сделок и совершенных во исполнение этих сделок хозяйственных операций.

К разрешению данной проблемы логично выделить два основных подхода:

1) НДС следует начислять на цену сделки, указанную в договоре;

2) НДС следует извлекать из цены сделки, указанной в договоре.

Первый подход, описанный выше, стал характерен для судебной практики до 2014 года. Он использовался в отношении договоров подряда, оказания услуг, аренды, поставок для нужд государственных и муниципальных заказчиков. Основанием для применения такого подхода являлось буквальное толкование приведенной выше нормы абз. 1 п. 1 ст. 168 НК РФ, и также разъяснение, данное в п. 15 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 24.01.2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» [3] (далее – Информационное письмо).

При этом, арбитражные суды руководствовались следующими правовыми позициями в обоснование позиции о начислении НДС в дополнение к цене сделки, и мотивировали ее следующим образом:

1) Предъявленные продавцом (истцом) к взысканию суммы НДС сверх упомянутой в договоре стоимости услуг подлежат взысканию с покупателя (ответчика) на основании прямого указания налогового законодательства (п. 1, 3 ст. 168 НК РФ), даже если согласованная сторонами договорная цена работ не включает НДС [4];

2) Не выделенный отдельно НДС не извлекается из цены договора, если победитель торгов применяет упрощенную систему налогообложения (УСН) [5];

3) НДС подлежит взысканию сверх цены работ, если он не был включен в расчет этой цены (пункт 15 Информационного письма) [6];

4) Требование истца о взыскании суммы НДС с ответчика является правомерным независимо от наличия или отсутствия в договоре аренды соответствующего условия и предъявленная к оплате сумма НДС подлежит взысканию сверх договорной цены за аренду [7].

Однако, растущее количество споров по описываемой проблематике заставило Пленум ВАС РФ всерьез рассмотреть вопрос о причинах таких споров и о возможном изменении позиций судебно-арбитражной системы по данному вопросу.

Подходы к разрешению споров о выделении НДС по сделке. Причиной возникновения споров по вопросу доказывания бремени выделения НДС по сделке, и соответственно, риска не учета НДС по такой сделке, стала неурегулированность в законе и в судебно-арбитражной доктрине соотношения положений о свободе договора (ст. 421 ГК РФ) [8], согласованной сторонами сделки цены договора (ст. 424 ГК РФ), и положений НК РФ о публично-правовых обязанностях налогоплательщиков, участвующих в сделках где есть (или должен быть) учтен НДС.

При обсуждении Проекта Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость», которое проходило на Заседании Президиума ВАС РФ 24.04.2014 г., арбитражными судьями и экспертами высказывались следующие позиции относительно проблемы «НДС сверх цены договора или извлекать из цены договора» [9], которые представлены ниже.

С точки зрения действующего гражданского законодательства отмечалось, что указанные споры являются искусственными, и «потерь для бюджета в случае пересчета НДС не будет».

Так, например, отмечалась позиция в поддержку изменения подхода ВАС РФ к разрешению споров по взысканию НДС с контрагента, поскольку НДС есть часть цены, согласованной сторонами сделки; налоговое законодательство в ст. ст. 168, 169 НК РФ содержит гражданско-правовые положения; судебная практика ЕС сходно трактует такие споры. Если же НДС рассматривать «как часть вне целого», то указанное приводит к «завышению рыночной цены» и может быть рассмотрено как «вмешательство в гражданско-правовые отношения, что недопустимо». Таким образом, обязанность предъявить НДС возлагается на продавца (в сделке). Более того, поддерживалось, что буквальное толкование указанных выше статей НК РФ должно быть заменено смысловым.

В свою очередь высказывалась точка зрения, что в данном случае возможно воспользоваться презумпцией из п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [10], которая гласит, что спорные пункты договора необходимо трактовать против того, кто их предложил. Условие о цене сделки всегда предлагается продавцом. Если продавец не смог четко, ясно и недвусмысленно изложить условие об учете НДС в сделке, то риск наступления негативных последствий следует возложить на такого продавца.

По итогам публичного обсуждения данного вопроса разъяснение было принято в проектируемой редакции Постановления Пленума ВАС РФ

и включено в п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» (далее – Постановление № 33) [11]. Таким образом, при не учете НДС в цене сделки должен определяться расчетным путем.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы относительно того, чем руководствовался ВАС РФ при принятии Постановления № 33.

1) Из судебной практики можно заметить, что для арбитражных судов представляло сложность уяснение и разграничение публично-правовых отношений от гражданско-правовых по каждой конкретной спорной сделке. В этой связи ВАС РФ дал четкое указание на то, что исчисление НДС – публично-правовая обязанность налогоплательщика. Следовательно, бремя его уплаты и выделения лежит на продавце, реализующим товар или услугу. Обеспечение выполнения требований учета операций по реализации, где присутствует НДС, также лежит на продавце как налогоплательщике;

2) ВАС РФ не истолковал буквально норму абз. 1 п. 1 ст. 168 НК РФ, а применил телеологическое (целевое) и смысловое толкование данной нормы в совокупности с иными налогово-правовыми нормами, – а именно, в связи с иными обязанностями налогоплательщика НДС по исчислению налога (приведенными выше п. 4 ст. 168, п. 1 ст. 173, а также п. 4 ст. 164 НК РФ);

3) По мнению ВАС РФ, суд в конечном итоге, исходя из конкретных обстоятельств спора, например, наличия преддоговорной переписки, наличия отсылочных норм в договоре, расчетных документов, определяет, учтен НДС по данной сделке или нет, и стоит ли его начислить сверх или извлечь из цены договора.

Представляется удобным рассмотреть некоторые примеры о порядке исчисления НДС с учетом разъяснений ВАС РФ.

Сумма НДС в договоре не отражена. При этом договором не установлено никаких условий о том, включен ли налог в его цену. В нем отсутствует обязанность контрагента уплатить продавцу (подрядчику, исполнителю) НДС дополнительно, «сверх» договорной цены. Из условий договора и фактов, предшествующих его заключению (в частности, из переписки между контрагентами), не следует, что НДС не учтен в цене договора.

Поскольку НДС включен в договорную цену, продавец при выставлении счета-фактуры извлекает сумму НДС из цены договора. Для этого договорная цена умножается на 20/120 (до 2019 года – 18/118) или 10/110 – в зависимости от того, по какой ставке облагается реализуемая продукция или передаваемые имущественные права (пункт 4 статьи 164 НК РФ).

НДС в условиях договора не отражен. При этом имеются хотя бы одно из следующих положений:

– в договоре указано, что налог в цену не включен (в частности, в договорном условии о цене имеется оговорка «без НДС»);

– в договоре на покупателя (заказчика) возложена обязанность уплатить налогоплательщику-продавцу НДС сверх договорной цены;

– из других условий договора или фактов, предшествующих заключению Договора (переписка сторон, содержание коммерческих предложений и т.д.), можно прийти к выводу, что в составе договорной цены НДС не учтен.

В таком случае продавец выставляет покупателю (заказчику) счет-фактуру с выделенным НДС, сумму которого продавец (исполнитель, подрядчик) рассчитывает и предъявит сверх цены договора. Т.е. сумма налога, упомянутая в условии договора о цене, продавец умножает на 20 (18)% или 10% – в зависимости от того, по какой ставке облагаются реализуемая продукция или имущественные права (п. 1 ст. 168 НК РФ) [12].

Судебная практика поддержала именно такой подход в частно-правовых спорах.

Например, в одном из дел ВС РФ отметил [13], что если при заключении сделки ее стороны, основываясь на принципе свободы договора (ст. 421 ГК РФ), не договорились об отступлении от общего правила о том, что риск неправильного понимания налогового закона при определении фактического размера цены возлагается на обязанное по налоговому законодательству лицо (налогоплательщика (исполнителя)), по особенностям хозяйственной деятельности которого зависит применение той или иной налоговой ставки, то сумма НДС не подлежит взысканию с покупателя (заказчика), полностью исполнившего договорное условие по оплате его цены.

В другом деле Арбитражный суд Московского округа [14] счел, что в гражданско-правовых отношениях заказчика и исполнителя сумма НДС есть часть цены подписанного ими договора, которая подлежит вычленению. При этом в спорном правоотношении, являвшемся предметом рассмотрения по этому делу, заказчик являлся государственным предприятием.

И, наконец, еще в одном деле Арбитражным судом Московского округа [15] отмечено, что при отсутствии в тексте договора и приложении к нему (спецификации) условия о том, что НДС не включен в цену продукции, не предусмотрено обязанности покупателя уплатить продавцу НДС дополнительно к цене договора. В постановлении сделан вывод о том, что доводы об увеличении цены договора на сумму НДС являются необоснованными, поскольку противоречат буквальному содержанию договора и не соответствуют принципам свободы договора и его цены, установленных ст. ст. 421, 424 ГК РФ.

Однако, позиция ВАС РФ о том, что если НДС в договоре не выделен, то он включен в цену, был неочевиден по возможности его применения к ситуации, когда продавец теряет право пользования «спецрежимом» предшествующей датой, например, с УСН, при нарушении определенных ограничений. Поскольку Пленум ВАС РФ рассматривал ситуацию, когда продавец изначально яв-

ляется плательщиком НДС, а налогоплательщики-«спецрежимники» плательщиками НДС не являются и, соответственно, при заключении договоров НДС в цену в принципе заложить не могут. Таким образом, вопрос на уровне ВАС РФ в этой части остался нерешенным.

Однако его актуальность сохраняется из-за проблемы принудительного «перевода» налогоплательщика с УСН на ОСН, в связи с чем налоговые органы доначисляют НДС «сверху» договорных цен, не производя извлечение НДС расчетным методом.

Определение действительного размера обязательств по НДС. Доначисление инспекциями НДС сверх цены договоров между участниками схем «дробления бизнеса» и конечными контрагентами противоречит ст. ст. 421, 424 ГК РФ, ст. 164 НК РФ. НДС, и в силу свободы договора подлежит извлечению из цены сделок с контрагентами.

Зачастую налоговые органы и суды, имея в распоряжении все договоры, заключенные между взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику посредниками, которые используют УСН, и конечными сторонними контрагентами, протоколы допросов этих контрагентов (их должностных лиц), отказываются применять расчетный метод, указанный в ст. 164 НК РФ и в п. 17 Постановления № 33, для определения действительной налоговой обязанности налогоплательщика. Налоговые органы в таких ситуациях производят доначисление НДС сверх цены договоров участников «схемы» со сторонними контрагентами, вменяя доходную базу по указанным сделкам проверяемому лицу.

Как отмечено ранее, по смыслу п.п. 1, 4 ст. 168 НК РФ сумма налога, предъявляемая покупателю при реализации товаров (работ, услуг), должна быть учтена при определении окончательного размера указанной в договоре цены и выделена отдельной строкой. Если в договоре отсутствует информация, что цена не включает в себя налог, то предъявляемый покупателю продавцом НДС выделяется из цены договора, и определяется расчетным методом (п. 17 Постановления № 33).

Экономическим источником для взимания НДС как части цены договора является встречное предоставление за продукцию, уплачиваемое налогоплательщику покупателем. При реализации товаров покупателю НДС не может исчисляться в сумме, не соответствующей реально сформированной цене. Иное применение означает незаконное взимание налога без переложения на потребителя, за счет иного экономического источника – собственного имущества продавца. Например, поставщик не может возложить на покупателя НДС, требуемый к уплате инспекцией, то согласованная цена уже включает НДС. Этот подход соответствует сложившейся судебной-арбитражной практике Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ и правовому подходу Европейского суда справедливости [16].

Определяя цену товара, стороны вправе указать в договоре, что сумма НДС включается или

не включается в цену. В случае не выделения НДС в цену сделки в силу императивного указания закона сумма НДС извлекается из цены сделки. Таким образом, налоговые органы, не применяя, либо неверно применяя (к примеру, только к части операций налогоплательщика и/или его взаимозависимых лиц), расчетный метод при доначислении НДС, вторгаются в сферу усмотрения сторон, в экономическую целесообразность заключения сделок по той или иной цене, нарушают свободу договора, изменяют коммерческие условия сделок.

Определяя права и обязанности субъекта предпринимательской деятельности, необоснованно применявшего «спецрежим», как плательщика НДС, сумма налога по операциям реализации подлежит установлению, как если бы НДС изначально был бы предъявлен к уплате сторонним контрагентам по установленным с ними договорным ценам и полученной от них выручки, т.е., как правило – путем выделения НДС из выручки, с последующим применением расчетного метода определения (расчетной ставки) НДС. Сами по себе факты получения необоснованной налоговой выгоды не могут являться основанием для изменения порядка определения недоимки и повлечь взимание налога в относительно большем размере [17]. При этом, форма вины имеет значение при определении размера штрафа (пункты 1 и 2 статьи 122 НК РФ).

Следовательно, правомерным в указанных ситуациях признается расчет действительного размера налоговых обязательств налогоплательщика исходя из применения ставки НДС 20/120 вместо прямого обложения спорных по своим налоговым последствиям хозяйственных операций по ставке 20% «сверху».

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
2. Налоговое право: Учебник / Е.Ю. Грачева, М.Ф. Ивлиева, Э.Д. Соколова. – М.: Юристъ, 2005. С. 150.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // электрон. ресурс, СПС «Консультант плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25976/ (дата обращения: 05.10.2020).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.09.2010 г. № 7090/10 по делу № А05–18763/2009// электрон. ресурс, картотека арбитражных дел, URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.10.2020).
5. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа Ф08–1803/2012 по делу № А53–17385/2011 // электрон. ресурс, картотека арбитражных дел,

- URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.10.2020).
6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.05.2011 г. по делу № А56–2030/2010 // электрон. ресурс, картотека арбитражных дел, URL: <http://kad.arbitr.ru>, (дата обращения: 05.10.2020).
Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 14.03.2012 г. по делу № А12–11033/2011 // электрон. ресурс, картотека арбитражных дел, URL: <http://kad.arbitr.ru>, (дата обращения: 05.10.2020).
  7. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.07.2012 г. по делу № А40–68414/11–60–424 // электрон. ресурс, картотека арбитражных дел, URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.10.2020).
  8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ// СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
  9. Заседание Президиума ВАС РФ 24.04.14 часть 2 // электрон. ресурс, видеоканал ВАС РФ на сайте YouTube, URL: <http://www.youtube.com/watch?v=p5Ni9A4MzTQ> (дата обращения: 30.09.2020).
  10. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 33 «О свободе договора и ее пределах» // электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (дата обращения: 05.10.2020).
  11. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» // Электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: http://www.arbitr.ru/archiv/post_plenum/109469.html (дата обращения: 05.10.2020).
  12. Шаронова Е. Когда НДС начислить, а когда вычесть: выводы ВАС (комментарий к Постановлению Пленума ВАС, касающемуся применения главы 21 НК РФ) // «Главная книга». 2014. № 15.
  13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.11.2017 г. № 308-ЭС17–9467 по делу № А32–4803/2015 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2020).
  14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.12.2019 № Ф05–22288/2019 по делу № А41–12475/2019 // электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c1882b5–967c-406e-b6c5-bedb446d5029/41087e0c-9a3e-44ee-ae4e-0e172f4ef091/A41–12475–2019_20191219_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.10.2020).
  15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2016 г. № Ф05–1456/2016 по делу № А40–67212/2015 // электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/69953be8-f952–4a70–8f2d-a8b6c5f91ac4/07883ade-c96b-4259-afb8-db090afeb821/A40–67212–2015_20160311_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.10.2020).
  16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.10.2019 г. № 305-ЭС19–9789 по делу № А41–48348/2017 (дело ИП Пяташова М.Е.), от 30.09.2019 г. № 307-ЭС19–8085, от 16.04.2019 г. № 302-КГ18–22744, от 23.11.2017 г. № 308-ЭС17–9467, от 24.11.2014 № 307-ЭС14–1622015 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2020); Решение Европейского суда справедливости от 07.11.2013 по делам С-249/12, С-250/12 // Сайт Европейского суда справедливости. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=uriserv%3АО.С_2012.243.01.0007.01.ENG (дата обращения 07.10.2020).
  17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.10.2019 г. № 305-ЭС19–9789 по делу № А41–48348/2017; Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» / 2006, № 12.

SUBSTANTIAL TAX OBLIGATION OF A VALUE ADDED TAXPAYER IN A TRANSACTION: PROBLEMS OF DEFINITION

Golenev V.V.

University named after O.E. Kutafin

This article is devoted to the consideration of the problem of determining the value added tax on a transaction. This issue remained unresolved in the Tax Code of the Russian Federation, which subsequently led to widespread litigation between the parties to the transaction. The courts applied legal norms in different ways, and practice created two ways to resolve these disputes: either the burden of responsibility fell on the seller, in the case of calculating tax from the transaction price, or on the buyer, in the case of additional tax on the amount of the transaction. And only with the help of the interpretation of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, namely the adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 05/30/2014 No. 33 "On some issues arising from arbitration courts when considering cases related to the collection of value added tax", it was possible to achieve uniformity decisions made on this category of cases. In addition, the article considered: additional taxation in excess of the price of contracts through the prism of illegal schemes, with the help of which unscrupulous taxpayers got rid of the excess revenue base, and incorrect calculation by the state body of the substantial tax obligation based on the results of a tax audit.

Keywords: law, tax law, Tax Code of the Russian Federation, tax, added tax, Federal Tax Service, tax audits, additional tax assessment, contract, freedom of contract, substantial tax obligation.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part two) of 05.08.2000, No. 117-FZ // SZ RF. 2000. No. 32. Art. 3340.
2. Tax law: Textbook / E. Yu. Gracheva, M. F. Ivlieva, E. D. Sokolov. – M.: Jurist, 2005. S. 150.
3. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 01.24.2000, No. 51 "Review of the practice of resolving disputes under a construction contract" // electron. resource, ATP "Consultant Plus", URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25976/ (date of access: 05.10.2020).
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.29.2010, No. 7090/10 on case No. A05–18763 / 2009 // electron. resource, card index of arbitration cases, URL: <http://kad.arbitr.ru> (date of access: 05.10.2020).
5. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North Caucasian District F08–1803 / 2012 in case No. A53–17385 / 2011 // electron. resource, card index of arbitration cases, URL: <http://kad.arbitr.ru> (date of access: 05.10.2020).
6. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-West District of 23.05.2011 in case No. A56–2030 / 2010 // electron. resource, card index of arbitration cases, URL: <http://kad.arbitr.ru>, (date of access: 05.10.2020).
Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga District of 03/14/2012 in case No. A12–11033 / 2011 // electron. resource, card index of arbitration cases, URL: <http://kad.arbitr.ru>, (date of access: 05.10.2020).
7. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 23.07.2012 in case No. A40–68414 / 11–60–424 // electron. resource, card index of arbitration cases, URL: <http://kad.arbitr.ru> (date of access: 05.10.2020).
8. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994, № 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
9. Meeting of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on April 24, 2014, part 2 // electron. resource, video channel of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on the YouTube website, URL: <http://www.youtube.com/watch?v=p5Ni9A4MzTQ> (date accessed: 09/30/2020).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014 No. 33 "On freedom of contract and its limits" // electron. resource, website of the system of arbitration courts of the Russian Federation, URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (date accessed: 05.10.2020).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 05/30/2014 No. 33 "On some issues arising from arbitration courts when considering cases related to the collection of value added tax" // Electron. resource, website of the system of arbitration courts of the Russian Federation, URL: http://www.arbitr.ru/arxiv/post_plenum/109469.html (date accessed: 05.10.2020).
12. Sharonova E. When to charge VAT and when to deduct: conclusions of the SAC (commentary to the Resolution of the Plenum of the SAC concerning the application of Chapter 21 of the Tax Code of the Russian Federation) // "General Book". 2014. No. 15.
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated November 23, 2017 No. 308-ES17–9467 in case No. A32–4803 / 2015 // The document was not published. Source – SPS "Consultant Plus" (date of access: 07.10.2020).
14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 19.12.2019 No. F05–22288 / 2019 in case No. A41–12475 / 2019 // electron. resource, website of the system of arbitration courts of the Russian Federation, URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c1882b5-967c-406e-b6c5-bedb-446d5029/41087e0c-9a3e-44ee-ae4e-0e172f4ef091/A41-12475-2019_201912alenija.pdf?isAddStamp=True (date accessed: 10/07/2020).
15. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of March 11, 2016 No. F05–1456 / 2016 in case No. A40–67212 / 2015 // electron. resource, website of the system of arbitration courts of the Russian Federation, URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/69953be8-f952-4a70-8f2d-a8b6c5f91ac4/07883adc96b-4259-afb8-db090afeb821/A40-67212-2015_Ra201603.pdf?isAddStamp=True (date accessed: 10/07/2020).
16. Determinations of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated October 28, 2019 No. 305-ES19–9789 in case No. A41–48348 / 2017 (case of PI Pyatashov M.E.), dated September 30, 2019 No. 307-ES19–8085, dated 04.16.2019 No. 302-KG18–22744, dated 23.11.2017 No. 308-ES17–9467, dated 24.11.2014 No. 307-ES14–1622015 // Documents have not been published. Source – SPS "Consultant Plus" (date of access: 07.10.2020); Decision of the European Court of Justice of 07.11.2013 on cases C-249/12, C-250/12 // Website of the European Court of Justice. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?Uri=uriserv%3AOJ.C_.2012.243.01.0007.01.ENG (date of access 07.10.2020).
17. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated October 28, 2019 No. 305-ES19–9789 in case No. A41–48348 / 2017; Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.10.2006 No. 53 "On the assessment by arbitration courts of the validity of the taxpayer's tax benefit" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation / 2006, No. 12.